

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАНА**

На правах рукописи

Азимова Саноат Рахматовна

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕМ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, ТАДЖИКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКАХ)**

**Специальность:10.02.20 - сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание**

ДИССЕРТАЦИЯ

**на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель:
доктор филологических
наук, профессор П. Джамshedов**

Душанбе- 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретическое обоснование сопоставления фразем в разноструктурных языках	
1.1. О соотношении понятий «фразеологизм», «фразеологическая единица», «фразаема» и «идиома» в языкознании	11
1.2. К вопросу о происхождении фразем в сопоставляемых языках и об их использовании в речи.....	23
1.3. Фразаема как семантическая разновидность фразеологических единиц в рассматриваемых языках	46
1.3.1. Фразаема в английском языке.....	46
1.3.2. Особенности фразем в таджикском языке.....	53
1.3.3. Анализ фразем русского языка.....	55
1.4. К вопросу о явлении синонимии и антонимии фразем в сопоставляемых языках.....	58
1.5. Фраземы как единицы постоянного контекста.....	71
Глава 2. Структурно-семантические особенности фразем в сопоставляемых языках	
2.1. К вопросу о соответствии слова, предложения и фраземы с учетом переходности значения.....	83
2.2. Структурные особенности фразем в исследуемых языках.....	110
2.2.1. Субстантивные фраземы.....	110
2.2.2. Адвербиальные фраземы.....	133
2.2.3. Глагольные фраземы.....	138
Заключение	155
Список использованной литературы.....	160
Список словарей и лексикографических источников.....	171

Введение

Фразеология отражающая и ценностно хранящая многовековой опыт трудовой и культурной жизни народа, его мудрость, обычаи, традиции, верования, является одним из богатейших источников познания любого языка, его развивающейся системы.

Усиленное развитие исследований в области фразеологии создало необходимые предпосылки для раскрытия и описания фразеосистемы различных языков. Лингво-сопоставительный аспект её изучения до сих пор ещё не исчерпал своей проблематики.

Предлагаемая диссертационная работа посвящена сопоставительному исследованию фразем в разноструктурных языках.

Фразеология, как самостоятельная отрасль языковедческой науки, привлекает к себе внимание многих исследователей. Объясняется это, видимо тем, что с её изучением связаны многие проблемы, касающиеся значимых единиц языка, лексико-семантической сочетаемости слов и других сложных явлений языка. Уже немало сделано для выявления, изучения и описания фразеологического состава языка, однако многие вопросы фразеологии остаются до сих пор нерешёнными, спорными, требующими дополнительного изучения, поэтому, фразеология как лингвистическая дисциплина находится всё ещё в стадии «скрытого развития». Она интересует многих языковедов, в исследованиях которых она приобретает уже сложившуюся традицию и характерные черты.

Актуальность темы. Актуальность темы обусловлена необходимостью изучения фраземы как одной из семантических единиц в разноструктурных языках, а также необходимостью сопоставительного анализа функционально-семантических особенностей фразем в сравниваемых языках. Структурно-семантические и функциональные аспекты фразем каждого из рассматриваемых языков в той или иной степени подвергались изучению, однако в сопоставительном плане проблема не становилась объектом системного анализа, что делает актуальной избранную тему.

В настоящее время все сопоставительные исследования проводятся на основе разных иностранных языков, что обуславливается интенсивным расширением международных связей, углубленным развитием каждого из языков, необходимостью повышения качества преподавания иностранных языков и особенно переводческого мастерства.

Сам термин «фразеология» употребляется для обозначения материала науки о фразе, означающий своим содержанием и составом эту науку. За последние годы в языкознании появилось много работ, посвящены проблематике фраземы различных языков, в том числе английского, таджикского и русского.

Первые работы русских исследователей по английской фразеологии носили преимущественно описательный характер. Если же в них затрагивалась проблема сущности описываемых явлений, то в пределах небольшой статьи иногда поверхностно решались такие сложные вопросы, как пути становления, синонимия, стилевое своеобразие, структурные типы фразеологизмов и т.п.

Значимым стимулом для самостоятельной разработки проблем английской фразеологии в ещё советском языкознании послужило появление популярных работ академика В. В. Виноградова по фразеологии русского языка [31]. До недавнего времени ни одно исследование или популярное описание английского, таджикского и русского фразеологического фонда не выходило из руслу его фразеологической концепции.

Некоторые из авторов видели свою задачу в том, чтобы механически применить идеи академика В. В. Виноградова к английскому материалу, используя эти идеи как безусловные истины, не нуждающиеся ни в проверке, ни в дальнейшем развитии. В других работах упоминалось о необходимости учитывать специфику языка при изучении фразеологических явлений, но конкретного применения эти общие соображения не находили [4, 3].

Большой вклад в изучение фразеологии внесли академик В. В. Виноградов [31] и профессор Б.А.Ларин [73]. Б.А. Ларина интересовали,

прежде всего, вопросы исторических устойчивых сочетаний. И именно историческая фразеология является, как правило, тем рубежом, перед которым останавливаются многие фразеологи, начинающие свои исследования с почтительной ссылки на Б.А.Ларина.

Призыв Б.А.Ларина к систематической разработке фразеологии в диахроническом плане не нашёл, к сожалению, пока должного ответа. Тем не менее, работы синхронического плана, исследования, посвященные теоретическим проблемам о сущности фразеологических единиц, об их категориальных свойствах и т.п. способствовали появлению практических работ о функционировании устойчивых оборотов в языке и речи.

Степень разработанности проблемы научного исследования

Забвение исторической связи и отразилось, прежде всего, на трудностях решения многих теоретических вопросов фразеологии. Нет ни одного принципиального вопроса, который не вызвал бы в среде фразеологии острых дискуссий. Всё ещё не установлены даже критерии определения фразем, нет единства мнений о категориальных свойствах этих единиц. Такие понятия, как устойчивость, воспроизводимость, идиоматичность, экспрессивность, образность постоянно подвергаются критическим пересмотрам: их роль в определении фразеологизма то чрезмерно преувеличивается, то излишне преуменьшается. Вопрос о критериях выделения фразеологизмов связан с вопросом о границах фразеологии: чем меньше фразеологических свойств теоретически постулируется автором той или иной концепции, тем шире оказываются границы фразеологии.

Научное исследование фразеологии таджикского языка всесторонне началось только в годы советской власти. Но таджикских филологов эта весьма сложная и противоречивая проблема интересовала уже давно. По этому вопросу особенно занимательны некоторые замечания составителей различных толковых и специальных словарей.

Первые серьёзные шаги по научному исследованию фразеологии таджикского языка начали осуществляться лишь после публикации известных

статей академика В.В.Виноградова [31, с.187]. В начале это были наблюдения общего характера, которые проводились в связи с решением других языковых проблем, таких, как изучение словарного состава, создание нормативных грамматик.

Лишь спустя несколько десятилетий стали вырисовываться самостоятельные контуры фразеологических исследований. Определяются объекты изучения современного состояния, перспективы диахронной и сопоставительной фразеологии. Из всех этих аспектов наиболее изученным является современное состояние фразеологического состава таджикского языка. Общепрофессиональный фразеологический фонд современного таджикского языка, в свою очередь, исследован в различных направлениях: изучаются стилистические функции фразеологии отдельных произведений таджикских писателей (Р. Гаффаров, Б. Камолиддинов, М. Юсупова), определяются отдельные стороны и закономерности функционирования фразеологических средств литературного языка (Х. Маджидов, С.В. Хушенова, Н. Масуми), выделяются особенности диалектной фразеологии, разрабатываются вопросы фразеологии и методики изучения ФЕ в школе.

Изучение фразеологических единиц таджикского языка с точки зрения их стилистических особенностей, начатое Н. Масуми и продолженное Р. Гаффаровым, подхвачено и другими исследователями.

Предметом исследования в данной работе являются определение фраземы как одной из семантических разновидностей фразеологических единиц, а также их структурно-семантические особенности в разноструктурных языках. Особое внимание уделяется исследованию фразем с точки зрения их происхождения.

Цель исследования. Основной целью работы является выявление фразем в разноструктурных языках и их описание путём сопоставительного анализа, выявление их подобия и различия на основе описания изучаемых фактов.

Сопоставительным методом исследуются взаимосвязанные теоретические вопросы, нуждающиеся в освещении, а также аспекты формирования и пополнения фразеологического фонда, их конкретные разграничительные признаки, стилистические особенности в сопоставительно-типологическом отношении с учётом достижений общего и сопоставительного языкознания.

Достижение этой цели определило необходимость решения следующих **задач:**

- выявить фраземы в английском и таджикском языках в сопоставлении с русским языком на основе единого исследовательского метода и единой лингвистической терминологии;
- сравнить по основным параметрам фраземы в сопоставляемых языках с целью выявления в них использования универсального и дифференциального;
- выделить основные модели построения фраземы в сопоставляемых языках на основе структурной классификации;
- определить характер языковой образности фраземы в рассматриваемых языках;

Методы исследования. Для достижения цели при написании работы были применены такие методы исследования как, сравнительно-сопоставительный, а также методы трансформационного анализа, компонентного анализа, описания и наблюдения, статистический, интегрально-разграничительный, логико-понятийный.

Работа написана на основе изучения и обобщения достижений отечественной, зарубежной фразеологии и мы рассматриваем её как продолжение серии исследований таджикской школы сравнительной фразеологии, которая нашла своё отражение в работах, посвящённых сопоставительно-сравнительному анализу фразеологических оборотов таджикского с другими языками - немецким, английским, русским, узбекским, татарским, болгарским и т.д.

Теоретической базой исследования послужили фундаментальные труды по фразеологии зарубежных и отечественных лингвистов, таких как: В.В. Виноградов, Н.Н. Амосова, А.В. Кунин, Н.Ф. Алефиренко, В.Н.Телия, Х.М.Маджидов, С.В. Хушенова, М. Фозилов, М.Н. Азимова и другие.

Примеры из художественных произведений английской и таджикской литературы использовались в качестве иллюстративного материала. Часть примеров даются в нашем собственном переводе, а также в переводах информантов, в качестве которых выступили кандидаты филологических наук М.Раджабова, М. Юсупова, знающие английский, таджикский и русские языки и работающие на факультете иностранных языков ХГУ им. академика Б. Гафурова.

Научная новизна исследования заключается в следующем: впервые проведено комплексное исследование фразем в разноструктурных языках, проведён их сопоставительный лексико-семантический и структурно-грамматический анализ фразем в таджикском, английском и русском языках; описаны терминологические универсалии и национально-культурные особенности их образования в изучаемых языках, в научный обиход введён новый фактический материал, относящийся к фраземе.

Теоретическая значимость работы заключается в обосновании системной организации языковой семантической категории фразеологизмов в таджикском, английском и русском языках и в выявлении определённых свойств фраземы в сопоставляемых языках. Исследование совокупности фраземы внесёт определённый вклад в решение вопросов фразеологии, фразеографии и стилистики рассматриваемых языков.

Практическая ценность работы состоит в том, что результаты данного исследования могут быть использованы при написании учебников и учебных пособий по курсу «Фразеология», при составлении фразеологических словарей, а также в теории и практике перевода, в лекционных курсах по лексикологии данных языков, сравнительной типологии таджикского, английского и русского языков, при написании курсовых и дипломных работ.

Апробация работы. Результаты поведенного исследования были изложены в докладах и сообщениях на конференциях молодых учёных Согдийской области, а также на традиционных научных конференциях профессорско-преподавательского состава ХГУ имени академика Б. Гафурова. Основные положения диссертации опубликованы в пяти научных статьях, в тезисах докладов.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры Английской филологии Российско – Таджикского (славянского) университета (протокол № 9 от 29 апреля 2016) и на обширном заседании кафедры Фонетики и лексикологии английского языка Худжандского государственного университета им. Б. Гафурова (протокол № 10 от 13 мая 2016).

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы. Объём диссертации – 173 страниц компьютерного набора.

Во введении обосновывается выбор темы, её актуальность, определяются цели и задачи исследования, предмет исследования, научная новизна, методы исследования, изложены теоретическая и практическая значимость работы, представлен краткий обзор специальной литературы по фраземам сопоставляемых языков, где перечисляются и кратко комментируются наиболее важные труды по изучаемой нами проблеме.

В первой главе «Теоретическое обоснование сопоставления фразем в разноструктурных языках» фразема рассматривается как одна из семантических разновидностей фразеологических единиц. Первая глава состоит из пяти разделов. В первом разделе особое внимание уделяется общей характеристике фразеологической единицы, в данном случае - фраземе. В главе выделяются основные типы устойчивости ФЕ, которые в свою очередь основаны на свойственных им различных типах инвариантности, т.е. неизменяемости тех или иных элементов при всех нормативных изменениях. Таким образом, выделяются следующие виды инвариантности: устойчивость

употребления, структурно-семантическая устойчивость, семантическая, лексическая и синтаксическая устойчивости.

В данной главе также рассматриваются фраземы с точки зрения их происхождения. Известно, что источники происхождения фразем в современном английском и русском языках весьма разнообразны, а в таджикском они в основном исконные или пришедшие из арабского языка.

По происхождению английские фраземы можно разделить на два класса: исконно английские фраземы и заимствованные.

Далее в работе фразема рассматривается как одна из семантических разновидностей фразеологических единиц. Известно, что роль контекста для английского языка значительно выше, чем для многих других языков. Поэтому в разделе выделяется переменный контекст и постоянный контекст. Особое внимание уделяется единице постоянного контекста, в котором значение семантически реализованного слова является фразеологически связанным.

Во второй главе «Структурно-семантические особенности фразем в сопоставляемых языках» рассматриваются структурно-семантические особенности фразем. Так как фраземы имеют различное строение и различный морфологический состав создающего их контекста, они могут иметь структуру атрибутивного сочетания, субстантивного, а также глагольного. В данной главе анализируются в основном особенности структуры субстантивных, адвербиальных и глагольных фразем в аспекте номинации в трёх языках и охватывает два больших раздела.

В заключении диссертационной работы подводятся итоги исследования и приводятся выводы по рассмотренной проблеме.

В конце работы приводится список использованной литературы и лексикографических источников.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ ФРАЗЕМ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ.

1.1 О соотношении понятий «фразеологизм», «фразеологическая единица», «фразема» и «идиома» в языкознании

В научной литературе существуют различные точки зрения на идентичность таких понятий, как «фразеологизм», «фразеологическая единица», «фразема» и «идиома». Изучая данную проблему, можно обнаружить, что не все исследователи разграничивают значения этих понятий [104; 35; 76; 5; и др.].

Устанавливая понятие фразеологизма, учёные пытаются выявить его главную особенность.

Так, например, В. Н. Телия в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» считает, что фиксированная устойчивость является особенностью фразеологизма. Поэтому, определяя значение данного термина, она пишет: «Фразеологизм (фразеологическая единица) - общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определённого лексико-грамматического состава» [136, с.559].

Это же определение уточняется в энциклопедии «Русский язык» под ред. Ю. Н. Караулова: «Фразеологизм, фразеологическая единица - общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не произносятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в узуально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определённого лексико-грамматического состава» [59, с.605].

Н. Ф. Алефиренко рассматривает понятие фразеологизма с точки зрения другой его особенности – целостности значения. Автор указывает, что фразеологические единицы (фраземы) это несвободные сочетания слов, а фразема является устойчивым сочетанием слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов [6, с.251].

Изучая это суждение, П. А. Лекант утверждает: «Фразеологизм (фразеологическая единица - ФЕ) является сложной междисциплинарной единицей, в форме и значении которой взаимодействуют единицы разных уровней: фонетического, словообразовательного, лексического, семантического и грамматического»[76, с.61]. Таким образом, он рассматривал фразеологизм с точки зрения уровней языка (то есть именно как междисциплинарную единицу).

М.И. Фомина считает, что фразеологизм - это основная единица современной фразеологической системы, она сложная, многоаспектная, трудновыделяемая из общего числа слов, а тем более словосочетаний, и поэтому трудноопределяемая [111, с.304]. При этом она выделяет такие основные черты фразеологической единицы, как многоаспектность, трудновыделяемость и сложность в определении.

Более четкие определения выдвигают Т.И. Вендина и В. М. Мокиенко. Так, например, Т. И. Вендина под фразеологизмом (или фразеологический оборот) понимает единицу языка, которая лексически неделима, воспроизводится в речи и состоит из двух или более ударных компонентов. Она устойчивая в своём составе, структуре и целостная по своему значению [35, с.143]. По мнению В. М. Мокиенко фразеологические единицы это относительно устойчивые, воспроизводимые, экспрессивные сочетания лексем, которые обладают (как правило) целостным значением [88, с.5]. На наш взгляд именно эти определения более точно отражают значение данного термина.

Итак, рассматривая термин «фразеологизм», можно считать, что в современной лингвистической литературе не существует единого его определения.

Как не существует единого определения понятия «фразеология» и «фразеологизм», точно так же взгляды исследователей расходятся при определении понятия «идиома».

Например, вслед за В. В. Виноградовым, Ю. С. Маслов считает, что «идиома» - это общее понятие для фразеологических сращений и фразеологических единств, и первые для него – идиомы с немотивированным значением, а вторые – с мотивированным значением [85, с.118]. Для общего обозначения понятий фразеологических сращений и единств П. А. Лекант и Е. И. Диброва пользуются в своих работах термином «идиома» [76, с.63; 51, с.370].

Б. Н. Головин же, в свою очередь, считает идиом самостоятельным типом фразеологических оборотов, выделяемый наряду с фразеологическими сращениями, единствами и сочетаниями [47, с.110].

Е. И. Диброва рассматривает идиомы (сращения и единства по В. В. Виноградову) с точки зрения их устойчивости структурно-семантического объединения, значение которых неразложимо на значения слов-компонентов, их составляющих, и которые функционируют в предложении как эквивалент отдельного слова (т. е. выступают как один член предложения) [51, с.359-360]. П. А. Лекант считает, что идиомы это устойчивые объединения, смысл которых неразложимо на значения слов компонентов, их составляющих; в предложении они используются как эквивалент отдельного слова (**вешать лапшу на уши, дать стрекача**) [76, с.62].

Как видно из определений Е. И. Дибровой и П. А. Леканта, идиомы обладают высокой степенью спаянности компонентов. Другие исследователи, как А. А. Гируцкий и Б. Н. Головин тоже поддерживают это суждение.

Идиомы, по мнению А. А. Гируцкого, не допускают буквального пословного понимания фразеологизма, т. к. один из его компонентов обязательно выпал из современного словоупотребления [45, с.168].

Б. Н. Головин, изучая данное понятие, считает, что идиомы – «абсолютно неделимые сочетания слов, фразеологическое значение идиомы никак не «пояснено», не мотивированно лексическими значениями её элементов – отдельных слов; к тому же некоторые слова в идиомах не осознаются, их значения забыты» [47, с.110]. Например в английском *twiddle one's thumbs; fritter away [waste] one's time* на таджикский язык переводятся буквально: *бекорхӯчагӣ кардан/бекорхӯча шуда гаштан*, в русском *бить баклуши*; английские *drag smth. out; spin smth. out; fuss (mess) about; dawdle; waste one's time; harp on the same string* на таджикском: *ба кори дилбазан машгул шудан/кашол додан*; в русском языке *волынку тянуть, тянуть канитель...*

Таким образом, сложность в определении данного термина заключается в том, что одни исследователи считают идиомы фразеологическими сращениями и единствами, другие же относят их к самостоятельному типу ФЕ, третьи – не видят связи между идиомами и фразеологическими сращениями и единствами. Но все исследователи, говоря об идиоме, имеют в виду неразложимость его значения на значения слов-компонентов.

Как и все другие единицы языка, фразеологизм обладает некоторыми признаками. Этот факт ставит исследователей перед еще одной проблемой, которая занимает не последнее место в исследованиях по фразеологии. Мнения учёных расходятся не только в количественном определении признаков ФЕ, но и в их содержании.

Многие исследователи выделяют три основных признака фразеологизмов: воспроизводимость, устойчивость компонентного состава и раздельнооформленность.

В результате сопоставления фразеологизмов со смежными единицами – словами и свободными сочетаниями слов (словосочетаниями и

предложениями) выявляются их характерные признаки. Такое сопоставление обуславливается самой природой ФЕ: её фразеомобразующими компонентами выступают слова и функционируют в речи ФЕ подобно словам, а по структуре они соотносимы со словосочетаниями и предложениями [6, с.252].

Мы считаем, что целесообразно разделить все признаки фразеологизмов на три группы: признаки, отличающие фразеологический оборот от слова, от свободного сочетания слов и дифференциальные признаки ФЕ.

По мнению Т. И. Вендиной, фразеологический оборот отличается от слова такими признаками, как: 1) структурная оформленность, 2) грамматическая оформленность, 3) акцентологическая оформленность [35, с.145]. Рассмотрим подробнее эти признаки.

Структурная оформленность, согласно точки зрения Т.И. Вендиной это тот факт, что слово состоит из морфем, которые вне слова применяться не могут, а фразеологизм состоит из слов, которые могут употребляться и за границами фразеологического оборота [35, с.145]. Например, английские фразеологизмы *keep one's mouth shut; hold one's tongue; keep one's tongue within one's teeth; keep a still tongue in one's head; keep (save) one's breath to cool one's porridge* в таджикском языке означают *лаб фурӯ бастан/зобонро ниғаҳ доштан* – в русском *держат язык за зубами* – молчать, помалкивать.

По мнению Вендиной, грамматическая оформленность - это слово, состоящее из морфем, которое выступает как единица цельнооформленная, а фразеологизм, состоящий из слов, - как единица разнооформленная. При всей их связанности друг с другом компоненты фразеологизма являются самостоятельными словами, имеющими своё значение и систему грамматических форм [35, с.145]. Например, английские фразеологизмы *tell smth. honestly, with one's hand on (upon) one's heart*, в таджикском языке означают *бо дили соф, кушоду равшан*; в русском - *положа руку на сердце* – чистосердечно.

Т. И. Вендина считает, что способность фразеологизмов иметь два и более ударных компонента в отличие от слова, имеющего только одно

основное ударение (при условии, что оно не безударно) является акцентологической оформленностью [35, с.145].

Например, *take a mild view of smth.; close (shut) one's eyes to smth.; wink (blink) at smth.; be blind to smth.; turn a blind eye to smth.; look the other way – аз пушти панча назар кардан/ кўр-кўрона назар кардан – смотреть сквозь пальцы – намеренно не обращать внимания на что-либо. Этим признаком фразеологический оборот отличается от основных наименований типа *village library and reading room – хона – китобхона – изба-читальня, sofa bed/sofa sleeper/convertible couch – диван - кат-диван-кровать*, а также от слов, возникших лексико-синтаксическим способом словообразования типа *lunatic – девона/чиннӣ - умалишённый, дар боло зикришуда/мазкур – above-mentioned – вышеизложенный»**

Сравнивая слово с фразеологической единицей, П. А. Лекант и Н. Ф. Алефиренко выделяют только один признак, который Т. И. Вендина считает грамматической оформленностью (раздельнооформленностью).

Так, П. А. Лекант полагает, что фразеологизм как и слово, является единицей номинации. Но разница между словом и ФЕ выражается в составной, целостной номинации, обладающей косвенно-номинативным значением [76, с.62].

Н. Ф. Алефиренко считает, что структура слова по характеру состоит из морфем – простых значащих единиц, действительно существующих только в слове, а ФЕ состоит из компонентов словного происхождения. Поэтому он утверждает, что слово – цельнооформленная единица, а ФЕ – разнооформленная, у слова одно основное ударение, а у ФЕ – два и более [6, с.253].

По мнению Т. И. Вендиной фразеологический оборот от свободного сочетания слов отличается следующими признаками: 1) воспроизводимостью, 2)целостностью своего значения, 3) устойчивостью своего состава и 4) непроницаемостью [35, с.143].

Говоря о воспроизводимости, она пишет: «фразеологизм не создаётся в процессе общения, а так же, как и слово, воспроизводится в виде целостной единицы» [35, с.143].

При этом этот автор понимает независимость значения фразеологизма от составляющих его элементов как целостностью значения: словосочетания как бы «переосмысляются», во фразеологическом обороте, в результате процесса десемантизации входящих в него слов образуется новая единица со своим собственным значением» [35, с.143]. сравним тадж. *устухони касеро шустан, зайбат кардан* - англ. *pick (pull) smb. to pieces; pick smb.'s bones; rake smb. over the coals; enjoy muckraking* – русск. *перемывать косточки – сплетничать*.

Объясняя устойчивость состава ФЕ, Т. И. Вендина пишет, что «компоненты фразеологического оборота располагаются друг за другом, как правило, в строго определённом порядке (ср. *бисёр бад/аз ҳад зиёд ганда/бади бад/гандаи ганда* – *very poor; from bad to worse; thoroughly bad; wretch edly; simply (absolutely) terrible* - *из рук вон плохо* , но не *вон из рук*), всякое изменение состава фразеологизма ведет к образованию фразеологического неологизма [35, с.143].

П. А. Лекант и Н. Ф. Алефиренко не выделяя отдельно признаки, отличающие фразеологизмы от свободных сочетаний слов, относят такие признаки ФЕ к дифференциальным признакам.

Так, по мнению П. А. Леканта: «Дифференциальными признаками ФЕ являются: 1) косвенно-номинативное значение; 2) социально закреплённое соотношение смыслового содержания и лексико-грамматического состава ФЕ; 3) постоянство воспроизведения одного и того же компонентного состава; 4) раздельнооформленность ФЕ (фразеологизм состоит не менее чем из двух слов-компонентов)» [76, с.62-63].

Необходимо отметить, что П. А. Лекант определяет такие дифференциальные признаки ФЕ, которые Т. И. Вендина относит к отличиям от свободного сочетания слов. Например, П. А. Лекант выделяет такие

признаки, как «социально закреплённое соотношение смыслового содержания и лексико-грамматического состава ФЕ» и «постоянство воспроизведения одного и того же компонентного состава», а Т. И. Вендина аналогично – «воспроизводимостью», «целостностью значения», «устойчивостью своего состава».

Н. Ф. Алефиренко считает, что следующие особенности являются категориальными признаками, отличающих ФЕ от смежных языковых и речевых образований: 1) особое экспрессивно-образное значение, целостность фразеологической номинации; 2) раздельнооформленность компонентного состава; 3) специфическая воспроизводимость; 4) особая (фразеологическая) устойчивость [6, с.256].

Как видно, П. А. Лекант и Н. Ф. Алефиренко выделяют одни и те же дифференциальные признаки ФЕ, указывая например, на такой признак ФЕ, как раздельнооформленность компонентного состава, а постоянство воспроизведения они ставят на третье место и т. д.

Т. И. Вендина указывает на такие отличительные признаки фразеологизмов как: 1) лексическое значение, присущее всему обороту в целом; 2) компонентный состав; 3) наличие в его структуре грамматических категорий [35, с.144].

Таким образом, в результате сопоставления фразеологизмов со смежными единицами одними исследователями (Т. И. Вендина) выводятся признаки фразеологизмов, а другие (П. А. Лекант, Н. Ф. Алефиренко) – относят эти признаки к дифференциальным. Именно в этом заключается проблема определения признаков фразеологических единиц. Но по сути все вышеуказанные лингвисты приводят такие категориальные признаки ФЕ, которые глубоко раскрывают явление фразеологизма.

Поворотным пунктом в изучении фразеологии различных языков явились известные работы акад. В.В. Виноградова, посвящённые русской фразеологии [32, с.100]. Так, в 1946 году вышла в свет его монография «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины»,

а в 1947 году была опубликована его другая работа «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке». Труды этого учёного глубоко повлияли на все исследования в области фразеологии, так как они заполнили то пространство, которое образовалось ввиду недостаточного изучения семантики устойчивых сочетаний слов.

По верному замечанию Н.Н. Амосовой «Концепция акад. В. В. Виноградова – это особая ступень в развитии теории «Неразложимых сочетаний», более высокая по сравнению с тем, что было сделано в русском языкознании до него. Основное её значение заключается в том, что благодаря ей фразеологические единицы получили более обоснованное определение именно как лексические комплексы с особым семантическим своеобразием» [8, с.5].

В. В. Виноградов выделяет три типа фразеологических единиц:

1. Фразеологические сращения или идиомы – немотивированные единицы, выступающие как эквиваленты слов.
2. Фразеологические единства – мотивированные единицы с единым целостным значением, возникающим из слияния значений лексических компонентов.
3. Фразеологические сочетания – обороты, в которых у одного компонента фразеологически связанное значение, проявляющееся лишь в связи со строго определённым кругом понятий и их словесных обозначений.

Следует отметить, что работы В.В. Виноградова, посвящённые проблематике, послужили основой для дальнейшего развития теории фразеологии, которая будет настоятельно двигаться вперёд и не замыкаться в рамках привычных схем.

Ряд учёных отнеслись критически к взглядам В.В.Виноградова в области фразеологии. Так, Н.Н. Амосова подчёркивает, что оперирование понятием «устойчивость словесного комплекса» в виде аксиомы, не требующей ни определения ни уточнения, нельзя объяснить спецификой русского материала.

Н.Н. Амосова также замечает что в работах В.В. Виноградова понятие «немотивированность фразеологических единиц» не опирается на какие-либо конкретные, объективно устанавливаемые особенности [8, с.7-8]. Поэтому разграничить сращения и единства не всегда возможно. Хотя поиски в данном направлении ведутся, но это сложная проблема и на сегодняшний день не нашла своего решения.

В.В. Виноградова часто упрекают за отсутствие единого принципа классификации фразеологических единиц. Две первые группы – сращения и единства – отделяются друг от друга по признаку мотивированности фразеологической единицы, третья группа - фразеологические сочетания – по признаку ограниченной сочетаемости слов.

В связи с этим С.Г.Гаврин выставляет свои веские возражения в монографии «Фразеология современного русского языка». «Дело в том, что объективно единый принцип, единое основание в классификации есть – деление, которое происходит по степени затруднённости выведения значения целого из значения компонентов: в сращениях такое выведение затруднено в высшей степени (невидимо); в единствах оно сильно осложнено семантической двупланностью, но явно выводимо; во фразеологических сочетаниях выведение очень осложнено недостаточной четкостью значения фразеологически ограниченного компонента; во фразеологических выражениях значение целого без труда выводится из значения компонентов» [39, с.6].

Н. М. Шанский в своём труде «Фразеология современного русского языка», вышедшем в 1963 году, добавил ещё один тип фразеологических единиц – фразеологические выражения. Под фразеологическими выражениями понимаются устойчивые в своём составе и употреблении обороты, которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободным значением [119, с.201-202].

Классификация устойчивых сочетаний слов в работе А.И.Смирницкого является эскизной и основанной в первую очередь на стилистическом

критерии. Это классификация была опубликована в книге «Лексикология английского языка» в 1956 г.

Большой вклад в развитие фразеологии английского языка внёс А. В. Кунин. В 70-х годах были опубликованы его труды «Фразеология современного английского языка», «Английская фразеология», а также «Курс фразеологии современного английского языка», в которых особое внимание уделяется изучению устойчивости фразеологических единиц, их семантической структуры и компонентному составу, проблеме происхождения фразеологических единиц современного английского языка [68].

Серьёзный вклад в изучение таджикской фразеологии внёс Х.М. Маджидов [82]. Он рассматривает современную фразеологию в системных связях, и с этой точки зрения выделяет такие семантические типы, как фраземы, идиомы и неидиоматичные ФЕ. Х.М. Маджидов выделяет фразеологию как особый уровень в языке, самый верхний и самый близкий к речи [82].

Современное состояние фразеологического фонда таджикского языка наиболее продуктивно изучено с точки зрения его общих закономерностей бытования и функционирования. Это направление сложилось еще в 60-ые годы прошлого века в результате исследования структурно-семантических особенностей и выявления отдельных структурных типов ФЕ. В работах С.В. Хушеновой и Х. Маджидова были предприняты попытки определить языковую сущность и структурно-семантические особенности двух наиболее продуктивных типов ФЕ таджикского языка – изафетных и глагольных.

С.В. Хушенова, положив в основу исследования ФЕ такие критерии, как воспроизводимость в готовом виде, устойчивость структуры, разная степень утраты значений и грамматических свойств компонентов, целостность значения в качестве основных свойств ФЕ, определяя отношение изафетных ФЕ к свободным словосочетаниям, сложным словам и терминологическим оборотам, выявила структурно -функциональные особенности и типологию

изафетных ФЕ [115]. Ею разработан также и ряд других вопросов таджикской фразеологии.

Исследование и описание фразеологии современного таджикского языка не обходится без его лексикографической, точнее фразеографической разработки. Как нами было отмечено выше, фразеографические разработки в таджикской филологической науке имеют свои давние традиции.

Первые лексикографические разработки фразеологического пласта современного таджикского языка были предприняты в связи с составлением двуязычного таджикско-русского словаря. В 1964 г. выходит из печати двухтомный толковый фразеологический словарь таджикского языка, составленный М. Фазыловым, который намного опережает появление аналогичных словарей других языков.

Большим достижением таджикской фразеологической науки следует считать появление двухтомного толкового словаря лексики классического периода, созданного коллективом авторов АН Таджикской ССР и выпущенного под редакцией М.Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Хашима и Н.А. Масуми. В этом словаре проводится и объясняется значительное количество фразеологического материала извлеченного из таджикского языка классического периода. Собранные здесь фразеологические средства служат не только основой для будущих исторических фразеологических словарей таджикского языка, но и являются прелюдией ко всем предстоящим разысканиям в этой области.

Следует подчеркнуть, что мы, в свою очередь, разделяем точку зрения Амосовой Н.Н и берём в основу нашего исследования термин «фразема». Фразема – это единица постоянного контекста, в которой указательный минимум, требуемый для актуализации данного значения семантически реализуемого слова, является единственно возможным, не варьируемым, т.е. постоянным, например, *beaf tea – пиёбаи гуштии тунд* [букв. говяжий чай] в значении «крепкий мясной бульон»; *knit one's brows – абру чин кардан/қавоқ андохтан* [букв. связывать брови] в значении «нахмуриться»; *Black frost –*

хунукии қаҳратун [букв. чёрный мороз] в значении «мороз без снега» и др. Второй компонент является указательным минимумом для первого.

Следует отметить, что единичная сочетаемость во многих фраземах является крайне неустойчивой, и они легко переходят в переменные сочетания слов. В «Большом Оксфордском словаре» имеется огромное число примеров первоначальной единичной сочетаемости слов, а затем её распада, в результате чего слово приобретает свободное значение. Н.Н.Амосова признаёт, что фраземы составляют наиболее текучую часть фразеологического фонда, что расширение сочетаемости разрушает стабильность составляющего их контекста и тем самым выводит их за пределы фразеологии [8, с.139].

Фразема – от греческого слова «*phrasis*» – выражение или оборот речи, «*ема*» – единица языка. Фразема – это устойчивое сочетание, состоящее из двух или более компонентов с переносно-образным значением, которое не выводится из значения отдельных компонентов, и она воспроизводится в речи в готовом виде, то есть не имеет целостного значения. Иногда наблюдается вариативность компонентов фразем в силу чего их нельзя назвать полностью идиоматичными.

1.2 К вопросу о происхождении фразем в сопоставляемых языках и об их использовании в речи

Источники происхождения фразеологических единиц в современном таджикском, английском и русском языках весьма разнообразны. По происхождению фразеологизмы вышеназванных языков можно разделить на две основные группы:

1. исконные фраземы; (в нашем случае - английские, таджикские и русские)

2. заимствованные фраземы; (из других языков)

Создатели большинства исконно английских фразем остаются неизвестными. Это особенно справедливо в отношении пословиц. В целом фраземы в английском языке, так же как и в других языках, - это создание

народа, проявление его мудрости и лингвистического чутья. Во многих фразеологизмах отражаются традиции, обычаи и поверья английского народа, различные реалии, факты английской истории. Многие фраземы уходят корнями в профессиональную речь.

Переосмысление переменных сочетаний слов - важнейший источник фразем. Многие английские фразеологизмы являются феноменами литературного происхождения. Первое место из литературных источников по числу фразем, вошедших в таджикский язык, занимает священная книга Коран, а в английском и русском языках его заменяет Библия, второе – произведения поэтов и писателей. Источниками фразем являются также произведения многих других писателей, детские стихотворения, сказки, карикатуры [49, с.22].

Исконно английские фраземы

Фраземы в английском языке в своём большинстве являются исконно английскими оборотами, авторы которых неизвестны. Примерами подобных широко распространённых фразем, созданных народом, являются: *lay down the law* [букв.сложить оружие, отринуть закон] в знач. «говорить безапелляционно», «критиковать».

Существуют фразеологические единицы, которые отражают традиции и обычаи английского народа. К ним относятся следующие фраземы:

- *beat the air* (или *the wind*) [букв.бить воздух] в знач. «попусту стараться, понапрасну затрачивать энергию», «переливать из пустого в порожнее», «толочь воду в ступе» (выражение происходит от средневекового обычая размахивать оружием в знак победы, когда противник не являлся на суд чести для разрешения спора оружием);

- *baker's dozen* [букв.дюжина пекаря] в знач. «чёртова дюжина» (по старинному английскому обычаю торговцы хлебом получали от булочников тринадцать хлебов вместо двенадцати, причем тринадцатый шёл в счет дохода торговцев):

Mrs. Jane has been out a dozen times, looking for you. And she's out now, making it a baker's dozen (156, c.123).

Хонум Чейн дувоздаҳ маротиба барои ҷустуҷӯи ту баромад. Ў ҳоло ҳам ту ро меҷӯяд. Ин аллакай маротибаи сздаҳум аст. (перевод информанта)

Мисс Джейн двенадцать раз выходила искать тебя. Она ищет тебя и сейчас. Это уже чертова дюжина. (перевод информанта)

Фразеологизмы, связанные с английским реалиями:

- an aunt Sally – холаи Салли – «тётка Салли» (название народной игры, заключающейся в том, чтобы с известного расстояния выбить битой глиняную трубку изо рта деревянной женской головы, поставленной на стол); 1) «предмет нападков или оскорблений»; 2) «ложный аргумент, выдвигаемый для того, чтобы позднее его опровергнуть»;

- blue stocking – заначи мардтабиат (мардфеъл) [букв.синий чулок] пренебр., презрит. «синий чулок» (собранием синих чулков назвал в бытность свою в Англии голландский адмирал Босковен один из литературных салонов середины XVIII в. в Лондоне, так как учёный Бенджамин Спеллинг Флит появился в этом салоне в синих чулках):

Oh heavens! –Diana cried. Don't give her any more high sounding names. She's blue stocking enough as it is (156, c.92).

Худои ман, - хитоб кард Диана, - магар то ба осмон таърифу таҳсин намудани ақли ӯ кофӣ нест, вай бе ҳамин ҳам заначи мардтабиат аст (перевод наш).

Боже мой, - воскликнула Диана, - не хватит ли возносить до небес ее ум, она и без того синий чулок.

- a strange bedfellow – шиноси тасодуфӣ [букв.незнакомый сожитель] в знач. «случайный знакомый» (часть пословицы *adversity makes strange bedfellows* – « в нужде с кем не поведёшься». В Англии в средние века, а также в XVI и XVII вв., отдельные кровати были редкостью. Лица одного пола часто спали вместе ещё в середине XVII в.).

Особо следует выделить группу фразеологизмов, связанную с именами писателей, учёных, изобретателей, королей и др. В пределах данной группы можно наметить следующие подгруппы:

1. Фамилии:

- *the Admirable Crichton* – марди окил, олим [букв.превосходный Крайтон] в знач.«учёный, образованный человек», «учёный муж» (по имени Джеймса Крайтона, известного шотландского ученого XVIII.);

- *Hobson's choice* – интихоби мацбурй [букв.выбор Гобсона] в знач. «вынужденный выбор», «выбор по неволе» (по имени Гобсона, содержателя платной конюшни в Кембридже (в XVI в.), который обязывал своих клиентов брать только ближайшую к выходу лошадь).

2. Имена:

- *Big Ben* [букв.большой Бен] в знач. «Большой Бен» (часы на здании английского парламента). Часы названы по имени Бенджамина Холла, под руководством которого они были установлены.

3. Имена и фамилии:

- *Jack Ketch* [букв.Джек Кеч] в знач. «палач» - чаллод, золим (по имени английского палача XVII в.):

Poorman! Surely he ain't going to slip' is wind, Johnnie, and cheat Jack Ketch (151, c.152).

Бечора! Не, Чон, вай чон ба саломат бурда, аз дасти чаллод намегурезад (перевод наш).

Бедняга! Нет, Джонни, он не испустит дух раньше времени и не избежит руки палача. (перевод информанта)

- *Joe Miller* – хамвории тез [букв.Джо Миллер] в знач. «плоская острога», «старая шутка», «избитый анекдот» (по имени актёра Джозефа Миллера, 1684 - 1738, издавшего первый в Англии сборник шуток):

There's an elaborate jocosity about him ... which gives us the idea of a boy who is being rewarded for having duly learned by rote his daily lesson out of Joe Miller (152, c.287).

Бо ин ҳол, ӯ талабаи бозайратро ба хотир меорад, ки ӯро барои аз ёд намудани дарс аз маҷмӯаи ҳаҷву латифаҳо мадҳу ситоиш намуданд (перевод наш).

Он изо всех сил старается выглядеть завзятым весельчаком ... При этом он напоминает прилежного ученика, которого похвалили за выученный наизусть урок из сборника шуток и анекдотов.

- *a Sally Lunn* – кулчақанди ширин [букв.Сэлли Лунн] в знач. «сладкая булочка» (по имени женщины-кондитера конца XVIII в.):

It's a short of night that's meant for muffins. Likewise crumpets. Also Sally Lunn's (154, с.283).

Так хорошо отведать сдобных плюшек. Не плохо и пышек. Недурно бы и сладких булочек.

Помимо этого также существует фразеологизмы, связанные с поверьями:

- *a black sheep* – гусолаи рихин [букв.чёрная овца] в знач. «паршивая овца», «позор в семье» (по старому поверью чёрная овца отмечена печатью дьявола): *I'm the black sheep of the family. I don't belong. I've violated the rules (158, с.29).*

Дар назди хешовандонам, ман балои бад барин менамоям, зеро ки қонунҳои нонавиштаро вайрон кардаам. (перевод информанта)

У моих родственников я бельмо на глазу, чужой: я ведь нарушил неписанные законы.(перевод информанта)

- *a crooked sixpence* – тўмор, бозубанд [букв.кривой грош] в знач. «талисман», «предмет, приносящий его обладателю счастье, удачу» (по распространённому в Англии суеверию, погнутый шестипенсовик приносит счастье его владельцу);

- *an unlicked cub* – чавони содалаҳв [букв.облизанный щенок] в знач. «зеленый желторотый юнец», «молоко на губах не обсохло» – связано это выражение со средневековым поверьем о том, что медвежата рождаются

бесформенными, и что родители облизывают их, и тем самым придают им должный вид.

Фраземы, взятые из сказок и басен

- *Fortunatus's purse* – хамёни пур [букв. удачный кошелёк] в знач. «неистоощимый кошелёк» (Fortunatus - сказочный персонаж).

Из средневековых басен взяты выражение *bag of tricks* [букв.сумочка с фокусами] в знач. «весь арсенал уловок, хитростей» и *rowed plumes* [букв.перья в ряд] в знач. «ворона в павлиньих перьях»:

After all, I ask so little. I only want five pounds a week, and they can keep the title and the park and the Gainsboroughs and the whole bag of tricks (153, c.182) .

Охир, ман хеле кам мепурсам. Ба ман танхо панч фунт дар як ҳафта лозим аст, аммо оилаи ман метавонад унвон, хонаро бо худ монад (перевод информанта).

В конце концов, я прошу так мало. Мне нужно только пять фунтов в неделю, а семья может оставить себе титул, парк, коллекцию картин Гейнсборо -словом, решительно всё.

Фраземы, связанные с преданиями *halcyon days* – рӯзҳои ором [букв.тихие дни] в знач. книжн. « спокойные, мирные дни», «спокойное время» (*halcyon* «зимородок»; по древнему преданию, зимородок выводит птенцов в гнезде, плавающем по морю, в период зимнего солнцестояния, и в этот период море около двух недель бывает совершенно спокойным);

- *a peeping Tom* – одами кунчков [букв. писклявый Том] в знач. «чересчур любопытный человек» (в легенде о леди Годиве, жене графа Мерсийского, рассказывается, что граф наложил непосильный налог на жителей города Ковентри. Когда леди Годива заступилась за них, граф сказал, что отменит налог, если леди Годива осмелится проехать обнажённой в полдень через весь город. Чтобы не смущать её, все жители закрыли ставни своих домов. Единственный, кто стал подсматривать в щёлку, был портной Том, которого тут же поразила слепота):

Oh, by the way, if you want a bath, take one. There ain 't a Peeping Tom on the place (161, с.163).

Агар хоҳед, ки оббозӣ кунед, лутфан дароед. Ин ҷо касе ба шумо халал намерасонад. (перевод наш).

Кстати, если вам нужно принять ванну, пожалуйста, принимайте. Здесь никто за вами подсматривать не будет.

Фраземы, связанные с историческими фактами:

- *the curse of Scotland* [букв.проклятие Шотландии] в знач. редк. «проклятие Шотландии»; «девятка бубен» (по сходству с гербом графа Далримпла Стейра, внушавшего ненависть в Шотландии своей проанглийской политикой).

Использование слова Dutch в ряде фразем, по мнению А.В.Кунина, имеющих отрицательное значение, восходит к англо-голландской конкуренции по морям и войнам в XVII в. [67, с.31]:

- *a Dutch bargain* – муомилаи яктарафаи фоидаовар [букв.голландская сделка] в знач. «односторонне выгодная сделка»;

- *Dutch comfort* (или *consolation*) – тасаллои сода [букв.голландское утешение] в знач. «слабое утешение»;

- *a Dutch concert* – миямияви гурбаҳо [букв. голландский концерт] в знач. «кошачий концерт»;

- *Dutch courage* – на парвои фалак, на парвои чалак [букв.голландская храбрость] в знач. «храбрость во хмелю», «пьяная удаль», «море по колено»;

- *a Dutch defense* – химояи бардурӯғ [букв.голландская защита] в знач. «притворная защита»;

- *a Dutch feast* [букв.голландский пир] в знач. «пир, на котором хозяин напивается первым».

По существу, во всех фраземах, в которые входит слово Dutch оно означает "голландский", но так как с этим прилагательным ранее связывались неприятные ассоциации, то всё словосочетание переосмыслялось.

Ироническое употребление в некоторых случаях затрагивало и существительное, значение которого ослаблялось, например Dutch courage. Немотивированность ФЕ со словом Dutch вызвана утратой предметной соотнесённости.

Фраземы, использованные в художественной литературе

А. В. Кунин считает, что помимо Шекспира, многие другие писатели также обогатили английскую фразеологию [67, с.40]. Приводимые нами данные ни в коей мере не претендуют на полноту ввиду недостаточной изученности вопроса. У очень многих фразеологизмов установление автора вообще невозможно, так как они являются народным творчеством, где имя автора могло затеряться. В отношении некоторых фразеологизмов установлено лишь, кто первым ввёл их в литературу. Введение того или иного фразеологизма в литературу не всегда означает его создание, так как автор мог впервые употребить выражение, уже распространённое в его эпоху. Установление авторства особенно затруднительно в отношении писателей, живших в отдалённую эпоху; например, к фразеологизмам, восходящим к Джеффри Чосеру, относится следующее выражение: *wet one's whistle* [букв.промочить свист] в знач. «промочить горло» (с греческого языка через латинский).

В произведениях Джона Беньяна встречается выражение *vanity fair* [букв.ярмарка тщеславия] в знач. «базар житейской суеты», которое приобрело широкую известность благодаря использованию его в качестве названия знаменитого романа Теккерея.

В произведениях Джонатана Свифта, относящихся к XVIII веку, встречаются следующие выражения:

- *the battle of the books* [букв.битва книг] в знач. «учёная дискуссия» (название одной из сатир);

- *the land of Nod* [букв.страна Нод] в знач.«царство сна»:

I'm going to the land of Nod (162, с.72).

- *Хуб, ман ба олами хоб рафтам. Ну, я отправился в страну сновидений.*

В произведениях Адама Смита встречается такое выражение, как a nation of shop-keepers [букв.нация лавочников] в знач. «нация лавочников» (прозвище англичан):

They spoke of the English as a nation of shopkeepers and had no doubt in their minds that as artists, men of science and philosophers they were greatly superior (155, с.83).

– Немцы называли англичан нацией лавочников и ни на минуту не сомневались в том, что английские художники, учёные и философы в подмётки не годятся немцам.

У Лорда Честерфилда встречается такой фразеологизм, как small talk [букв.маленький разговор] в знач. «пустая болтовня», «разговор о пустяках, о погоде».

В XIX веке расцвело творчество великого писателя как Чарльз Диккенс, в произведениях которого можно встретить множество фразеологических выражений, например: an artful Dodger [букв.ловкий Доджер] в знач. «опытный вор» (прозвище карманника Джона Докинса в романе Oliver Twist);

- the circumlocution office –идораи кашолакорй ва расмиятпарастй [букв. Министерство околичностей] «учреждение, к котором процветает волокита, формализм» (по названию бюрократического учреждения в романе Little Dorrit);

- a London particular – тумани ғафси Лондон [букв. деталь Лондона] в значении «густой лондонский туман»:

This is a London particular. I had never heard of such a thing. A fog, miss, - said the young gentleman (162, с.251).

Ин яке аз хусусиятҳои хоси Лондон аст. Ман ягон бор ин гуна чизҳоро нашунда будам. Ин туман аст, хонум, – ғаҳмонд ҷавонмард (перевод наш).

*Это такая лондонская особенность. Я никогда о ней не слышала. —
Это туман, мисс, - пояснил молодой человек.*

Следующее выражение встречается у Джона Рескина the pathetic fallacy [букв. жалкая ошибка] книжн. «олицетворение природы» например, выражение типа the cruel sea, a pitiless storm, etc.

В словаре Бруэра ошибочно говорится, что выражение the pathetic fallacy употреблялось Рескиным в указанном значении. Это значение фраземы возникло позднее, а Рескин ввёл данный оборот для обозначения «бурных эмоций, мешающих людям правильно оценивать положение».

В произведениях Вальтера Скотта, относящимся к XIX веку, встречаются следующие выражения;

- dree one's weird «смириться со своей судьбой», «страдать молча». Оборот известен с XIV в., вышел из употребления в XVI в. и снова был введен в литературу В.Скоттом. В современном языке на этом обороте лежит налёт архаичности;

- far cry [букв. далёкий крик] в знач. «большое расстояние», «большой промежуток времени», «большая разница»; «как небо от земли». Оборот является частью шотландской поговорки it is a far cry to Lochow, объясненной В. Скоттом;

- one's native heart [букв.родное сердце] в знач. «родная земля», «родные места».

Многие обороты восходят к высказываниям различных лиц по тому или иному поводу. Так, например, выражение little Mary [букв. маленькая Мэри] разг., шутл. «желудок», «животик» приписывается Джону Берри (XX век).

Выражение the wind of change [букв. ветер перемен] в знач. «ветер перемен» употреблено английским премьер-министром Г. Макмилланом в отношении специальных брожений в Африке.

Иногда те или иные качества персонажей литературных произведений находят своё отражение во фразеологизмах [37, с.55], например:

- Cordelia's gift – овози маҳини зан [букв.подарок Корделии] книжн. « тихий, нежный, женский голос» (подобный голосу Корделии - героини трагедии Шекспира «King Lear» – «Король Лир»).

Некоторые английские фраземы пришли из детских стихотворений:

- Jack Horner - одами худписанд [букв.Джек Хорнер] в знач. «самодовольный мальчик»: *here and there, there is a passage where we cannot refrain, for there is a smack of Jack Horner in all of us.... (164, с.91).*

- в книге попадаются такие страницы, что критик не может устоять и цитирует их. Кто из нас не любит щегольнуть красным словом?

- Jack Sprat- пакана, кадпаст [букв. Джек Спрат] в знач. «карлик», «ничтожество».

Некоторые фраземы связаны с карикатурами, опубликованными в печати:

- Colonel Blimp [букв. полковник Блимп] в знач. «крайне консервативный человек», «твердолобый» (образ создан карикатуристом Дэвидом Лоу, 1891);

- the curate's egg [букв.яйцо священника] в знач. «дрянь, имеющая и некоторые положительные стороны» (в английском юмористическом журнале «Панч» в 1895 г. был помещён иллюстрированный анекдот о помощнике приходского священника, получившего от епископа гнилое яйцо и заявившего, что часть этого яйца была великолепна).

Фраземы, заимствованные из священных книг Корана и Библии

Одним из источников пополнения английской фразеологии являются заимствования, особенно многочисленны лексические единицы, пришедшие из латинского и французского языков. Имеются отдельные заимствования из греческого, испанского, итальянского и других языков.

Заимствованные фраземы в своём большинстве носят книжный характер.

Фразеологические заимствования из английского языка США, в отличие от заимствований из других иностранных языков, являются беспереводными, так как осуществляются в рамках единого литературного языка и поэтому не могут быть кальками, ни полными, ни частичными.

Коран и Библия являются важнейшими литературными источниками фразем в сопоставляемых языках. О колоссальном влиянии, которое оказали на таджикский, английский и русский языки переводы священных книг, говорилось и писалось много; в течение столетий Коран и Библия была наиболее широко читаемыми и цитируемыми в Таджикистане, Англии и России книгами; не только отдельные слова, но и целые идиоматические выражения (часто буквальные переводы арабских, древнееврейских и греческих идиом) вошли в таджикский, английский и русский языки со страниц Корана и Библии. Число коранических и библейских оборотов и выражений, вошедших в сопоставляемые языки, так велико, что собрать и перечислить их было бы весьма нелёгкой задачей.

Коранические и Библейские фраземы являются полностью ассимилированными заимствованиями.

Приведём несколько примеров широко распространенных коранизмов и библеизмов. Коранические и Библейские эквиваленты некоторых из этих оборотов употребляются и в таджикском, английском и русском языках: дар назари аввал – at first sight – на первый взгляд (букв.дар назари якум) в знач. «дар аввал»; гурги борондида – old bird- стреляный воробей (букв.гунчишки паррондашуда, паррандаи солдида) в знач. «шахси доно, маккор»; чашми касе мош барин кушода шуд – to show smb., smth. as true - раскрыть кому-то глаза на что-л. (букв. чашмони худро калон кардан) в знач. «сахт дар ҳайрат шудан»; хар барин кор кардан –work like an ox (a horse, a dog); slave – работать как вол (букв. барзагов барин кор кардан) в знач. меҳнати сахт кардан; як себи дукафон барин монанд – nothing (not much, not a pin,) to choose between them; as like as two peas; as like smb. As if one had been spit out of his (her) mouth; for all the world like smb., smth.; about and about – как две капли воды похожи (букв. чун ду қатра об монанд) в знач. ниҳоят монанд будан.

- fifty lucre [букв.пятая прибыль] в знач. «презренный металл», «деньги»; the mammon of unrighteousness [букв.богатство маммоны] в знач.

«маммона», «деньги», «богатство»; the olive branch [букв.оливковая ветвь] в знач. «оливковая ветвь» (символ мира и успокоения):

There is no doubt in my mind, - he went on, that you have a very distinguished and almost unique position in the world of letters ... You never prostituted your genius for filthy lucre (157, с.49).

Ман хуб медонам, ки дар олами адабиёт мавқеи ифтихорино, гуфтан мумкин аст, мавқеи фавқулдари ишгол мекунад. Шумо ҳеч гоҳ истеъдоди худро ба фулузи ҳақир нафурӯхмед. (перевод наш)

Я прекрасно знаю, продолжал он - что в литературном мире вы занимаете почетное, можно сказать, исключительное положение. ...Вы никогда не продавали своего таланта за презренный металл...

- the root of all evil – асли бадӣ, неши касофат [букв.корень всего зла] в знач. «корень зла», «любовь к деньгам»; a whited sepulchre [букв. побеленная гробница] в знач. «что либо пустое, ничтожное, прикрывающееся наружным блеском», «человек, внешность которого скрывает что-то, вызывающее отвращение»:

Look at that money – what a lot! The root of all evil, – said Angelo (156, с.200).

Нигоҳ кун, як даста пул! Пул - решаи бадӣ аст, - ҷавоб дод Анжело. (перевод наш)

- Посмотри, какая куча денег! Деньги - корень зла. – ответил Анжело.

You, whited sepulcher! The door clicked before he could answer the odd insult (156, с.196).

Эҳ ту, қабр сафедшуда! Дар қабл аз он, ки вай тавонист ба ин таҳқири аҷиб посух диҳад, пӯшида шуд. (перевод наш)

Эх ты, гроб забеленный! Дверь захлопнулась раньше, чем он смог ответить на это странное оскорбление.

Фразеологизмы библейского происхождения часто во многом расходятся с их библейскими прототипами. Этот сложный и неизученный

вопрос требует особого рассмотрения. Отметим основные типы подобных расхождений:

1. Библейский прототип является свободным (или, точнее, переменным) сочетанием слов, которое употребляется в буквальном значении.

- daily bread [букв.ежедневный хлеб] в знач. «хлеб насущный»; «средства к существованию». В молитве, приведённой в Евангелии, оборот употребляется в прямом значении.

Give us this day our daily bread. – Хлеб нам насущный дождь нам донесъ.

Следующий фразеологизм, как wash one's hands (of smth.) – аз масъулият дур кардан, сабукдўш намудан [букв.умывать руки] в знач. «устраняться от ответственности за что-либо». Ритуальное умывание рук свидетельствовало о непричастности умывшего к чему-либо. Выражение восходит к легенде о Понтии Пилате, отдавшем Иисуса на казнь и умывшем руки перед толпой.

2. Некоторые фразеологизмы восходят к библейскому сюжету, но не имеют прототипа в Библии:

- a dead letter – ҳарфи том [букв.мёртвая буква] в знач. «мёртвая буква», «дохлый номер»;

- forbidden fruit – орзуи амалинашаванда [букв.запретный плод] в знач. «что-либо желанное, но недоступное»; «несбыточная мечта»;

- the golden calf – хучаини пул, тилло [букв.золотой (или золотой) телец] в знач. «власть денег, золота». Из библейского рассказа о тельце, сделанном из золота (a molten calf), которому, евреи странствуя по пустыне, поклонялись как богу;

- the massacre – сахтгирии аз ҳад зиёд (или slaughter) of the innocents [букв. избивание невинных] в знач.«избивание младенцев». Выражение идёт от евангельского рассказа об умертвлении всех младенцев в Вифлееме по приказу иудейского царя Ирода, когда он узнал от волхвов о рождении Иисуса, которого они называли царём иудейским;

- a prodigal son (также a prodigal) [букв.расточительный сын] в знач. «блудный сын», «человек беспутный, морально неустойчивый, но раскаявшийся в своих заблуждениях» (из притчи о блудном сыне):

His attitude towards his prodigal son was that of stern, unrelenting resentment (161, с.142).

Ў аз фарзанди фосиқи худ хафа шуд. (перевод наш)

Он затаил обиду и негодование против своёго блудного сына.

3. Создание фразеологизма по аналогии с библейским оборотом или в результате игры слов:

- the land of Nod [букв.земля Нод] в знач. «царство сна». Игра слов, основанная на одинаковом звучании английского слова nod «дремота» и названии библейской «земли Нод», куда был сослан Каин после убийства Авеля.

Фраземы, заимствованные из различных языков

Большое количество заимствований в таджикский язык проникли из русского, узбекского и арабского языков, например; русские: «не дай бог», «руки вверх», «первый почин», «годовой исчут» (ё ки «гадойбой аз чўб»); узбекские: «усто кўрмаган», «ман улай», «қўша қаримиш», «қулинг ўргилсин», «биларману қиларман»; арабские: «аллофу наддоф», «ё ху ё манху», «лоҳавла ва лоқуввата» и др.

Следует отметить, что некоторые фраземы заимствовались из английского, французского, немецкого и латинского языков путём калькирования, например:

1. Из английского языка: «дараҷаи некўаҳволӣ» (рус. «жизненный уровень», англ. «standard of life»); «ҳисоби чорӣ» (рус. «текущий счет», англ. «current account»); «мубориза барои ҳаёт» (рус. «борьба за существование», англ. «struggle for life»); пардаи оҳанин (рус. «железный занавес», англ. «iron curtain»); «чанги сард» (рус. «холодная война», англ. «cold war»); «ба ҳисоб гирифтан» (рус. «принимать во внимание», англ. «to take into account»).

2. Из французского языка: «чора дидан» (рус. «принять меры», франц. «prendres mesures»), «қарор қабул қардан» (рус. «принять решение», франц. «prendre une resolution»), «моҳи асал» (рус. «медовый месяц», франц. «la lund emiel»).

3. Из немецкого языка: «боғчаи бачагон» (рус. «детский сад», нем. «Kindergarten»), «арзиши изофӣ» (рус. «прибавочная стоимость», нем. «Mehrwert»).

4. Из латинского языка: «ҳолати чанг» (рус. «состояние войны», лат. «status belli»), «оини ҳаёт» (рус. «образ жизни», лат. «modus vivendi»).

Особо стоить подчеркнуть, что некоторые фраземы заимствовались из арабского языка через латинский путём калькирования, среди них более используемыми являются следующие: «Хайрулумури авсатуҳо» - хадди мўтадил» (лат. Aurea mediocritas), «Дубби акбар» - Ҳафтдодарон (лат.ursamajor), «Дубби асғар» - бурҷ дар нимкураи шимоли осмон (лат. ursaminor) и др.

Большое число английских фразеологизмов связано с античной мифологией, историей и литературой. Многие из этих фразеологизмов носят интернациональный характер, так как они встречаются в ряде языков.

К античной мифологии восходят, например, следующие обороты: - Achilles' heel (или the heel Achilles) - чои ягонаи камбудӣ [букв.ахиллесова пята] в знач. «ахиллесова пята», «единственное уязвимое место»; -the apple of discord – тухми низоъ [букв.яблоко раздора] в знач. «яблоко раздора»; -Augean stable (s)- чои ифлос [букв.авгиевы конюшни] в знач. «запущенное, загрязненное место»; - the golden age – асри тиллоӣ [букв.золотой век] в знач. «золотой век» (выражение впервые встречается у греческого поэта Гесиода в поэме «Труды и дни» в описании века Сатурна, когда люди жили подобно богам, без забот, раздоров, войн и тяжелого подневольного труда):

Some years ago, being engaged on writing a book about Spain in the Golden Age I had occasion to read again the plays of Calderon (151, c.71).

Чанд сол пеш, вақте ман дар бораи асри тиллоии санъати испонӣ китоб менавиштам, ман бори дигар песаҳои Калдеронро мутолиа намудам (перевод информанта).

Несколько лет назад, когда я писал книгу о золотом веке испанского искусства, я снова перечитал пьесы Кальдерона.

- the horn of plenty [букв.рог изобилия] в знач. «рог изобилия»: *Nature, very oddly, when the Horn of Plenty is quite empty fills it with babies (161, с.92).*

Аҷаб бошад ҳам, аммо вақте фаровонӣ комилан холӣ аст, табиат холигиро бо кӯдакон пур мекунад. (перевод наш)

Как ни странно, но когда рог изобилия совершенно пуст, природа заполняет пустоту детьми.

- a labour of Hercules – кори вазнин (the labours of Hercules) (тж. a Herculean labour или Herculean labour) [букв.геркулесовый труд] в знач. «исключительно трудное дело»; a labour of Sisyphus – кори вазнини беҳосил (тж. a Sisyphean labour) [букв.сизифов труд] в знач. «труд тяжелый и бесплодный»; the thread of Ariadne [букв.нить Ариадны] книжн. «нить Ариадны», «путеводная нить», «способ, помогающий выйти из затруднительного положения (дочь критского царя Ариадна, дав греческому герою Тезею клубок ниток, помогла ему выбраться из лабиринта):

*How impossible it is for us human beings ever really to understand each other!
We explore an unknown labyrinth without the thread of Ariadne (161, с.172).*

Охир имкон надорад, ки одамон то ба охир ҳамдигарро бишносанд. Мо ба лабиринти номаълуми қалби бегона бидуни ресмони Ариадне дар даст ворид мешавем. (перевод наш)

Ведь людям невозможно до конца познать друг друга. Мы вступаем в неведомый лабиринт чужой души без нити Ариадны в руке.

С гомеровскими поэмами «Илиадой» и «Одиссеей» связаны выражения: Homeric laughter – хандаи осмонрас [букв.гомеровский хохот] в знач.«гомеричевский хохот» (оборот связан с описанием Гомером смеха

богов); Penelope's web – нақшаи бузург [букв.сеть Пенелопы] в знач. «планы Пенелопы», «тактика оттягивания»; winged words – мақол [букв.крылатые слова] в знач. «крылатые слова»:

So that they should not miss a single one of his winged words they struggled to get as near the pulpit (155, с.93).

Барои аз даст надодани ягон калима аз сухани отабини воиз, шунавандагон кӯшиши мекарданд, ки ҳамдигарро тела дода, ба кафедра наздик шаванд. (перевод информанта)

Чтобы не пропустить ни одного слова из зажигательной речи проповедника, слушатели старались протиснуться поближе к кафедре.

Греческого происхождения burn one's boats – беҳуда захираи кашидан [букв.сжечь свои корабли] в знач. «отрезать возможность отступления» (из Плуларха); write in water [букв.писать в воде] редк. «трудиться понапрасну», «писать вилами по воде».

С обычаем древних греков и римлян вручать победителю в состязаниях пальмовую ветвь или увенчивать его лавровым венком связаны обороты: bear (take the palm) [букв.носить(взять) пальму] в знач. «получить пальму первенства», одержать победу»; gear (или win) one's laurels [букв.пожинать лавры] в знач. «стяжать лавры», «достичь славы».

Некоторые фраземы восходят к древнеримским писателям:

-the golden mean – хайрулумри авватуҳо [букв.золотая середина] в знач. «золотая середина»; лат aurea mediocritas (Гораций);

-the sinews of war - танга [букв.физическая сила войны] в знач. книж. «деньга» (как движущая сила войны): лат: nervi bellipescunia (Цицерон).

В некоторых случаях форма заимствованного английского фразеологизма ближе к латинскому прототипу, чем к соответствующему французскому фразеологизму латинского происхождения [109, с.73].

Рассмотрим заимствования из французского языка:

- Buridan's ass – шахси нодон, аблах [букв.буриданов осёл] в знач. «буриданов осёл» (о человеке, не решающемся сделать выбор между двумя

равноценными предметами, равносильными решениями и т.п.); фр. ane de Bouridan. Французскому философу XIV в. Буридану приписывается рассказ об осле, умершем от голода, так как он не решался сделать выбор между двумя одинаковыми охапками сена. Этот рассказ был якобы приведён Буриданом в качестве примера в рассуждениях о свободе воли;

- cultivate one's garden – машғули кори худ [букв. возделывать свой сад] в знач. «заниматься своим небольшим делом», фр. cultiver son jardin (из философской повести Вольтера «Кандид»):

We must cultivate our own garden and find the joy of doing it in our own hearts (158, c.354).

Мо ҳама ба кори хурди худ машғул шавем ва аз он баҳра барем. (перевод наш)

Мы должны каждый заниматься своим небольшим делом и находить в этом радость.

- the fair sex – чинси латиф [букв. прекрасный пол] в знач. «прекрасный пол»; фр. le beau sexe;

- gilded youth – чавонии тиллоӣ [букв. позолоченная молодежь] в знач. «золотая молодежь»; фр. jeunesse doree;

- leap to the eye – ба чашм наздик [букв. бросаться в глаза] в знач. «привлекать немедленное внимание»; фр. sauteraux yeux; a marriage de convenance:

Ladies should not be kept waiting. The fair sex is apt to be impatient (157, c.97).

Занонро мунтазир намекунад. Намояндагони чинси латиф тоқатро хуш надоранд. (перевод наш)

Дам не заставляют ждать. Представительницы прекрасного пола слишком уж нетерпеливы.

Нетрудно заметить, что в приведённых примерах английские обороты являются полными кальками с французского. Однако в некоторых случаях возможны те или иные изменения.

Некоторые английские фраземы заимствованы из старофранцузского языка. Например, *cry havoc* [букв.требовать опустошения] в знач. «разрушить», «сильно повредить», «производить беспорядок, опустошение», «подорвать, нанести тяжёлый удар» (старофр. *crier havot*); *curry favout* - искаженное *curry favel* от старофранцузского *estriller fauver* «чистить скребницей рыжую лошадь» (рыжая лошадь считалась олицетворением хитрости и обмана) [43, с.77].

Фраземы, заимствованные из немецкого языка немногочисленны:

- *geographical expression* – мафхуми чуғрофй [букв.географическое выражение] в знач. «географические понятия»; нем. *Ein geographischer Begriff*. Выражение принадлежит австрийскому деятелю Меттерниху, которое он употребил в меморандуме великим державам 2 августа 1841 г., имея в виду, что Италия как нация не существует и что право господства над итальянскими областями принадлежит Австрии;

- *the mailed fist* – кувваи ҳарбӣ [букв.кулак в кольчуге] в знач. «бронированный кулак», «военная сила»; нем. *gepanzertic Faust*. Из речи Вильгельма II в декабре 1897 г. при проводах брата его, принца Генриха, отправлявшегося в Китай. Генрих должен был ввести эскадру германских военных судов в Кио-Чоу в ответ на то, что в Китае были убиты два германских католических миссионера. В своей речи Вильгельм рекомендовал брату ответить ударом бронированного кулака в случае, если кто-либо осмелится покуситься на интересы Германии [7, с.59].

Но во многих случаях совпадение английских и немецких фразеологизмов отнюдь не означает, что английский оборот является переводом с немецкого языка.

Скорее наоборот, так как английская литература оказала большое влияние на развитие немецкой литературы [67, с.79].

В английском языке имеется всего несколько фразем, заимствованных из испанского языка: *blue blood* – асилзода [букв.голубая кровь] в знач.«аристократическое происхождение»; исп. *sangre azul* «голубая кровь»;

the fifth column [букв.пятая колонна]в знач. «тайные пособники врага», «внутренние шпионы и диверсанты»; исп. quinta columna «пятая колонна». Выражение возникло во время гражданской войны с Испанией, когда фашистский генерал Мола, осаждавший Мадрид четырьмя колоннами, заявил в переданном по радио осенью 1936г. обращении к населению Мадрида, что в городе у него имеется пятая колонна;

- war to the knife [букв.борьба на ножах] в знач. «борьба не на жизнь, а на смерть»; исп. Guerra al cuchillo. Ответ Палафокса, губернатора Сарагоссы, данный в 1808 г. в связи с требованием французов сдаться.

В английском языке встречаются заимствования и из других языков. Приведём несколько примеров подобных заимствований.

● Голландский язык

- forlorn hope – оташи афрўзон [букв.жалкая надежда] в военном знач. «отряд, выполняющий опасное задание или обречённый на верную гибель», «безнадёжное, гиблое дело», «последняя надежда», голл. Verlorenhoop – «отряд, обречённый на гибель»:

I go first, she said in a tone which might have be fitted the leader of a forlorn hope mounting a breach in the van of his men (156, c.321).

Ман аввал меравам, - изҳор намуд ў бо овози маҳин, монанди сарвари гурўҳе ки ба марг рафта истода бошад (перевод наш).

Я иду первая, - заявила она таким тоном, как сказал бы предводитель отряда, идущего на верную гибель.

● Китайский язык

- lose face – обрўйро аз даст додан [букв.потерять лицо] в знач. «потерять престиж», «быть униженным, обесчещенным», кит. tiu lien.

Фразеологизмы, заимствованные из сказок. Фразема an ugly duckling [букв.безобразный утёнок] в знач. «гадкий утёнок» (человек несправедливо оцененный ниже своих высоких достоинств, проявляющихся неожиданно для окружающих его); по заглавию сказки Г.Х. Андерсена о гадком утёнке, который вырос и стал прекрасным лебедем:

I was such a hobbled boy, brown and sunburnt, her "ugly duckling", she used to say (156, с.301).

Ман бисёр лаванд, аз офтоб сиёҳшуда, "мурғоби сиёҳ" тавре, ки модарам маро ном мебурд (перевод наш).

Я была такая нескладная, чёрная от загара, настоящий "гадкий утёнок" как меня называла мама.

Из сказок «Тысячи и одной ночи» в английский язык пришло несколько выражений:

- Aladdin's lamp – чароғи чодугар [букв.лампа Аладдина] в знач. книж. «волшебная лампа Аладдина» (талисман, выполняющий все желания своего владельца). С этой же сказкой связана фраза *rub the lamp* [букв.тереть лампу] в знач. «легко осуществить своё желание»; *Alnaschar's dream* [букв.мечта Альнашара] в знач. книжн. «пустые мечты», «фантазии» (в одной из сказок «Тысячи и одной ночи» говорится об Альнашаре, который на все свои деньги купил изделия из стекла и положил их в корзину, но, размечтавшись о том, как он станет богачом, и рассердившись на свою будущую жену, ударил по корзине и разбил всё стекло);

- *an open sesame* - дарро кушо [букв. сезам, отворись] в знач. «быстрый и легкий способ достижения чего-либо» (магические слова, с помощью которых открывалась дверь в пещеру разбойников в сказке «Али-Баба и сорок разбойников») [44, с.82].

Фраземы восходящие к различным иностранным реалиям:

- *a white elephant* – боигарии дилбазан [букв.белый слон] в знач. «обременительное или разорительное имущество», «имущество, от которого не знаешь, как избавиться (король Сиама, желая разорить кого-либо из своих подданных, дарил ему священного белого слона, содержание которого обходилось очень дорого) [22, с.82]:

White elephant. – he said. Can't think, what made her get me the thing (161, с.70).

Асбоби нолозим,- гуфт ӯ, чаро ӯ ба ман инро харидааст (перевод наш).

Никчёмный предмет. - сказал он не понимая, с чего это она вздумала мне его купить.

● Фраземы американского происхождения английского языка

Много фразем пришло в Англию из США. Некоторые из них настолько ассимилировались, что в английских словарях после них снята помета, указывающая на их американское происхождение. К таким фраземам американского происхождения относятся, например: *blaze a trail* [букв.прокладывать путь] в знач. охотиться, «прикладывать путь в лесу, делая зарубки на деревьях»; перен. «идти новым путём», «быть новатором»; *face the music* [букв.смотреть в лицо музыке] в знач. «стойко переносить неприятности», «расплачиваться», «расхлёбывать кашу»; *sit on the fence* [букв.сидеть на заборе] в знач. «занимать нейтральную или выжидательную позицию»; *spill the beans* [букв.рассыпать бобы] в знач. разг. «выдать секрет», «проболтаться», проговориться; *strike oil* [букв.обнаружить нефть] в знач. «достичь успеха», «преуспевать»; *talk turkey* [букв.говорить с индюком] в знач. «вести деловую беседу», «говорить прямо, на чистоту» [45, с.86]:

I don't see why you should want me to go away on that account ...Nothing will induce me to desert a post of danger. I'm going to face the music (156, с.127).

Намефаҳмам, чаро шумо мехоҳед, ки ман барои ин биравам. Ҳеҷ чиз маро барои фаромадан аз мавқеи хатарнок маҷбур намекунад. Ман наларзида озмоиширо паси сар менамоям. (перевод информанта)

Не понимаю, почему вы хотите, чтобы я из-за этого ушёл. Ничто не заставит меня отступить с опасных позиций. Я выдержу испытание, не дрогнув.

Некоторые фраземы восходят к американским литературным источникам.

Популярность произведений Фенимора Купера способствовала внедрению в английский язык фразем, связанных с жизнью индейцев.

- *bury the hatchet* [букв.закопать топорик] в знач. «заклечь мир», «помириться», «прекратить вражду» (индейцы при заключении мира зарывали

в землю томагавк); dig up the hatchet [букв.выкопать топорик] в знач. «начать войну» (у индейцев существовал обычай перед началом военных действий вырывать зарытый в землю томагавк).

В произведениях Джека Лондона встречаются следующие фраземы:

-the call of the wild [букв.зов природы] в знач.«обаяние девственной природы» (по названию романа); the iron heel [букв.железная пята] в знач.«железная пята», «империализм» (по названию романа).

Выражение the cold war – чанги сард [букв.холодная война] в знач. «холодная война», создано американским журналистом Уолтером Липпманом и подхвачено У.Черчиллем в его печально знаменитой фултонской речи.

Усиление деловой активности США в Великобритании и влияние американской экономики на английскую способствует широкому проникновению американизмов, в том числе фразем, в английский язык [69, с.89].

We existed in a constant state of cold war. It never burst into open conflict (156, с.320).

Ман бо ҳамсарам ҳамеша дар ҳолати чанги сард қарор дорем. Аммо кор то ба чанг рафта нарасидааст. (перевод наш)

Мы с женой жили в постоянном состоянии холодной войны. Но до конфликта дело не доходило.

Итак, английский, таджикский и русский языки имеют не только исконные, но и заимствованные фраземы, которые широко использовались не только в художественной литературе, но и в речи.

1.3 Фразема как одна из семантических разновидностей фразеологических единиц в рассматриваемых языках

1.3.1 Фразема в английском языке

Прежде чем приступить к исследованию особенностей фраземы как разновидности фразеологической единицы английского языка, уместно начать с определения самих фразеологических единиц. По мнению А. В. Кунина,

фразеологические единицы – это устойчивые сочетания лексем с полностью или частично переосмысленным значением [67, с.160]. Как мы уже говорили, фразема – это устойчивое сочетание, состоящее из двух или более компонентов с переносно-образным значением, которое не выводится из значения отдельных компонентов и она воспроизводится в речи в готовом виде, то есть не имеет целостного значения. Иногда наблюдается вариативность компонентов фразем. Их нельзя назвать полностью идиоматичными.

Наиболее общими признаками фразем называют «языковую устойчивость, семантическую целостность и раздельнооформленность» [4, с.160]. Решающим фактором закрепления фраземы в языке является её образность, отвечающая одной из тенденций развития языка – тенденции к экспрессивности [39, с.293].

По мнению А.И.Смирницкого, типичная ФЕ уподобляется одному целому слову тем, что отношение между её частями идиоматично, благодаря чему она обладает значительной семантической целостью и включается в речь именно как одна единица [98, с.203]. При этом важно подчеркнуть, что её части в основном относятся друг к другу как компоненты сложного слова, а в целом ФЕ подобна слову как лексеме, а не отдельной форме слова (словоформе): ФЕ, эквивалентная грамматически изменяемому слову, включаясь в речь, грамматически изменяется лишь в одном своём компоненте, хотя грамматически оформленными (разнооформленными) оказываются оба компонента ФЕ [98, с.203].

Так как фразема является устойчивым образованием, А. В. Кунин под трактовкой «устойчивость» понимает её воспроизведение в готовом виде. Но подобное понимание устойчивости является неполным, так как оно относится ко всем единицам языка, а не только к фраземам [67, с.6]. Развитие фразеологии как лингвистической дисциплины невозможно без разработки теории фразеологической устойчивости, что требует комплексного подхода к

вопросу устойчивости. Любое сложное явление может быть изучено только при комплексном подходе к нему.

Устойчивость фраземы основана на свойственных ей различных типах инвариантности, т.е. неизменяемости тех или иных элементов при всех нормативных изменениях. Имеются следующие виды инвариантности или микроустойчивости:

Устойчивость употребления, т.е. тот факт, что фразема является единицей языка, а не индивидуальным образованием. Показателем этого типа микроустойчивости является воспроизведение в готовом виде. Авторские выражения становятся фраземами только в том случае, если они выходят за узкие рамки окказионального (т.е. индивидуального) использования и делаются народным достоянием, т.е., если они приобретают устойчивость употребления.

Таким образом, из авторских выражений народ отбирает наиболее удачные обороты, которые постепенно, благодаря введению их в речь коллектива, перестают быть потенциальными фразеологизмами и из речевых оборотов становятся единицами языка, пополняя его фразеологический состав:

If I were writing a novel, rather than narrating such facts as I know of a curious personality, I should have invented much to account for his change of heart (155, с.159).

Агар ман роман менавиштам, на танхо фактхое, ки ба ман аз рӯзгори ин шахси барҷаста аён аст номбар менамудам, балки тахавуллоти руҳии онро инъикос менамудам. (перевод информанта)

Если бы я писал роман, я не просто перечислял известные мне факты из жизни незаурядного человека, а придумал бы уйму всевозможных объяснений для этого душевного переворота.

Структурно-семантическая устойчивость: фразема является раздельнооформленным образованием, она состоит не менее чем из двух слов,

и не обладает типовым значением, т.е. не может служить образцом для создания похожих ФЕ по структурно-семантической модели:

He thrashed me within an inch of my life, and then he made me marry Captain Johnson (155, с.185).

Нахуст ў маро мурданивор зад ва баъдан ба капитан Ҷон ба шавҳар дод. (перевод наш)

Сначала он избил меня до полусмерти, а потом выдал за капитана Джонсона.

Семантическая устойчивость. Инвариантность полностью или частично переосмысленного фразеологического значения опирается на:

- а) постоянство переосмысления значения;
- б) наличие идентичного значения и дейктического инварианта во фразеологических вариантах;
- в) наличие семантического и лексического инварианта при всех вероятных различиях в структурных синонимах:

Poor devil, he's gone to the dogs altogether (159, с.189).

Ў тамоман рӯҳафтада шудааст, бечора. (перевод наш)

Он совсем пал духом, бедняга.

Фразеологические варианты, по мнению А.В.Кунина [67, с.7] – это разновидность фразеологических единиц, которые идентичны друг другу по качеству и количеству значений, стилистическим и синтаксическим функциям при частичном различии в лексическом составе, в словоформах или в порядке компонентов.

При частичном совпадении лексического состава и числа значений, но при расхождении в оттенках значения, стилистической направленности, образности, сферах употребления и вследствие этого в сочетаемости, возникают структурные синонимы, состав которых может пополняться за счёт фразеологических вариантов.

Вариантность фразем ни в коей мере не противоречит их устойчивости, так как в каждом явлении наблюдается противоречие единства устойчивости и

изменчивости. Сама фразеологическая вариантность предполагает устойчивость фраземы, так как устойчивость фраземы проявляется, в частности, в их вариантности;

г) наличие семантического инварианта при всех нормативных и окказиональных изменениях фраземы. В значение этих фразем при лексических и грамматических изменениях могут вноситься те или иные уточнения. Оно может также усиливаться или ослабляться. Устойчивости значения способствует также лексическая устойчивость фраземы. Семантическая устойчивость отнюдь не исключает возможности изменения значения фраземы [67, с.7].

4. Лексическая устойчивость, т.е. полная неподменяемость компонентов или возможность нормативной замены компонентов только в рамках фразеологической вариантности или структурной синонимии при обязательном сохранении семантического и лексического инвариантов, являющихся пределом вариантности, разрушает тождество фраземы:

The young man flashed again and his Adam's apple moved in his thin neck (156, с.5).

Чавон боз сурх шуд, хекиртак дар гардани борики ў ҳаракат мекард. (перевод наш)

Юноша опять покраснел, кадык на тонкой шее судорожно дернулся. (перевод информанта)

Возможность нормативного включения фразеологизмами в свой состав переменных компонентов для подмены местоимений не является нарушением лексической устойчивости фразем, так как все остальные их компоненты сохраняются, а переменные компоненты являются лишь уточнителями предметной соотнесённости фразем, т.е. уточнителями их денотативного значения [67, с.7]. В подобных случаях также сохраняется семантический и лексический инвариант.

Синтаксическая устойчивость, т.е. полная неизменяемость порядка компонентов фразем или изменение порядка компонентов в рамках вариантности, грамматическая инверсия:

The critics hadn't really liked her Beatrice. It was that damned blank verse (157, c.17).

Ба мунаққидон Беатричи ў он қадар маъқул нашуд. Ҳама гап дар сари он ояти холӣ буд .(перевод наш)

Критикам не очень понравилась её Беатриче. Всё дело в этом проклятом белом стихе. (перевод наш)

Таким образом, устойчивость фразем – это объём свойственных ей различных типов микроустойчивости [67, с.8].

Нами рассмотрены пять типов микроустойчивости. Не исключена возможность, что при дальнейшей разработке теории фразеологии число их может увеличиться. Хотя многим фраземам и свойственна морфологическая устойчивость, выражающаяся в инвариантности той или иной словоформы, мы не включили этот вид микроустойчивости в число обязательных параметров фразеологической устойчивости, так как некоторые обороты не обладают морфологической устойчивостью, но их нельзя исключать из числа фразем, поскольку им свойственны пять других видов микроустойчивости, перечисленных выше [67, с.8].

Существуют две классификации, получившие за последнее время широкое распространение: семантическая (на основе классификации В. В. Виноградова) и функциональная.

Поскольку спорные моменты семантической классификации В.В.Виноградова на протяжении последних лет являлись предметом всестороннего критического анализа как применительно к материалу русского, так и других языков, особенно английского, представляется целесообразным рассмотреть в критическом плане систематизацию фразеологии по функциональному принципу, тем более, что большинство устойчивых словосочетаний, включаемых в раздел так называемых

фразеологических сочетаний семантической классификации, входят в состав фразеологии, систематизированной по функциональному принципу [32, с.36].

Функциональная классификация появилась в период, когда фразеологические исследования В.В.Виноградова определили важность рассмотрения устойчивых сочетаний английского языка не только как средства его выразительности.

Именно при помощи функционального критерия огромная масса устойчивых, воспроизводимых словосочетаний и сочетаний слов, обладающих цельностью номинации, была «отвоёвана» у синтаксиса, а также у словообразования, поскольку целый ряд словосочетаний относился учёными к сложным словам. Эти единицы с чистой номинацией, обозначаемые как лексические единства, номинативные фразеологизмы (Чернышева), впервые были исследованы как особая составная часть устойчивых словосочетаний современного английского языка [118, с.36].

Данное обстоятельство позволило детально проследить функцию и структурно- семантические особенности устойчивых сочетаний слов этой группы, а также их отличительные особенности, соотносительно с сочетаниями слов, выполняющих в языке номинативно-экспрессивную функцию. Таким образом, рассмотрение всех устойчивых сочетаний языка, обладающих цельностью номинации и выполняющих в языке номинативно-экспрессивную функцию, было плодотворным и помогло уяснить механизм функционирования их в современном английском языке.

Таким образом, в функциональной классификации единиц английской фразеологии сконцентрированы все разновидности устойчивых, воспроизводимых сочетаний слов. Здесь наличествуют соединения, которые образуются без семантического преобразования компонентов (лексические единства), моделированные образования (аналитические и стилистико-грамматические конструкции), серийные образования. Все они по сравнению с фразеологией обнаруживают принципиальные отличия. Рассмотрение их в

одной классификационной схеме, по мнению И. И. Чернышёвой, было бы неправильным [118, с.38].

Хотелось бы отметить, что фраземы представляют собой раздельнооформленные, устойчивые соединения слов различных структурных типов с единичной сочетаемостью компонентов, значение которых возникает в результате семантического преобразования компонентного состава и мы вслед за Н. Н. Амосовой понимаем под фраземой единицу, в которой значение семантически реализуемого слова является фразеологически связанным [7, с.59].

1.3.2 Особенности фразем в таджикском языке

Фразема, сформировавшаяся как часть фразеологии и лингвистической дисциплины сравнительно недавно, в настоящее время привлекает всё большее внимание таких таджикских учёных, как Х. Маджидов, Б. Камолиддинов, А. Мирзоев и др.

Фразема, одна из важных частей фразеологических единиц, изучается не только как собственно лингвистический феномен, но и как средство закрепления опыта и менталитета этноса, и как средство представления экстралингвистической информации, связанной с человеком, и как один из путей отражения культуры народа. Но до сих пор основные понятия, относящиеся к сфере фразеологии, однозначно не определены, и потому существуют разные точки зрения по многим вопросам. Это касается даже таких базовых вопросов, как определение понятия «фразеологизм» и ограничение состава фразеологии. Без осмысления указанных вопросов исследование фразеологических единиц невозможно ни в каких аспектах. Особенно важно уяснение названных выше и других особенностей в настоящее время, когда фразеология начинает изучаться в русле когнитивной лингвистики и прагмалингвистики.

Огромное множество подходов и определений не просто создаёт трудности, а является препятствием в решении любых исследовательских задач. Изложенное свидетельствует о необходимости не только уяснения

научного аппарата фраземы, но и исследования единиц фразеологии с учётом достижений разных направлений лингвистики.

Прежде чем учёные обратили внимание на коммуникативный и культурно-человеческий факторы в языке, фраземе пришлось пройти немалый путь. Этапы, пройденные фраземой, начиная от структурно-семантической парадигмы и заканчивая антропологической, сыграли важную роль в её становлении и развитии. В связи с указанной особенностью краткий аналитический обзор путей, пройденных фраземой – одой из разновидностей фразеологии как лингвистической дисциплины, представляется не только интересным, но и необходимым.

Современное состояние исследования фраземы таджикского языка, безусловно, свидетельствует о больших достижениях в этой области. Вместе с тем, приходится признать, что даже такое обширное изучение различных аспектов богатого по составу фразеологического пласта таджикского языка ещё не даёт полной картины действительного бытования этого феномена, не раскрывает в должной мере внутренние механизмы и закономерности его функционирования.

Если в первом дошедшем до наших дней толковом словаре «Луғати фурс» (XI в.), автором которого является Асадии Туси, приводятся и истолковываются всего лишь несколько фразем, то число их в последующих словарях намного увеличивается. Так, в таких словарях, как «Адот ул-фузало» (1419 г.) Козихона Бадр Мухаммада Дехлави, «Фарҳанги сурурӣ» (1599-1600) Ходжи Мухаммада Кошони под псевдонимом Сурури, «Фарҳанги Чаҳонгирӣ» (1608) Джамолиддина Хусайна Инджуи Шерози и некоторых других, в связи с увеличением числа толкуемых фразеологизмов выделяются отдельные разделы.

Основной материал, относящийся к фраземе, приведённый в «Кашф-ул-луғот ва ал-истилоҳҳо» (XVI в) Абдурахима ибн Ахмада Сури Бухори, составляют специальные терминологические обороты. Устойчивые переосмысленные обороты в этом словаре названы специальным термином

«киноёт»), а словосочетания непереносного характера приводятся без всякого выделения. Весьма специфична подача фраземы и глагольных фразеологических единиц в вокабулах: в большинстве случаев они приводятся в какой-либо спрягаемой форме.

Автор другого толкового словаря – Мухамад Хусайн ибни Хала фат-Табриси в своём капитальном труде «Бурхони котей» (1612) обозначает фраземы в зависимости от их семантической спянности и назначения терминами «истилохот», «истиорот» и «киноёт». Фраземы подаются вместе с другими лексическими средствами в алфавитном порядке первого компонента. Составитель не всегда объясняет содержание фраземы, ограничиваясь иногда ссылкой «маъруф аст», т. е. общеизвестно.

1.3.3 Анализ фразем русского языка

Работы академика В.В. Виноградова стали основополагающими в активном исследовании проблем фразеологии русской и зарубежной лингвистики. Он, пользуясь достижениями своих предшественников, поставил вопрос о фразеологии как о лингвистической дисциплине. [32, с.45]. Ряд последователей В.В. Виноградова развили его идеи, что послужило основанием для появления фразеологической школы, основной задачей которой было выявление структурно-семантических особенностей фразеологических единиц и их различие от слов и сочетаний слов. Рассматривая сходства и отличия фразем от свободных сочетаний слов и лексических единиц, учёные пытались выделить основные категориальные признаки ФЕ. Разные исследователи отнесли устойчивость сочетания к фразеологическим единицам, которые стали основной к определению понятия «фразема» и «фразеологизм».

О.С. Ахманова считает, что основным отличительным признаком ФЕ является целостность номинации. Она считает, что фразеологизм является словосочетанием, в котором семантическая монолитность преобладает над структурной разделённостью составляющих его элементов, в результате чего оно действует в составе предложения как эквивалент отдельного слова.

Указанный признак в качестве дифференциального оказал влияние на мнение О. С. Ахмановой относительно языкового статуса компонентов фразеологического оборота. О. С. Ахманова утверждает, что слово не является компонентом ФЕ – а лишь его признак [22, с.6].

По мнению Н.М. Шанского, фразеологический оборот является единицей языка, воспроизводимая в готовом виде, постоянная по своему значению, составу и структуре. Она состоит из двух или более ударных компонентов словного характера [119, с.23].

Автор считает, что воспроизводимость является главным категориальным признаком фразеологического оборота, отграничивающим его от свободного сочетания слов а так же сближающим его со словом. Как он полагает, кроме воспроизводимости все остальные признаки, такие как устойчивость и целостность значения одинаково характерны и словам, и фраземам.

В.Л. Архангельский выделяет внутрикомпонентные связи в качестве главного дифференциального признака фразеологизма, что вытекает из определения самого понятия «фразеологическая единица». Он утверждает, что фразеологический оборот является не просто синтаксически составным словом, а устойчивым воспроизводимым отношением между словами, которые составляют строго определённый раздельнооформленный звуковой комплекс согласно законам грамматики. Также ФЕ обладают стабильным значением, которое не выводится из суммы значений слов-компонентов, хотя и возникает на их основе [20, с.60].

Существуют и другие точки зрения на рассматриваемый вопрос, согласно которым в качестве основного дифференциального признака ФЕ выступает семантическая целостность, непереводаемость на другие языки, эквивалентность фраземы слову, функционально-семантическая компликативность и др [51, с.26].

Ю. А. Гвоздарёв считает, что односторонность анализа фразем является отрицательной стороной многих исследований. Например, некоторые учёные

на первый план выставляют только «внешние» признаки фразем, такие как, воспроизводимость в речи, отдельность, а другие больше обращают внимание на «внутренние» признаки оборотов как внутрикомпонентность связи, сочетаемость лексем и семем. По мнению Ю.А. Гвоздарёва, фразеологическую единицу нужно изучать разносторонне. Автор даёт понятию «фразеологизм» следующую дефиницию, которая подходит к фраземе: «устойчивые в языке и воспроизводимые в речи составные языковые знаки, имеющие самостоятельное значение, состоящие из двух или более слов, из которых хотя бы одно имеет фразеологически связанное значение» [43, с.18]. В. П. Жуков также полагает, что у фраземы есть не один, а целый ряд объединяющих признаков. Учёный также относит воспроизводимость, раздельнооформленность строения, незамкнутость структуры к устойчивости и семантической целостности значения. Принимая во внимание указанные признаки и переходные явления в системе ФЕ учёный создаёт понятие «фразеологизм», под которым понимается «воспроизводимый в речи оборот, построенный по образцу сочинительных или подчинительных словосочетаний, обладающий целостным (или реже – частично целостным) значением и сочетающийся со словом» [56, с.5].

А.И. Молотков называет три основных признака фразем: лексическое значение, компонентный состав и наличие грамматических категорий. Учитывая данные признаки, учёный утверждает, что фразеологизм состоит не из слов, а из компонентов, которые утратили признаки слова [90, с.45].

В тот период развития языковедческой науки наблюдалось отличительное увлечение описанием фразем структурными методами и отказ от исследования проблем фразеологии относительно речевой деятельности. Но, несмотря на всё это, «классический» период нельзя назвать неплодотворным для фразеологии. В развитии фразеологии рассматриваемого периода анализ структурно-семантической парадигмы сыграл свою положительную роль и обозначил дальнейшую парадигму исследования.

Фразеология стала самостоятельной лингвистической дисциплиной после описания фразем как особого рода знаков языка, обладающих категориальными признаками и соответственно специфической для них структурой и значением. Этот период стал «постклассическим» периодом в развитии фразеологии. Вопрос об ограничении состава фразеологии, уточнении её классификационной базы стал основным для фразеологии этого времени.

1.4. К вопросу о явлении синонимии и антонимии в фраземах сопоставляемых языков

Проблема лексической синонимии в таджикском и английском языкознании получила достаточно широкое освещение. Тем не менее явлению синонимии во фраземах ещё не получила должного освещения. В монографической работе Х. Маджидова «Фразеология современного таджикского языка» [82] и в диссертации Р. Саидова «Фразеология таджикской народной поэзии» [97] данному явлению уделено достаточное внимание. Так, Р. Саидов пишет о сочетаниях копулятивного типа с такими синонимическими компонентами, как «хеш»-«тавор» (родственники), «нозу карашма» (коккетство), «зор»-«низор» (беззащитный), «маст»-«махмур» (навеселе), «токаву»-«танхо» (одинокий) и т.д.

А. Кунин в своей работе «Курс фразеологии современного английского языка» [69, с.46], анализируя синонимические фразеологизмы, указывает на то, что подобные фразеологизмы могут полностью не совпадать или частично совпадать по лексическому составу. Фразеологическим синонимам свойственно сложное переплетение семантических и стилистических элементов. Он выделяет три вида фразеологических синонимов: идеографические, стилистические и стилистико-идеографические. А. Кунин приводит следующие примеры: «*as hell*» и «*like hell*» с такими значениями как оглашённый, сумасшедший и ужасно, отвратительно, из рук вон плохо; «*making a mountain out of a mole hill*» - аз паша фил сохтан - делать из мухи слона; «*keep one's mouth shut*» - забонро нигоҳ доштан - придерживать язык,

деожать язык за зубами; *«to shoot off one's mouth(right) under one's nose»* дар зери пой касе гаштан – путаться под ногами у кого либо; *«within a stone's throw of something»* - дар як кадам – поблизости от, рукой подать ; *«(as) mad as a march hare»* - совсем помешавшийся и другие.

А. Кунин считает, что «фразеологические синонимы входят в состав синонимических гнезд, рядов и синонимических групп» [68, с.57].

Анализ глагольных фразеологизмов, выражающих человеческие чувства, в определённой степени способствует решению споров о том, «существуют ли вообще абсолютные синонимы». Наблюдения показывают, что с точки зрения семантико-стилистических и структурных особенностей полностью идентичных языковых единиц не существует. Синонимы могут быть однозначными, иметь одинаковую структуру, но, как правило, в любом случае отличаются по семантическим оттенкам и стилистическим функциям, которые как таковые проявляются в контексте. Например, в таджикском языке устойчивые глагольные словосочетания могут использоваться как фраземы *«булбули шайдо шудан»*, *«дили касеро ром кардан»*, *«ба касе дил додан»*, *«дили касеро бурдан»*, *«дил бохтан»*, *«дили худро бой додан»*, *«дил бастан»*, *«ба дили касе роҳ ёфтан»*, *«ба дили касе чо шудан»*, *«дили касеро ба дом овардан (гирифтан)»*, или *«касеро ба худ моил (гарм) кардан»*, *«дар дили касе хона кардан»*, *«дили касеро дузидан»*, *«мехр бастан»*, *«мехри касе ба дил нишастан»*, *«дилдода шудан»*, *«дили касеро аз чо бурдан»* и т.п., несмотря на структурные различия, по семантике они синонимичны. При этом они, как правило, отличаются по степени эмоциональности и стилистическим особенностям. Различие отдельных упомянутых фразеологизмов очевидно и вне контекста. Так, конструкции *«дили касеро ба худ моил кардан»* и *«дили касеро бурдан»*, будучи в одном синонимичном кругу, в то же время различны по смыслу. В первом примере выражена симпатия человека к кому-либо, во втором - речь идёт о завоёванной любви. Существует немало примеров, когда синонимичные варианты также вне контекста различаются по стилистическим параметрам. Так, *«булбули шайдо шудан»* (буквально: стать обезумевшим

соловьём - полюбить) относится к литературно-книжному стилю, а «дилро бой додан» (буквально: проиграть сердце - полюбить) - к разговорному. В таких случаях доминирующие компоненты определяют стилистическую соотнесённость фразеологизмов. В приведённых выше примерах компоненты «булбули шайдо» (обезумевший соловей) и «бой додан» (проиграть) играют основополагающую роль в формировании значения фразеологизмов, так как они являются основными носителями семантико-стилистической нагрузки.

Сравним примеры: - «Хайр ин тавр бошад, азбаски мехри ту ҳам аз моҳҳои аввал ба дили ман нишастааст, ман бе муқаддима саргузашти сердарди сари худамро ба ту нақл мекунам» [145, с.35]

- Ладно, если так, поскольку твоя любовь в моём сердце, без предисловия расскажу тебе о своём печальном приключении.

«Мехр бастӣ ба одамони Ватан, Ба занону ба кӯдакони Ватан» [148, с.24]
Полюбил ты людей Отчизны, и женщин, и детей Отчизны.

«Ман ҳам ба вай мехр монда дугонаи чони гуфта будам» [145, с.26]

Я, тоже полюбив её, считала её душевной подругой.

«Оқибат дили духтарро дӯздида, соли 1947 ба ӯ хонадор шуд»
(Хорпуштак)

- Наконец, добившись любви девушки, в 1947 году он женился на ней.

«Вагарна ман аз ваъдаам гаштаам ва на ба касе дил додам ва на ба касе дил хоҳам дод» [144, с.67]

Иначе нарушу обещание, и не полюблю никого, и не собираюсь никому отдавать свое сердце!

В английском языке явление синонимии во фраземах было прослежено на примере следующих фразеологизмов: «*have a warm spot in one's heart for somebody*» - ба касе ҳиссиёти гарм доштан, ба худ кашидан; испытывать тёплое чувство, влечение к кому-либо; «*lose one's heart to somebody*» - ба касе дил бохтан, вспылать любовью к кому-либо; «*fix one's affection on somebody*» - касеро дӯст доштан; полюбить кого-либо; «*be in love*» - дӯст доштан; быть влюбленным; «*gain somebody's heart*» - дили касеро (муҳаббати касеро) ба даст

овардан, добиться чьей-либо любви; «*have a fancy for*» - дўст доштан; увлекаться, привязаться, полюбить; «*be on fire*» – ишқ аланга гирифтан; загореться любовью; «*be death on*» - хеле дўст доштан; обожать, любить; «*find favour in somebody's eyes*» - ба касе меҳру мухаббат доштан; снискать благосклонность (любовь) кого-либо. Те же фразеологизмы встречаются в предложениях, взятых из классической литературы:

*Tess` heart ached. There was no concealing from herself the fact that she loved Angel Clare, perhaps all the more passionately from knowing that the others had also **lost their hearts to him.*** (162, с.45).

У Тэсс сжималось сердце. Не могла она скрыть от самой себя, что любит Энфлела Клэра, а любовь, внушённая им другим девушкам, быть может, еще больше усиливала её страсть.

«*I don't mind your knowing*», he said, «***I'm over head and ears in love with her***» (163, с.54).

Я не собираюсь скрывать от вас, - сказал он, - что я безумно влюблен в неё.

*Sir Peter. This evident, his vices and follies **have won your heart*** (164, с.38)

– Сэр Питер. Очевидно, его пороки и безумства покорили ваше сердце.

*She **took fancies to people**; whimsical fancies, some of them* (162, с.45).

Она вдруг привязывалась к людям; чудно привязывалась иной раз...

«*He **found favour in the eyes of Miss Sally Brass*** (162, с.45).

Одним из важных аспектов характера однозначных единиц является синонимическая цепь, где выделяется ведущее, т.е. доминирующее слово.

В лексикологическом плане доминирующее слово синонимической цепи это то, которое, как правило, стоит в начале цепи.

В роли слов-доминантов выступают, как правило, общеупотребительные, межстилевые слова, в фразеологической цепи синонимии понятие «доминанта» гораздо шире, ибо в данном случае оно содержит две языковые единицы: **во-первых**, разъяснительную единицу, которая, как правило, находится до синонимической цепи; **во-вторых**, фразеологическую единицу,

стоящую в начале синонимической цепи. Основными условиями определения доминантов синонимических рядов является общеупотребительность, нейтральность и семантическая доступность. В таджикском языке оно выражено устойчивыми словосочетаниями «*бини касе дар осмон будан*», «*аз худ рафтан*», «*аз савлати касе оби хуми Намангон ях кардан*», «*фук (хик, тумшук) дар осмон будан*», «*осмону заминро нашинохтан*», «*аз болои шутур алаф даравидан*», «*димоги худро баланд кардан*», «*бурути касеро табар набуридан*». В этом синонимическом ряду в качестве доминанты можно выделить фразеологизм «*бини касе ба осмон будан*». В данном случае, с одной стороны, само «высокомерие» выступает как разъяснительное слово, с другой - из числа синонимической цепи именно данный фразеологизм отвечает всем трём условиям, о которых шла речь выше.

Анализ примеров показывает, что далеко не все единицы из вышеперечисленной цепи могут выступать в качестве доминанты. Так, сочетание «*аз худ рафтан*» не может быть доминирующим в виду того, что оно полисемично, и внимание слушателя может переключиться в другое семантическое русло. Так, может быть непонятен фразеологизм «*тумшуқи касе ба осмон будан*», где «*тумшук*» (рыло) – диалектизм тюркского происхождения, может быть непонятным представителям некоторых регионов, в частности, южных. Таким образом, из числа синонимической цепи всегда можно выделить доминирующее звено, которое соотносится сразу с несколькими синонимическими рядами.

Так как фраземы являются одним из наиболее выразительным средством языка, их неспроста называют жемчужиной речи. Имеющиеся в нашем языке фраземы «*дар зери но заминро надидан – not to see a land under himself - не видеть под собой земли*», «*бини боло карда гаштан – to go with snub / turned-up nose - ходить со вздёрнутым носом*» имеют более широкое и образное значение, чем слова, обозначающие значение этих фразем. В научной литературе лексический состав фразем трактуется как стабильный, постоянный, неизменчивый. Однако в многочисленных исследованиях

утверждается, что их лексический состав довольно-таки изменчив. Из этого исходит, что возникает необходимость изучения причин изменчивости общеязыковых фразем.

Согласно законам природы, каждый предмет или явление дополняют друг друга и вместе с этим противоречат друг другу. Фраземы тоже не составляют исключения из этого правила. Известный языковед, академик Л. В. Щерба утверждал, что контрастность сильно притягивает наше внимание. Действительно, фраземические антонимы, с одной стороны, в качестве методического средства выражают взаимопротивоположные описания, сравнения и резкое противопоставление; с другой стороны, отражают реальные противоречия, существующие в окружающем нас мире. Фраземические антонимы широко используются в процессе обмена мыслями человеком, формируются на основе тех или иных его отношений к духовной жизни, на основе индивидуальной и социальной деятельности человека, его качеств, чувств и познания действительности.

В художественном тексте антонимы служат для образования антитез, а также они направлены на усиление выразительности речи. Антитеза – это стилистический метод, основанный на противопоставлении образов, понятий и идей. Писатели создают яркие, запоминающиеся образы посредством фраземических антонимов. Существуют различные формы фраземических антонимов.

Антонимия в составе одной фраземы построена на основе антонимических отношений. Некоторые такие фраземы выражаются при помощи лексических антонимов. Например, «аз об хушк баромадан - ду даст дар бинӣ баргаштан, хушку холӣ, бо дасти холӣ баргаштан» - *to get out dry from water, – to come back with empty hands* (к реке идёт мокрым, возвращается сухим – не солоно хлебавши), «чизе хоҳад ҳамон мешавад, чизе хоҳад тайёр аст» – *what he wants, it will be ready* (что пожелает – всё будет готово), «чун сағ умр ба сағ бурдан – осуда зистан» – *to live as a dog, to live safety* (жить как собака, жить в спокойствии), «меҳнатдӯст, покизакор, вазифашинос» –

industrious (трудолюбивый, исполнительный), «чизе ба даҳонаш биёд, мегӯяд» – *what he wants he says that* (говорит, что попало) и др. : *тап-хушк – wet-dry* (мокрый-сухой), *пеиш-қафо front – back* (впереди—позади), *хобидан – хестан to sleep – to get up* (лежать –вставать), *даромадан – баромадан – to come in – to go out* (входить –выходить).

В составе других фразем лексических антонимов не существует. Например: «*парвои чизе надоштан*» - *he can wade through any sea; he is absolutely reckless; he is a devil-may-care fellow; he snaps his fingers at dangers; he doesn't give a damn; he is a mad-brain; there is no holding him* (море по колено), «*ман дар гӯям, ӯ бед мефаҳмад, кала гӯям салларо мебиёрад*» *If I say him to bring smth, and he brings another thing* (я ему про Фому, а он мне — про Ерёму), «*аз паиша фил сохтан*» - *to make a mountain out of a molehill* (делать из мухи слона), «*дар рӯ механдаду – дилаширо гургон тала мекунанд*» *He laughs from outside, but his heart is as black cat* (снаружи улыбается, а изнутри — душу кошки скребут); «*агар бо пойҳоят ба осмон барой, сони бо гӯишҳои дароз ба замин мефарой*» – *If you rise high with foot, you fall down by ear* (если высоко поднимаешься — за ногу, если в землю спустишься —то за ухо вытяну) и др. В таких примерах антонимия отличается от фраземы полностью на основе двойного лексического значения [7, с.8].

Антонимия, созданная посредством парности антонимических фразем, возникает в результате входа в антонимические отношения противоположных друг другу по значению двух самостоятельных фразем.

Например: «*ба ин дунё омадан – аз ин дунё рафтан*» *to come to this world – to leave this world* (прийти в этот мир — уйти из этого мира), «*ба қавли худ истодан – ба қавли худ наустодан*» *to keep a word – not to keep a word* (сдержать слово — не сдержать слово) и т. д.

Профессор Маджидов Х., изучивший фразеологизмы таджикской разговорной речи, утверждал, что взаимоантонимические фразеологизмы определяются на основе антонимических слов отдельных лексических значений, входящих в состав этих фразеологизмов [82, с.13].

В качестве аргумента приводит примеры: в составе антонимических фразем имеются антонимические лексемы: *шаъни касеро наст задан, – касеро ба осмон бардоштан – to derogate from – to raise to the sky* (умалить достоинства -возводить в небеса); *дӯст доштан – бад дидан – to love – to hate* (любить-ненавидеть), *роҳбариро ба дасту худ гирифтан –to take a leadership – to loose manage ment* (взять в руки управление)— *роҳбариро аз даст додан* (потерять руководство, управление); *дили касеро бурдан —дил аз даст додан – to catch a heart – to loose a heart* (душу притягивает — не лежит душа), *дастаи кушод аст, яъне сахӣ — дастаи кӯтоҳ аст,* (щедрый-скупой), *kind-nature – cruelty* (добродушие - жестокость), *richman – poorman* (рука длинна — рука коротка).

Исходя из этого, появляется мысль, что антонимические пары могут возникать на основе противопоставления лексических значений выражений. Например, *дили бераҳм - stone heart* (каменное сердце) - *ҷони одам – kind heart* (добрая душа), *олиҳиммат - generous, liberal* (щедрый) — *хасис - niggardly, miserly* (скупой), *таваллуд шудан, ба дунё омадан - to come into the world, to be born* (появиться на свет); *дур афкандан – kick off; keel over; conk out; push up daisies; kick the bucket* (отбросить коньки), *дил ором шудан – to calm* (душа успокоилась) — *ба куртаи худ нагунҷидан – not to find a place* (места себе не находить, тревожиться), *дили соф –clean heart* (чистая душа)— *дили сиёҳ – black heart* (тёмная душа), *гурбаи сиёҳ аз байни онҳо давид - to cause a quarrel between sb and sb , to spread discord , to set sb at odds with each other; to set sb at variance* (чёрная кошка пробежала между ними) — *бо об тар кардан they are bosom friends (old buddies)* (их водой не разольёшь), *маҷбур кардан, то ки хомӯи шавад –to silence* (заставит замолчать) — *ҷогаи кушода шуд - loosen one's tongue* (язык развязался), *ба сухани худ наистодан, ба ваъдаи худ вафо накардан – not to keep a word* (не сдержат слова) — *қавли худро иҷро кардан, ба сухани худ истодан – to keep a word* (сдержат слово, стоять на своём), *оиладор шудан – to get married* (выйти замуж) — *ҷудо шудан – to divorce* (развестись).

Фраземы, входящие в антонимические отношения, со структурной точки зрения тоже могут быть разными, со структурной точки зрения бывают и похожими. Например, *ба сухани худ истодан* - *to stand one's ground, to hold one's own* (стоять на своём, сдерживать слово), *ба худ омадан* – *come to himself* (прийти в себя) — *такаббур* (калонгирӣ, ҳавобаландӣ) *кардан*, *ба худ мағрур будан* - *have too high an opinion of oneself, get a false idea of one's own importance* (возомнить о себе высоко), *дастҳои дароз* (рука длинна), *дастҳои кӯтоҳ* - *one's arms are too short (to get, to reach, etc. smb., smth.); one hasn't got the power; one is far too slow (to catch smb., smth.), (рука коротка)* и др.

Разноструктурные антонимические пары со структурной точки зрения бывают разные. Например, *гам хӯрдан* - *endure suffer* (переживать) — *дил ором шуд*; *ба рӯ механдаду дилаш мисли гурбаи сиёҳ аст* – *though he laughs, but his heart is as black cat* (хоть и улыбается, а в душе кошки скребут); *дили кушод* - *generous spirit* (щедрая душа) — *шахси мумсик, хасис* - *stingy [-n-], niggardly, miserly* (скупой человек).

Иногда антонимия фразем, состоящая из одинаковых лексических компонентов, как и в других иранских языках, могут распознаваться посредством аффикса с отрицательным значением (-на).

Например: *оҳ, буд набуд* – *it was or it wasn't* (эх, была — не была), *шӯхиро медонаду ҳақиқатро не* – *knows joke but doesn't know truth* (узнает - шутка, не узнает - правда); *касери ором намегузорад* – *doesn't leave anyone in calm* (никого в покое не оставляет); *розӣ аст, чӣ коре кунад* - *he agrees to do smth.* (согласен с желанием что-то сделать) — *розӣ нест, ягон коре кунад* – *doesn't agree to do smth.* (не согласен, нет желания что - либо сделать). С лексической точки зрения в разносоставных антонимических фраземах одинаковые лексемы не участвуют. Примером этому могут служить: «*дилкаш, дилрабо, ҷаззоб, дилбар*» - *pretty, nice-looking* (вешне миловидная) - *безеб* – *ugly* (непривлекательный), *баланд бардоштан* - *elevate, ennoble* (возвышать) - *наст задан* - *to abase; humble; humiliate; to belittle; degrade; lower* (унижать),

ёдоварӣ намудан – to remember (вспомнить) - фаромӯш кардан, аз хотир баровардан – to forget (забыть, вылететь из головы).

Бошандагони Шўрқишлоқ хислати қавӣ, дили меҳрубон, дилсўз дошта аввал лату кўб мекунад ва баъдан афсўс хурда, гиря менамоянд.

The inhabitants of Shurkishloq have strong character with kind heart first beat then regret and later weep. (перевод информанта)

Жители Шуркишлака — сильные характером, с доброй душой, бранят -потом жалеют, бьют - потом плачут .

Основываясь на внутрисистемных отношениях компонентов антонимических фразеологизмов, они формируются на основе противоречия друг другу образов, событий. В таких случаях опорные компоненты не входят в антонимические отношения, однако, может быть, что фразеологизмы в отдельном виде могут выражать противопоставленные значения.

Например, *аз хурсандӣ дар осмони ҳафтум - be in the seventh heaven; tread (walk) on (upon) air; be all over oneself; be (sit, fell) on top of the world, grinning from ear to ear (на седьмом небе от счастья, рот до ушей) - бо ду даст дар бинӣ, хушку холӣ, бо дасти холӣ баргаиштан - come back empty-handed (вернуться с пустыми руками, не солоно хлебавши):*

Холаи Карим аз хурсандӣ худро дар осмони ҳафтум ҳис намуда, ба Хўҷақишлоқ рафт ва аз он ҷо ду даст дар бинӣ баргаиштан – Karim's aunt was at the seventh sky from happiness, went to Khujakishloq and came back from there with empty hands.

Тётя Карима была на седьмом небе от счастья, поехала в Хужакишлак а вернулась не солоно хлебавши.

Известный узбекский фразеолог Б.Юлдашев утверждает, что «развитие и обогащение фразем обновляются не только за счёт появления фразеологических неологизмов, как происходит с другими единицами языка, но и за счёт имеющихся в языке семантических, грамматических и функциональных сторон выражений» [122, с.45].

Действительно, писатели обычно не ограничиваются выбором и употреблением выражений в соответствии с целями описания. Допустимо, что фраземы изменяются и заново используются в зависимости от природы героев, их душевных состояний, образа жизни. Именно это мы можем заметить в антонимии фразем.

Например : *Сабр кунї аз гўра ҳалво меназад – If you tolerate you will succeed (Кто-то терпелив, а кто-то нетерпелив)* .

Известно, что фразема «косаи сабр лабрес шудан» (чаша терпения переполнена) существует в языке, и она означает, что больше нет сил терпеть. Писатель, чтобы придать ещё большую эмоциональную окраску выражению, немного видоизменяет фразему. Сравните: косаи сабр чукур, яъне тоқатовар (чаша терпения глубже, т. е. терпелив) - косаи сабр чукур нест, яъне нопур (чаша терпения не глубока, т. е. человек нетерпелив). Или ещё один пример: «*Кордон ҳамеша аз об хушк, аммо аз оташ тар мебарояд*» *The clever man always comes dry form water, but from fire wetty.*

Ловкий всегда выходит из воды сухим, а из огня мокрым.

Фразема «аз об хушк баромадан» – come dry form water (выходить из воды сухим) означает «ни от чего не пострадать, легко избавиться от чего-то (ему как с гуся вода)» и широко используется в общеязыковой лексике.

Если посмотреть с логической стороны, нельзя выйти сухим из воды и эта фразема используется относительно к очень ловким людям. Автор подбирает к фраземе «аз об хушк баромадан» окказиональную фразему и возникает антонимическая пара.

Также Б.Юлдашев, глубоко проанализировавший фраземы с методической точки зрения, акцентирует своё внимание на методаы образования антитез посредством фразеологических единиц, которые являются одним из способов творческого семантического изменения фразеологических единиц, и представляет следующие их виды:

а) метод противопоставления антонимических фразем: як сухан метавонад ба осмон бардорад ва аз осмон фарорад – a word can knock down and raise (Одно

слово может и с ног повалить, и на ноги поставить) [122, с.56]. В этом предложении антонимическими фраземами являются «аз хушбахтї дар осмони хафтум будан» - to be at the seventh sky from happiness (быть на седьмом небе от счастья) — «то ба охир расонидан» (дойти до седьмого колена; довести до конца);

б) посредством противопоставления контекстуальным фразеологическим антонимам. Например:

Вақте ки Самад паҳлавон аз дунё гузашт, писарони вай Пирмат, Ориф, Сотим, Муслим ва домодаш Шараф, ки зуд-зуд аз падарашон гап мешуниданд, назар ба духтарони то пуррас сер шудан хўрондаи ӯ, якдигарро ба оғўш гирифта, чунон доду фишон бардоштанд, ки тамоми қишлоқро фаро гирифт.
When Samadpolvon passed away his sons Pirmat, Orif, Sotim, Muslim, and his son-in-law Sharaf who often get thrashing from father embraced each other and cried aloud that covered over the village, not wishing his fat daughter. (перевод информанта)

Когда умер Самадпалвон, его сыновья Пирмат, Ориф, Сотим, Муслим и его зять Шараф, которые часто получали взбучку от отца, обнявши друг друга, подняли крик - плач на весь кишлак, нежели его упитанные дочери. (перевод информанта)

В этом предложении использованная антонимическая пара «то пуррас сер шудан хўрондан» (накормленные досыта хлебом, упитанные) является авторским дополнением, а в общеязыковой лексике оно не употребляется.

в) метод стыковки компонентов фразеологической единицы со словом: «*Розиам аз он чизе, ки аз даст, додам ва миннатдорам, аз он чизе ки ба даст овардам!*»

Согласен с тем, что упустил, благодарен за то, что получил. (перевод наш)

В этом предложении автор противопоставляет общеязыковой фраземе «чизеро аз даст додан» (упустить, потерять что-то) фразему «ба даст овардан» (получить).

Рассмотрим следующий пример:

«Муаллиф дар романи худ дар образи Дехқонкул симои халқи тоҷик, ки тамоми ҳаёт дар саҳро меҳнат менамуд ва дар офтоби тафсон рӯйи ӯ рӯшноиро надидааст ва ба кӯмак ниёз доштаро таҷассум намудааст»

The author in his novel generalized the image of the Tajik people embodied in the character of Dekhankul who worked in the field all their life, and their faces never saw light and they lived in a need. (перевод наш)

Автор в своём романе в образе Дехканкула обобщает образ таджикского народа, который всю жизнь трудился в поле, но в этом солнечном краю его лицо не видело света, в таком обильном, богатом крае жил в нужде (перевод наш).

В этом предложении посредством противопоставления выражениям свободных словосочетаний образованы антитезы и этим автор высказал свою мысль. Следует обратить внимание на противопоставления: не издавший света, гармӣ – warm (тепла) — «дар торикӣ зистан» – to live in darkness (жить в темноте); фаровонӣ - abundance, plenty, profusion (достаток, изобилие) - муҳтоҷӣ кашида зистан – to live in poverty (жить в нужде). Если будем анализировать, то там, где солнце - все ощущают тепло, видят свет, но обратного быть не может. Выражением «рӯзи сериро надидан» автор ставит цель показать народ, который живет несчастливо, фраземой «рӯзи хуб надидан» – не видит ни одного светлого дня в своей жизни – показывает, как народ не видел достатка и благополучия. Создавая такую антонимию, автор не только выражает свою мысль, свою позицию, но и раскрывает состояние простого народа в этот период времени.

Необходимо отметить, что фразеологические антонимы намного отличаются от лексических антонимов. Во - первых, основополагающие компоненты фразем не всегда входят во взаимоотношительные отношения, общезнаменное значение согласуется с антонимическим значением. Во-вторых, фразеологические антонимы реже встречаются в языке, чем лексические антонимы. Но, несмотря на это, писатели стараются всесторонне употреблять такие фраземы, потому что они выражают

противопоставленные по смыслу мысли и помогают ярче воспроизвести и раскрыть характер человека, суть происходящего. А изменения, происходящие в антонимии фразем, свидетельствуют о том, что их лексический состав очень изменчив.

1.5. Фраземы как единицы постоянного контекста

В лингвистической литературе нередко можно встретить замечания о том, что реализация значения неоднозначного слова происходит в контексте. Сопоставляя употребление термина «контекст» у различных авторов, можно убедиться в том, что он обычно призван обозначать вообще условия употребления слов безотносительно к их природе и форме. В одних случаях «контекст» означает неопределённую словесную цепь, элементом которой является некое семантически реализуемое слово [7, с.27]; в других - реальную и конкретную обстановку речевого акта, определяющую данное значение слова или его логическую функцию; в третьих — внешние и отражающие их психологические связи признаков, служащие основой формирования понятия и выражающего его слова. В одних случаях контекст интересует исследователей как стимул для использования данного «речевого сигнала» в целях выражения данного обозначаемого, в других - как психологические условия, обеспечивающие понимание данного знака в данном его содержании.

Задачу описания контекста как совокупности «формально фиксированных условий, при которых однозначно выявляется содержание какой-либо языковой единицы» поставил в статье «О природе контекста» Г.В. Колшанский [63, с.46]. Однако в этой работе формальная характеристика контекста осталась незавершённой, ибо в ней не учитывается ни явление избыточности материального окружения слова, ни различия в типах указательного минимума и в формах речевой ситуации. Между тем, это необходимые условия для уточнения понятия контекста.

Исследовать роль и формы контекста можно только на материале определённого языка, воздерживаясь от слишком широких обобщений и механического распространения добытых выводов на другие языки. Дело в

том, что роль контекста в том или ином языке зависит от степени «автономии» слова в данном языке, обусловленной, в конечном счете, особенностями его грамматического строя и словарного состава. На зависимость роли контекста от общих свойств конкретного языка обратил внимание С. Ульман. Он отмечает, впрочем, только то, что сила контекста зависит от степени «автономности» слова в данном языке (напр., семантическая автономия французского слова не тождественна автономии немецкого или старофранцузского слова) [107, с.22].

К сожалению, он не только не анализирует внутренние основы этих различий, но даже прямо утверждает, что «точно определить эти различия трудно, так как мы имеем здесь дело с такими тонкими и невесомыми факторами, которые обычно не поддаются научному анализу» [107, с.23].

Между тем можно с уверенностью утверждать, что роль контекста для английского языка значительно выше, чем для многих других языков, и что этот факт имеет своё объяснение, которое следует искать, прежде всего, в характере английского грамматического строя.

Н. Н. Амосова выделяет, таким образом, **переменный контекст и постоянный контекст** [7, с.58]. Переменный контекст не является единственной минимально смыслообразующей комбинацией слов в связной речи. Значительную роль в речевой деятельности и в развитии лексического потенциала языка, по мнению автора, играют известным образом фиксированные соединения слов, в которых вариации компонентов в пределах одного и того же семантического результата вообще исключены или в определённых условиях максимально лимитированы.

Рассматривая такие словосочетания с точки зрения контекстологического анализа и учитывая их элементарное, непосредственно замечаемое отличие от единиц переменного контекста (неизменность, константность их лексического состава) мы, естественно, должны будем признать их единицами постоянного контекста.

Для того, чтобы постоянный контекст как особый вид контекста мог получить более уточнённую характеристику, в которой отразились бы все его существенные признаки, ибо константность состава есть лишь один из таких его признаков, необходимо проанализировать различные случаи взаимодействия слов, формирующих постоянный контекст.

Для теории фразеологии этот анализ представляется важнейшей и первичной задачей, поскольку, как будет показано далее, фраземы являются единицами постоянного контекста и, в первую очередь, именно этим отличаются от так называемых «свободных» сочетаний слов, представляющих единицы переменного контекста.

Если указательный минимум для данного значения семантически реализуемого слова всегда материально один и тот же, его природа оказывается иной по сравнению с природой переменного указательного минимума. В действие вступает, кроме семантики ключевого слова, ещё традиционная его избирательность [7, с.58-59].

Различие между переменным и единственно возможным указательным минимумом отнюдь не только количественное. Обусловленность значения семантически реализуемого слова единственно возможным материальным выражением контекстуального указания создает качественно особую, максимально тесную связь между обоими элементами контекста. Внутренняя семантическая связанность одного из них осложняется (а если говорить о внешней стороне явления, то подменяется) внешней связанностью с определённым предуказанным ключевым словом, в совокупности с которым семантически реализуемое слово начинает действовать как фиксированная языковая единица номинации.

Качественное различие между этими двумя типами контекстуальной связанности значения слова, а следовательно, и между типами самого контекста, требует и терминологической их дифференциации. Условимся называть значение семантически реализуемого слова, зависящее от постоянного, т.е. единственно возможного указательного минимума,

фразеологически связанным значением. Единица постоянного контекста, в котором значение семантически реализуемого слова является фразеологически связанным, **как раз и является фраземой** [7, с.59].

Тесная связь между компонентами фраземы, превращая её в закреплённую в языке единицу номинации, полный состав которой, как правило, необходим для её исполнения, создаёт особое своеобразие фраземы в плане содержания. Неразрывность связи компонентов постоянного контекста не может не влиять на структуру семантемы, выраженной единицей постоянного контекста.

Семантема эта закрепляется как единство, разлагаемое на фиксированные семантические единицы, но практически, т.е. в условиях реального функционирования, нечленимое. Эта практическая нечленимость семантемы, составляющей содержание фраземы, проявляется, прежде всего, в том, что фразема не имеет структурно-семантической модели или, точнее говоря, не представляет собой речевую конкретизацию языковой контекстуальной формулы, а выступает сама по себе как определённая, конкретная языковая единица. Поэтому во фраземе происходит известное сближение между сложной и вместе с тем членимой семантемой переменного словосочетания и простой семантемой отдельного слова, превращение словосочетания из единицы речи в единицу языка, в элемент его фразеологического фонда. Иными словами, в семантеме, выражаемой во фраземе, наблюдается тенденция к преобразованию из сложно членимой в сложно нечленимую.

Фраземы могут иметь различное строение и различный морфологический состав формирующего их контекста. Они могут иметь структуру атрибутивного сочетания с препозитивным определением в виде прилагательного (black frost [букв. чёрный мороз] в знач. «мороз без снега»; white day [букв. белый день] в знач. «счастливый день»):

It was a Sunday afternoon in March, a fine blue day, and I walked from Vincent Square through deserted streets [159, с.138-139].

Нисфирӯзии якшанбеи моҳи март буд, ҳаво софу безубор ва ман аз майдони Винсет ба воситаи кӯчаҳои бе одам қадам задам. (перевод наш)

Дело было в воскресенье днем, в марте, погода стояла прекрасная и я шёл туда пешком с Винсет-сквер по пустынным улицам.

His efforts at sociability were met with blank hostility [158, с.139].

Одамдӯстиаи танҳо сабаби муносибати хусуматомезона гардид. (перевод наш)

Его общительность вызвала к нему лишь враждебное отношение.

Early in December came a black frost, and navigation on the canal was suspended [160, с.87].

Дар аввали моҳи декабр хунукии қаҳратун омад ва киштигардӣ дар наҳр қатъ гардид. (перевод наш)

В начале декабря ударил сильный мороз, и судоходство по каналу прекратилось. (перевод наш)

Фраземы также могут быть в виде существительного в общем падеже (bank holiday - рӯзи иловагии истироҳат [букв.насыпной выходной день] в знач. «добавочный выходной день», pipe dream – орзуи беасос [букв.трубочная мечта] в знач. «беспочвенное мечтание») или в родительном падеже (husband's tea – чойи камранг [букв. чай мужа] в знач. «жидкий чай», dog's life – зиндагии сагона [букв. собачья жизнь] в знач. «тяжёлая жизнь»); в виде причастия (tied cottage – хонаи истиқоматӣ барои коргар [букв. поделенный домик] в знач. «казённый домик для рабочего»; sleeping partner – шарикӣ бепарво [букв. спящий партнёр] в знач. «партнёр, не участвующий в ведении дела»):

I never take tea with Emily if I can help it; hers is always husband's tea [155, с.15].

Ман аз рӯи имконият бо Эмили чой наменушам: доимо ба ҷои чой обро пешкаш менамояд. (перевод наш)

Я, по возможности, не пью чай у Эмили: всегда подаёт не чай, а водичку.

Pull yourself together, dear. If you let a man see he means all that to you, he 'll lead you a dog's life [156, с.34].

Худро ба даст гир, чонам. Агар мард фаҳмид, ки ту ўро хеле дўст медорӣ, ў ҳаётатро талх мекунад. (перевод информанта)

Возьми себя в руки, дорогая. Стоит только мужчине узнать , что ты его боготворишь, он превратит твою жизнь в ад.

Фраземы могут быть атрибутивными сочетаниями с постпозитивным предложным определением (frame of mind – кайфият [букв. строение ума] в знач. «умонастроение», «склад ума»; cap full of wind – шиддати бод [букв. полная шапка ветра] в знач. «лёгкий порыв ветра»):

A sit chanced on this occasion, Short... was in an exceedingly jovial frame of mind [160, с.55].

Ин лаҳза табъи Шорт хеле баланд буд (перевод наш).

На этот раз Шорт ... был в чрезвычайно хорошем расположении духа.

The suggestion sent a ray of hope in all their breasts , but I would have nothing to do with it [159, с.71].

Ин гуна пешниҳод дар равонаш шўълаи умедро чой намуд, вале ман онро қотеъона рад кардам. (перевод наш)

Такое предложение заронило луч надежды в их души, но я решительно отверг его.

The society of beach-combers always replays the small pains you need be at to enjoy it [162, с.169].

Чунин бекорҳўчаҳоро аз рӯи қоида барои дасгириашон қадр мекунанд (перевод наш).

Такие шалонаи, как правило, вознаграждают нас за мелкие моральные издержки, которые несёшь, общаясь с ними. (перевод наш)

One day they had a stroke of luck [152, с.175].

Боре бахт ба рўяшон тофт. (перевод информанта)

Однажды им сильно повезло. (перевод информанта)

Также фраземы в английском языке могут быть объектными глагольно-именными сочетаниями (to knit one's brows [букв.связывать брови] в знач. «хмурить брови», to weigh anchor [взвешивать якорь] в знач. «поднять якорь») и т.д.:

She had a bad memory for names, and it irritated her not to be able to think of them, so that she would pause in the middle of some story to rack her brains [163, с.145].

Ў хотираи бад дошт ва ин ўро озурда мекард: ў зуд-зуд дар байни сўҳбат истода, номи касеро ба хотир меовард. (перевод наш)

У нее была плохая память на имена, и это её раздражало: она часто отстранялась посреди разговора и мучилась, вспоминая какое-нибудь имя.

He had lost his balance so completely that she was prepared for any rashness [163, с.73].

Ў дигар худро дошта наметавонист ва духтар ба ҳар гуна амал омода буд. (перевод наш)

Он больше не владел собой, и она была готова к любой выходке. (перевод наш)

Распределение контекстуальных элементов во фраземе может быть различным. Семантически реализуемое слово может выполнять синтаксическую роль как ведущего, так и зависимого члена словосочетания.

Фраземы как единицы постоянного контекста не следует смешивать с теми "фразеологическими сочетаниями", которые академик В. В. Виноградов рассматривает как один из типов фразеологических единиц [32, с.159].

Поскольку "фразеологические сочетания" В. В. Виноградов определяет как такие словосочетания, связи одного из элементов которых замкнуты и ограничены, причём "для такого ограничения как будто нет оснований в логической или внешней природе самих обозначаемых предметов, действий и явлений" [32, 160], ясно, что эти словосочетания не соответствуют понятию единицы постоянного контекста как соединения определённо важным указательным минимумом. Признак постоянного контекста во

"фразеологических сочетаниях" В. В. Виноградова отсутствует, ибо указательный элемент в них допускает более или менее широкие вариации. Именно поэтому фраземы нельзя рассматривать как некую разновидность "фразеологических сочетаний", ибо эти последние вообще не являются единицами постоянного контекста.

Отделяя одну языковую единицу от другой или противопоставляя их друг другу, нельзя ограничиться выяснением языковой сущности одной из них, не определив языковую сущность другой. Поэтому следует определить контекстуальную природу и "фразеологических сочетаний"

Обращение к английскому языковому материалу вызвано тем, что **во-первых**, были анализировали именно английские фраземы и сопоставлять их необходимо с английскими же "фразеологическими сочетаниями"; **во-вторых**, потому, что концепция фразеологических сочетаний как подвида фразеологических единиц принята во всех отечественных исследованиях английской фразеологии.

Подходя к "фразеологическим сочетаниям" с мерилем контекстологического анализа, следует обратить внимание на их противоречивый, двойственный характер.

Как и единицы переменного контекста, они допускают вариации ключевых слов в пределах определённого указательного набора. Например, глагол to pay реализует значение "оказывать, осуществлять" при ключевых словах, обозначающих процесс или совокупность действий относительно другого лица, связанные с определёнными нормами общежития: to pay a visit, call homage, compliments, respect, deference, (one's) devoir, court, (one's) addresses (to smb.) – хурмат ба чо овардан [букв. платить визит, почтение, комплименты, уважение]. Ср. также: to pay attention – таваччўх кардан (heed) [букв. платить внимание].

Если бы круг этих ключевых слов включал в себя любое слово с указанным типовым значением, перед нами был бы обычный ряд переменных сочетаний. Но этого нет. Нельзя сказать to pay commemoration, seeing-off,

mourning, celebration, welcome, greetings, receptions и т.д. и т.п. Таким образом, здесь имеется ограничение указательного набора, идущее не по линии семантической, а по линии определённого стилистического узуса. Следовательно, налицо элемент языковой традиции, регулирующей реальную сочетаемость семантически реализуемого слова. Это свойство, напоминающее соответствующее свойство постоянного контекста.

Следовательно, с контекстологической точки зрения, значение семантически реализуемого слова не является в подобных случаях фразеологически связанным, поскольку указательный минимум, для него необходимый, не является постоянным. Но значение это нельзя признать и обычным лексически связанным, поскольку состав ключевых слов при нем лимитируется не особенностями их десигнатов, а определённой стилистической традицией. Наконец, некоторые из подобных сочетаний отличаются известной морфологической склонностью (например, to pay addresses, но не an address, и нек. др.). Морфологические ограничения в ключевых словах переменного контекста, если они и встречаются, бывают только грамматическими или семантическими факторами (например, принадлежностью слова к одному из семантико-грамматических подклассов). Формула таких сочетаний не допускает максимальной схематизации.

Получается некий переходный тип контекстуальной связанности значения, а следовательно, и особый, также переходный, тип контекста, так сказать «полупостоянный» контекст. Поскольку в таком контексте указательный минимум является ни "классически" переменным, ни, тем более, постоянным, а лишь традиционно (или узуально) лимитированным, этот переходный тип контекста можно терминологически обозначить как "узуально ограниченный" контекст, а значение семантически реализуемого слова, в него входящего, - узуально связанным значением.

Мы воздерживаемся от применения термина "фразеологические сочетания" по отношению как к фраземам, так и к единицам узуально ограниченного контекста по следующим соображениям. **Во-первых**, он не

представляется нам достаточно точным, ибо подходит по своему составу к любой разновидности фразеологических единиц (которые в конце концов все являются «сочетаниями» слов). **Во-вторых**, в общепринятом использовании термин этот не дифференцирует единицы постоянного и узуального ограниченного контекста. Нам же представляется существенной эта дифференциация, ибо между теми и другими пролегает граница фразеологического фонда языка. Единицы узуально ограниченного контекста, как упоминалось выше, имеют некоторые черты, отличающие их от переменного контекста, но не совпадают по своей характеристике с единицами постоянного контекста. Их можно назвать своего рода "фразеолоидами" [6, с.23].

Сочетания, представляющие собой единицы узуально ограниченного контекста, могут представлять ряды различного количественного состава, объём которых зависит от величины указательного набора к данному семантически реализуемому слову.

Так, например, сочетания *to break the news* – хабар расонидан [букв. разбивать новости] в знач. "сообщить новости", *to break the matter* [букв.разбивать дело] в знач. "сообщить о деле" (в трёхчленных конструкциях с предложным дополнением) составляют весь ряд с данным значением глагола *to break* "сообщить". Трёхэлементный ряд составляют сочетания *violent death*, *violent means*, *violent measures* - «насильственный», и т.д.

Единицы узуально ограниченного контекста стоят у границ фразеологического фонда языка и обнаруживают различную степень близости к нему. Чем более ограничена в них вариантность указательного минимума, тем эта степень близости к фраземам выше.

Сочетания эти, несомненно, связаны прямой связью с фраземами. Они, по-видимому, составляют один из тех источников, откуда берут своё начало фраземы. Фразема может возникать из этого источника тогда, когда способность данного семантически реализуемого слова в данном его значении к сочетанию с рядом слов по тем или иным причинам сокращаются до

единицы. С другой стороны, фраземы также, нужно думать, служат источником появления "фразеолоидов". Это происходит тогда, когда расширение сочетаемости семантически реализуемого слова в той или иной фраземе превращает эту последнюю в единицу узואально ограниченного контекста, а, может быть, с дальнейшим раздвижением пределов сочетаемости, - и в единицы переменного контекста (таков, вероятно, путь семантического развития многих слов). Из-за этого фраземы, действительно, обнаруживают известную "текучесть". Но текучесть эту не следует преувеличивать. В любом синхроническом срезе языка в нём можно найти значительное количество отстоявшихся фразем, многие из которых переходят из одного среза в другой, не меняя своего фразеологического качества.

Исходя из того положения, что релевантным признаком фразем, отделяющим их от единиц узואально ограниченного контекста, является материальная единичность указательного минимума, синонимические замены указательного минимума следует признать невозможными без разрушения данного постоянного контекста. Таким образом, сочетания типа *Dutch comfort* – *Dutch consolation* – тассалои нокифоя [букв.голландское утешение] в знач. "слабое утешение", *Canterbury tale* – *Canterbury story* [букв. кентерберийская история] в знач. "длинный и нудный рассказ", где ключевые слова являются синонимами, а также сочетания типа *city Arab* – *street Arab* – бачаи кўчагй [городской (уличный) араб] в знач. "уличный мальчишка"; *Sisyphian task* - *Sisyphian labour* – мехнати сизифй [букв. сизифов труд] в знач."сизифов труд"; *Cesarean operation* – *Cesarean section* – чоки қайсар [букв.операция Цезаря] в знач." кесарево сечение", где ключевые слова не синонимичны друг другу вне данной связи, представляют собой две синонимичные между собой единицы узואально ограниченного контекста. В них изменяемо ключевое слово, определяющее своим присутствием одно и то же значение семантически реализуемого слова, но изменяемость его узואально ограничена. В обычном, не синонимическом ряду «фразеолоидов» наблюдается такое же положение с той

разницей, что содержание каждого из сочетаний, входящих в этот ряд, не повторяет содержание других сочетаний.

Отметим это контекстуальное различие. При вариантности ключевого слова и константности значения одного и того же семантически реализуемого слова получаем синонимические единицы узואльно ограниченного контекста. При вариантности семантически реализуемых слов, выражающих одно и то же значение, и константности ключевого слова, получаем синонимические фраземы. Ни в одном из таких случаев нет оснований считать упомянутые вариации «лексическими структурными вариантами» одной и той же единицы контекста [6, с.46], если один из опорных элементов контекста оказывается совершенно изменённым.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Структурно-семантические особенности фразем в сопоставляемых языках

2.1. К вопросу о соответствии слова, предложения и фраземы с учётом переходности значения

Проблема соотношения слова и фраземы неоднократно исследовалась в научной литературе и по сей день остается предметом лингвистических исследований. Дело в том, что фраземы в течение многих лет анализировались как единицы лексического уровня языка, и сравнительно недавно фразеология превратилась в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Эта отнесённость была обусловлена тем, что фраземы имеют такие общие признаки со словом как воспроизводимость, целостность значения, идиоматичность, устойчивость состава и структуры, непроницаемость, способность служить основой для образования новых слов, выполнять синтаксическую функцию, обладать морфологическими признаками, обозначать явления объективной действительности, которые связаны с различными видами деятельности человека.

Эти особенности послужили возникновению теории полной эквивалентности фраземы слову, которое стало основной причиной непризнания фразеологического значения как лингвистической категории некоторыми учёными в своё время. Сейчас это теория не находит своего подтверждения. Указанные выше признаки истинно присущи для фразем и слов, но в семантике всего оборота все они выражаются своеобразно. Достаточное количество работ указывают на отличие рассматриваемых языковых единиц друг от друга.

Многие учёные вслед за В. Л. Архангельским и А. В. Куниным считают фразеологическое значение особой категорией. Специфика фразеологического значения выявляется в сравнении со значением лексической единицы. Учёные выставляют семантическое преобразование,

целостное лексическое значение, внутреннюю форму, лексическую неделимость, образную мотивированность, экспрессивность как основные признаки, отличающих фразему от слова.

Явное преобладание в русском языке фразеологических оборотов, которые не имеют соответствий в системе слов, являются главным опровержением теории эквивалентности фраземы слову. Такое же явление встречается и в других языках. Например, А.Г.Назарян указывает, что у большинства фразеологизмов современного французского языка нет лексических синонимов, их значение можно передать только с помощью словосочетания или предложения [92, с.45]. Автор подсчитал, что из 22 851 фразеологической единицы французского языка только 2 867 имеют соответствия в системе слов [92, с.47].

А. В. Кунин утверждает, что подобные явления встречаются и в английском языке. Он отмечает, что большинство фразеологических оборотов, формулируя отношение к референту, является его единственным названием [67, с.9].

Аналогичное исследование на материале русского языка не проводилось, хотя многообразие его фразеологического состава для этого имеет очень хорошую почву. Исследуя данную теорию, мы выявили, что большинство фразеологических единиц с ключевым именем существительным в составе не имеет слов-идентификаторов. Интересным стало не только наличие указанной группы ФЕ во фразеологическом составе русского языка, но и рассмотрение её специфических черт. Наблюдая отсутствие слова-идентификатора у фразеологизма в языке, нами было обращено внимание на совершенно иную, присущую только фразеологическим единицам природу, которая обнаруживается, прежде всего, в их семантике.

Необходимо отметить, что к проблеме фразеологической семантики можно отнести многие вопросы. Например, особенности фразеологического значения фраземы по сравнению со значением слова, словосочетания и

предложения, семантическая структура, образность, внутренняя форма, деривационные особенности, идиоматичность и другие можно отнести к данной проблематике. Но следует помнить что полное игнорирование наличия некоторых общих черт у анализируемых языковых единиц считается неправильной. Например, описание значения фраземы, которое напоминает перечисление признаков реалий в словарной дефиниции является одной из этих черт.

Те признаки, которые представляют специфику фразеологического значения по сравнению со словом не считаются отличительными особенностями фразем. Среди них деривационное значение фразем, образность, экспрессивность фразем, усиление семы «интенсивность», доминирование характеризующей функции значения фразем над номинативной, деривационное значение фразем, опосредованность связи значения фразем с обозначаемыми реалиями, отличие смысловой структуры многозначного фразеологизма от смысловой структуры многозначного слова, более ограниченная сочетательная способность фразеологического значения. Рассмотрим некоторые из этих особенностей.

Многие исследователи часто отмечали ведущую роль коннотативного компонента во фразеологическом значении фраземы, а следовательно, и её экспрессивность. Но многие исследования проводились на фразеологических оборотах с ярко выраженным образно-мотивированным значением. В этом случае спрашивается, как быть с фраземами, у которых фразеологический образ целиком или частично утрачен? Нужно отметить, в значении фраземы такого типа коннотативный компонент гораздо слабее, чем денотативный и сигнификативный: *бевазани зиндачудо* - *grass widow* - *соломенная вдова*, *тўи алмосӣ* - *diamond wedding* - *бриллиантовая свадьба* и др. Наряду с этим в лексической системе существуют и слова, в значении которых коннотативный компонент играет ведущую роль.

Очевидно, что сема «интенсивность» усилена в значении многих фразеологических единиц: *одами беҳолиуда* - *a squeezed lemon/ a squeezed*

orange - выжатый лимон - «очень уставший», *хонабардӯш* - *neither house nor home* - ни кола ни двора -, «очень бедный»; *байни ҳаёту мамот* - *between life and death/within an inch of death* - между жизнью и смертью – «в очень опасной ситуации». Но есть и такие обороты, у которых наблюдается отсутствие этой семы: *машқи қаламкашӣ*, *асари нахустин* - *literary debut/the first fruits of one's pen* - проба пера – «первый литературный опыт», *софдилона, безаразона* - *for the love of the thing/it* - из к любви к искусству – «из любви к самому процессу дела, не с корыстной целью», *дасти сабук* - *one brings luck* - лёгкая рука «о человеке, приносящем счастье, удачу». Надо сказать, что усиление семы «интенсивность» случается и в значении многих слов: *избить*, *разодрать*, *громадный* и др.

Характеризующие и оценочные функции преобладают в значении фразем и это действительно очевидно, но надо принимать во внимание тот факт, что существуют обороты с ведущей номинативной и терминологической функциями: *панири мулоим* - *processed cheese* - плавленый сыр, *шароби сафед* - *white wine* - белое вино; *гули одамрӯ*, *бунафшаи фарангӣ* - *ransy* - анютины глазки, *флоти ҳавоӣ* - *air force* - воздушный флот, *ҷароҳати кушод* - *open wound* - открытая рана; *қафаси сина* - *chest* - грудная клетка; *секунҷаи баробарнаҳлӯ* – *isosceles triangle* - равнобедренный треугольник и др.

Деривационное значение не является отличительным признаком фразеологического значения, так как в семантике некоторых ФЕ данный признак может отсутствовать: *шахси баландмақом* - *bird flying high*; *big number (shot)* - птица высокого полёта; *шахси одӣ* - *bird flying low* - низкого полёта; *баҳодури бебоку пок* - *knight without fear or reproach*; *knight without fear and without blemish* – рыцарь без страха и упрёка; *ҷавонмарди маҳзуннамо* - *the Knight of the rueful (dismal, woeful) countenance* - рыцарь печального образа, *нули мутлақ* - *a mere cipher; nothing but a cipher; a complete nullity; an abbreviated piece of nothing* – ноль (абсолютный), без палочки.

Остальные вышеперечисленные особенности также не являются главными составляющими специфики значения фразем. Фраземы никогда не

имеют прямого значения, они всегда создаются на базе уже действующих в языке слов, что указывает на опосредованность связи значения фразем с обозначаемыми реалиями.

Однако все семантически производные значения слов обладают данной особенностью. Обычно, фразеосемантические варианты равноценны, в то время как лексико-семантические находятся в отношениях детерминации. Но есть и исключения из правил: многозначных словообразовательных производных слов можно отнести к равноценным лексико-семантическим вариантам. Хотя фразеологизмы по сравнению со словом имеют ограниченную сочетательную способность, в обеих системах могут быть обнаружены разные единицы.

Например, одинаковые сочетательные возможности имеют фразема *шахси гўшаи вазнин*; - *hard of hearing* - *тугой на ухо* и ЛЕ *марди кар*, - *hard-of-hearing* - *тугоухий*, фразема *чинси мардона* - *male мужской пол* и ЛЕ *мардон – теи* - *мужчины* и др. На первый взгляд кажется, что все специфические особенности фразеологического значения перечислены, но более детально исследуя данную проблему мы можем приобрести не только новые знания, но и выявить новые противоречия. Из за недостатка информации мы вновь погружаемся в тайные глубины особенности значения фразеологических оборотов. Хотя, по перечисленным признакам нельзя полностью представить особенность значения фразем исследуемой группы, их важность не следует недооценивать. При комплексном подходе к рассмотрению фразем и слов, что означает анализ не только семантических, но и культурологических, а также прагматических особенностей фраземы, не имеющих соответствий в системе слов, можно решить многие вопросы, связанные с данной проблемой.

Прежде чем решить проблему проявления экстралингвистических факторов в семантике фразем исследуемой группы, следует обратить внимание на классификацию фразеологических единиц и парадигматических отношениях в их системе.

В значении денотативных макрокомпонентов фраземы *худаиш шоҳу табъаиш вазир* - *one's own master (mistress); free as a bird; fancy free; free lance* - *вольный казак* и свободного словосочетания *свободный человек* выделяются одинаковые семы «характеристика человека», «независимость», «свобода». В семантике фраземы *в близких отношениях* и словосочетания *в любовной связи* тоже можно выделить одинаковые семы: «личная жизнь человека», «межличностные отношения», «любовная связь». Семантически тождественными единицами являются фразема *одами риёкори дурӯя* - *two-faced (double-faced) Janus; hypocrite; double-dealer* - *двуликий Янус* и словосочетание *шахси мунофиқ* – *two-faced; double-dealing* - *двуличный человек*. У них в значении выделяется родосема «характеристика человека», видосема «нравственные качества человека» и субстанционная сема «обман, лицемерие».

Вышеуказанные признаки обуславливают максимальную степень сопоставимости фразем анализируемого типа со словосочетанием. Однако рассматриваемые фраземы заметно отличаются от свободных словосочетаний. По признаку образности анализируемые единицы отдаляются друг от друга.

Например, в первичном денотате фразема *золотое дно* - «неисчерпаемый источник дохода» - компонент *золотое* несёт в себе информацию о том, что дно сделано из золота.

Актуализации информации происходит при экстралингвистической компетенция носителей языка, то есть, всё что изготовленно из золотого металла, стоит очень дорого, а следовательно, может принести большой доход. Информация в главной части значения первичного денотата приведённой ФЕ, полностью отражается в ядре значения денотативного компонента значения фраземы.

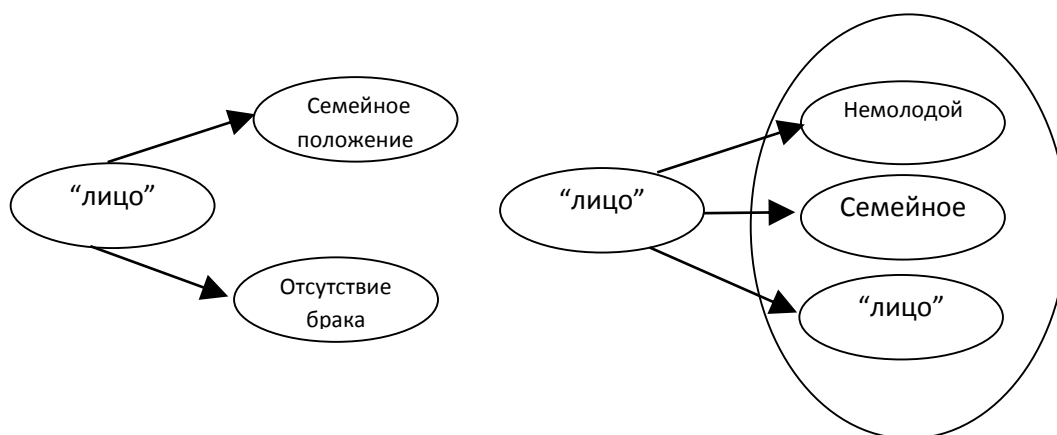
Лексическая единица *золотое* актуализирует периферийную сему «богатства», «большой доход», а ЛЕ *дно* – периферийную сему «глубина», сему интенсивности «неисчерпаемый».

К фраземам, сопоставимым по семантике со словосочетаниями у которых на глубинном уровне представлено три признака, относятся следующие фраземы: *дастони тилло – gold hands*(золотые руки) - «человек, очень искусный в своём деле»; *одами беҳолшуда - a squeezed lemon; a squeezed orange* - *выжатый лимон* - «очень уставший», *духтари нир - spinster, old maid* - *старая дева* - «немолодая женщина, не бывшая замужем», *эркадухтар - namby-ramby miss; bread-and-butter miss* - *кисейная барышня* - «изнеженный, не приспособленный к жизни человек»; *тўйи тиллоӣ - golden anniversary* - *золотая свадьба* «пятидесятилетний юбилей бракосочетания»; *рыцарь на час* - «человек, живущий благородными порывами, но не способный к длительной борьбе»; *чўйҳои ширу шарбат - rivers flowing with milk between banks of fruit jelly/a land flowing with milk and honey* - *молочные реки и кисельные берега* - «привольная, обеспеченная жизнь» и др.

Исследуя состав фразем по их категориальным семам и особенностям денотативного макрокомпонента, проанализируем, в чём заключается отличие указанного типа от словосочетаний.

Анализ приведённых фразем позволил выделить в их значении следующие категориальные семы: «феномен» (лицо, объект, явления, событие) + «признак» + «характеристика феномена» (*золотая свадьба, серебряная свадьба*); «феномен» + «признак»+ «признак» (*рыцарь на час, бездонная бочка*); «феномен» + «признак» + «степень проявления признака» (*коломенская верста, выжатый лимон*). В значении фраземы *старая дева*, входящей в группу «Личная жизнь человека», можно выделить такие семы, как «человек», «немолодой возраст», «семейное положение», «отсутствие брака». Компонентный состав отличает указанный оборот от словосочетания *незамужняя женщина*, в семантике которого представлены только три семы: «человек», «семейное положение» и «отсутствие брака»:

словосочетание *зани бешавҳар (незамужняя женщина)* фразема *духтари нир (старая дева)*

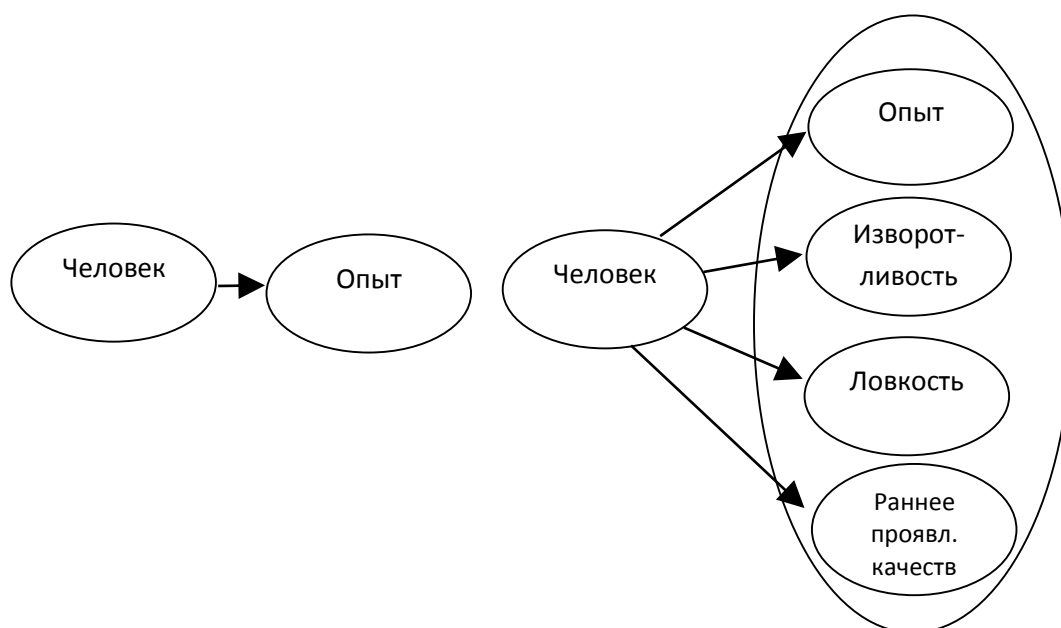

В значении фраземы *гул накарда гўра шудааст* - *he's beginning early* - *из молодых да ранний*, которая обозначает «не по годам опытного, изворотливого, ловкого человека, рано проявившего себя в чём-либо, часто с отрицательной стороны», представлены семы «характеристика человека», «опыт», «изворотливость», «ловкость», «раннее проявление качеств». Определим по составу денотативных сем степень сходства значений приведённой фраземы и словосочетания *шахси ботаҷриба* – *skilled person* (*гурги борондида*). Заметим, что значение фраземы включает признаки не только «опытный», но и «изворотливый», а словосочетание - только «опытный».

Свободное словосочетание в отличие от фразем характеризует человека, который обладает определённым количеством накопленных с годами знаний и умений. Это отражается и на компонентном составе словосочетания, в значении которого представлена только одна денотативная сема – «жизненный опыт».

Кроме того, если в значении словосочетания *опытный человек* актуализируется сема «положительная оценка», то в значении фраземы *из молодых да ранний* возможна актуализация как положительной, так и отрицательной оценки – в зависимости от контекста. Обратим внимание на тот факт, что состав родосем и видосем у приведённых единиц сходны: «характеристика человека», «жизненный опыт человека». Изложенные наблюдения схематически можно представить следующим образом:

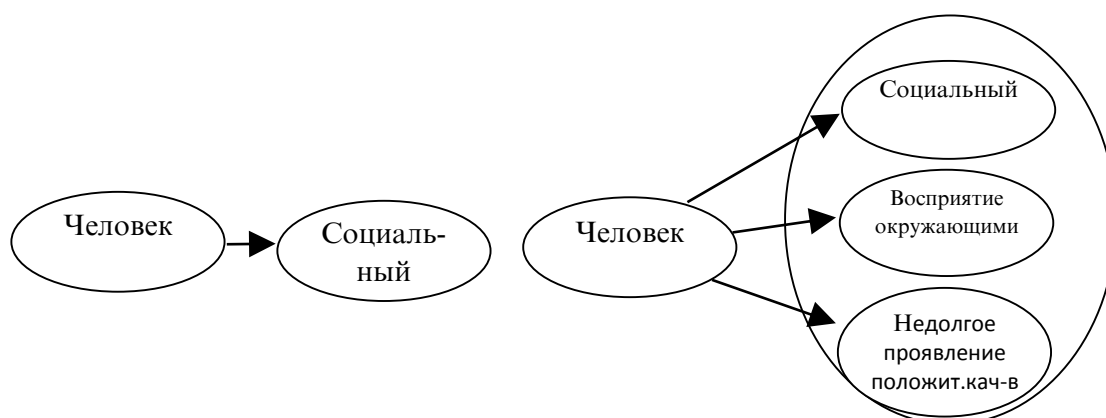
словосочетание *шахси ботаџриба* (опытный человек) фразема *гул накарда ѓџра шудааст* - *he's beginning early* (из молодых да ранний)

Разный макрокомпонентный состав отдаляет значение фраземы *чизи бебаџо, нопойдор* - *pipe-dream; castle in the air* (мыльный пузырь), входящей в группу фразем «Человек по его восприятию окружающими», от словосочетания «посредственный человек», которое употребляется для характеристики человека, ничем не выделяющегося в социальном плане, Приведённая фразема также относится к фраземам, у которых на глубинном уровне можно выделить три признака: «человек, производивший самое хорошее впечатление и оказавшийся ничем собой не представляющим». В значении приведённого оборота выделяются такие семы, как: «человек», «социальный статус», «восприятие окружающими», «недолговечность проявления положительных качеств», в семантике анализируемого словосочетания – «человек», «социальный статус».

К тому же отрицательная оценка во фраземе выражена более ярко, чем в свободном словосочетании. Если в семантике словосочетания *шахси одї* (посредственный человек) актуализируется отрицательная только

рациональная оценка, то в значении фраземы и рациональная, и эмоциональная. Представим изложенные наблюдения схематически:

Большую роль в информировании значения денотативного(далее Д) макрокомпонента фразем исследуемого типа играет образ первичного денотата.

Фраземы, сопоставимые со сложными словосочетаниями, на глубинном уровне которых выделяются три типа, характеризуются средней степенью сходства со словосочетанием, Как показало исследование, фраземы данного типа отличаются от словосочетаний, кроме образности, создаваемой первичным денотатом, разным составом категориальных сем и особенностями Д макрокомпонента.

Среди фразем, не имеющих соответствий в системе слов, особое место занимают обороты, сопоставимые по семантике со сложными словосочетаниями с большим количеством компонентов. К фраземам указанного типа мы относим словосочетания, у которых на глубинном уровне можно выделить четыре и более признаков.

В анализируемую группу входят такие фраземы, как: *гармои тирамоҳ - Indian summer (бабье лето)* , «ясные тёплые дни ранней осени», *ҷавони дубора - second youth (вторая молодость)* - «новый прилив физических и духовных сил в зрелом, пожилом возрасте»; *моҳи асал – honeymoon (медовый месяц)* «начальная, наиболее счастливая пора супружеской жизни», *оташи Прометей - Promethean fire - прометеев огонь* «неугасающее стремление к

достижению высоких, благородных целей», *меҳмони нохонда - the invasion of Mamay; a dense crowd of unexpected guests, customers - мамоево нашествие* - «неожиданное появление многочисленных и неприятных гостей, посетителей», *сахтгурӯи аз ҳад зиёд - the massacre (slaughter) of the innocents, i.e. severe treatment or persecution of the defenceless* – *избиение младенцев* - «жестокая, массовая расправа над беззащитными людьми» и др. Отличительной особенностью фразем анализируемого типа является то, что они по своему значению напоминают детализированную ситуацию и не поддаются классификации. Кроме того, следует обратить особое внимание на сложный состав сем макрокомпонента и состав категориальных сем, которые представляют разностороннюю характеристику реалий.

Например, значение фраземы *қассобхонаи Санкт-Барталмо - the massacre of St. Bartholomew - Варфоломеевская ночь* - «жестокое избиение беззащитных людей» представлено следующим категориальным семантимом: «реалия» + «признак» + «объект» + «характеристика объекта». В семантике приведённого оборота представленные категориальные семы соответствуют следующим признакам глубинного уровня: «реалия» - «избиение», «признак» - «жестокое», «объект» - «люди», «характеристика объекта» - «беззащитные».

Широкий объём значения фразем исследуемого типа обусловлен также сложным составом сем макрокомпонента. Например, в значении фраземы *барги авратнӯи - fig leaf (фиговый листок)*, которая обозначает «лицемерную маскировку подлинных намерений, обычно нечестных», выделяются семы: «поведение человека», «качества, характеризующие поведение человека», «лицемерие», «неискренность чувств», «отрицательная эмоциональная оценка».

В семантике фраземы *моҳи асал - honey moon - медовый месяц* - представлены такие семы, как: «период времени в жизни человека», «личная жизнь человека», «кратковременность проявления признака». Обратим внимание на тот факт, что значение анализируемых фразем напоминает перечисление признаков в словарной дефиниции. Данная особенность

сближает обороты исследуемого типа с лексическими единицами, но макрокомпонентный состав отдаляет значение фраземы от словарного. Возьмём для сравнения ЛЕ *стремление* - «желание достигнуть чего-либо» и фразему *прометеев огонь* - «неугасающее стремление к достижению высоких благородных целей». Если в значении фраземы выделяются семы «стремление», «благородство цели», «долговечность проявления признака», сема «интенсивность», то в семантике ЛЕ только несколько – «желание» и «достижение».

Большую роль в формировании структуры значения фразем исследуемого типа играет образность, создаваемая первичным денотатом.

Для фразем, сопоставимых по семантике со сложными словосочетаниями, у которых на глубинном уровне можно выделить четыре и более признаков, характерна наименьшая степень сходства со словосочетанием. Дефиниция фразеологических оборотов данного типа напоминает дефиницию слов, в которых перечисляются признаки денотата.

Словосочетание как строевая единица предложения с чётко выраженными связями компонентов в данном случае заменяется описанием реалии с перечислением признаков. Но подчеркнём, что лексических единиц, номинирующих ту же реалию в языке, не представлено. Таким образом, исследуемый тип фраземы отличается от свободных словосочетаний не только образностью первичного денотата, разным составом категориальных сем, особенностями макрокомпонента, но и тем, что детализирует ситуацию.

Специфика значений фразем исследуемой группы состоит в том, что фраземы, в отличие от свободных словосочетаний, обозначают гораздо большее количество сходных или смежных признаков .

Среди фразем, не имеющих соответствий в системе слов, выявлены обороты, сопоставимые по семантике с предложением. К ним относятся следующие фраземы: *қалами тез - a lively pen (a facile pen)*, (*бойкое перо*), (кто-либо с лёгкостью пишет, сочиняет); *гайка слаба, кишка тонка* (не хватает сил, способностей, чтобы сделать что-либо); *аз вай парахае намепарад - you won't*

get anything out of him (her, them); you can't expect anything from him (her, them); nothing can be got out of him (her, them); you can't draw blood out of a stone - *взятки гладки (ничего не получишь, не добьёшься), одами сергавго, арақхури гузаро - smb. drinks like a fish (like a lord) - лужёная глотка (кто-либо обладает способностью много и часто пить, не пьянея, или долго, громко петь, кричать);* *дидаи пурнам - smb. is tearful; smb.'s eyes have the tap on; smb. is a cry baby -* *глаза на мокром месте (кто-либо часто плачет, склонен плакать);* *ахвол чатоқ, кор хурчин - all is lost; it's all up with smb.; things look bad (are rotten); it's a bad lookout; smb. has had it; smb.'s goose is cooked; smb. is in a bad hole - дело табак (чьё-либо положение, дела очень плохи), кор панч, кор ба чо - and the trick is done; and the job (the thing) is in the bag; it is as good as done - дело в шляпе (всё хорошо, всё в порядке; об успешном завершении, исходе чего-либо).*

ҳардамхаёл - smb. is always chopping and changing; smb. has two minds; smb. is as changeable as a weathercock (a shuttlecock); smb. never knows what he wants from one minute to the next – семь пятниц на неделе (кто-либо часто, легко меняет свои решения, настроения), ин ба ман дахл надорад, ин кори ман не - I have nothing to do with it; that is nothing to do with me; it's no business (concern) of mine; leave me out of this, it isn't my pigeon (my headache) – моя хата с краю, моё дело сторона (меня совершенно не касается, ко мне не имеет никакого отношения), ин кори ман – it is my problem, I am responsible for it – моё дело маленькое (меня менее всего касается, ко мне не имеет прямого отношения), вай маззаро медонад - smb. knows a good thing when he sees it; smb. knows what's good for him; smb. knows what is what; smb. knows what he is about; smb. is no fool when it comes to his belly; he knows on which side his bread is buttered – губа не дура (кто-либо имеет неплохой вкус, умеет выбрать самое лучшее).

Поскольку рассматриваемые фраземы соотносятся по семантике с предложением, считаем важным обратиться к понятийному аппарату, который используется при анализе предложений, и введём в научный оборот нашего исследования термин «прессуппозиция». Данный термин трактуется в науке

по-разному. Так, по мнению Н.Д.Арутюновой, пресуппозиция – это «фонд общих знаний собеседников», «их предварительный договор» [18, с.85].

Дж. Лакофф понимает под пресуппозицией представление говорящих о естественной связи между событиями. В концепции Э. Кеенана «пресуппозиции – это условия, которым должен отвечать мир для того, чтобы высказывание могло быть воспринято в его прямом смысле».

В данной работе термин «пресуппозиция» употребляется в той интерпретации, которая представлена в концепции Н.Д.Арутюновой, но в проекции на фразеологию. **Под пресуппозицией** значения фразем будем понимать совокупность информации, представленной в первичном денотате фразеологизма, которая помогает понять соотнесённость фразем со вторичным денотатом.

Например, в пресуппозиции фразема *дидаи пурнам - smb. is tearful; smb.'s eyes have the tap on; smb. is a cry baby - глаза на мокром месте* компонент *на мокром месте* ассоциируется со слезами, что объясняет семантику анализируемого оборота – «кто-либо часто плачет, склонен плакать». Информация, представленная в пресуппозиции фраземы *қалами тез - lively pen - бойкое перо* – «живость, быстрота», «связь с процессом письма», помогает нам понять значение оборота – «кто-либо с лёгкостью пишет, сочиняет».

Вопрос о категориально-грамматической отнесённости является актуальным и анализировался в лингвистической литературе неоднократно. Так, В.П. Жуков утверждал, что все фразеологические единицы с точки зрения соотнесённости с частями речи можно разделить на две категории. По мнению учёного, в одну группу входят «обороты, категориальные свойства которых определяются относительно свободно», а в другую – «совмещающие категориальные признаки нескольких частей речи и обладающие нередко на этой основе размытостью категориальных границ» [56, с.204]. Категориально-грамматическая отнесённость фразем первой группы, состоящей из фразеологизмов, которые имеют соответствия в системе слов, определяется

легко. Особый интерес представляет вторая группа фразем, в состав которой входят обороты, не имеющие соответствий в системе слов. Возникает вопрос, к какой части речи следует отнести фраземы названной группы? От чего зависит их категорально-грамматическая отнесённость? Как определить её? Изучение данных вопросов необходимо для того, чтобы установить статус фразем, определить их место в системе языка.

Фразеологические обороты анализируемой группы не могут быть истолкованы одним словом – для их определения необходимо словосочетание. Анализ показал, что специфика категорально грамматической отнесённости фразем, не имеющих соответствий в системе слов, зависит от следующих факторов: типа признака, номинированного оборотом; степени целостности значения и сем, эксплицирующихся в словарном определении.

В группе фразем, которые соотносятся со словосочетанием, выделяются обороты, обозначающие чёткие и нечёткие признаки. Чётким соответствующий признак можно назвать потому, что он может быть номинирован одним словом. Например, фразема *марди зариф - effete man* – изнеженный человек, *марди дуруя - double-faced man* – двуличный человек и др. обозначают чёткий признак. Для истолкования значений фразем, обозначающих нечёткий признак, необходимо развёрнутое описание. Например, *ариаднина нить* (то, что помогает найти выход из затруднительного положения), *прометеев огонь* (неугасающее стремление к достижению высоких, благородных целей) и др.

В толковании значений оборотов, номинирующих чёткий признак, совмещены признаки двух частей речи: они обозначают одновременно и предмет, и признак. Фраземы такого типа по грамматически ключевому слову относятся к одной части речи, а по превалирующей семантике – к другой. Так, по грамматически ключевому слову фразема *эркадухтар (кисейная барышня)* относится к субстантивным фраземам.

Фактором переходности фразем анализируемого типа является и степень целостности значения. Несмотря на то, что рассматриваемые обороты

по типу представляемой информации соотносятся со словосочетанием, целостность их значений в той или иной мере сохраняется: они имеют либо абсолютно целостное значение, либо относительно целостное [12, с.7]. Например, среди фразем с чётким признаком относительно целостное значение имеют фраземы *рыцарь без страха и упрёка, стреляный воробей, кисейная барышня*, в которых предидирующая часть связана хотя бы с одним из компонентов: *тачрибадор, кордида – experienced - стреляный – бывалый, рыцарь, барышня – человек*. Абсолютно целостное значение имеют такие фраземы, как *седьмая вода на киселе* (очень дальний родственник). У фразем указанного типа семы предидирующей части соотносятся не с отдельными компонентами, а с оборотом в целом. Относительно целостное значение сближает фраземы исследуемой группы со словосочетанием, а абсолютно целостное – со словом.

Представленные наблюдения позволяют сделать вывод, что для фразем с чётким признаком характерна категориально-грамматическая переходность, которая обусловлена как степенью целостности значения, так и наличием субстантивных и адъективных сем в грамматическом макрокомпоненте значений фразем. Назовём фраземы рассматриваемого типа субстантивно-адъективными с равномерной выраженностью субстантивной и адъективной семантики.

Фраземы *овораи ду чахон - the lost (stray) sheep (lamb) - (заблудшая овца); хоби нисфирӯзи - (мёртвый час); чоҳи бемаг - a bottomless pit (бездонная бочка)* и др. обозначают размытый, нечёткий признак, так как для его идентификации требуется развёрнутое описание «сбившийся с правильного жизненного пути», «время послеобеденного отдыха в больницах», «который может много выпить, не пьянея».

Расплывчатость признака, представленного в предидирующей части фразем исследуемой группы, делает невозможным его определение одним словом, и его дефиниция напоминает перечисление признаков. Фраземы анализируемого типа приближаются по семантике к слову.

Но относительная степень целостности значения отдаляет приведённые фраземы от слов. Например, пресуппозицию значения фраземы *зablудшая овца* составляют семы образности, свойственные словосочетанию в целом. Из сем предидирующей части некоторые связаны с компонентом фраземы. Так, если сема «сбившийся» частично связана с компонентом «зablудшая», то компонент «овца» составляет приращение смысла всего сочетания. Назовём фраземы указанного типа субстантивными с элементами адъективной семантики.

Категориально-грамматическая переходность фразем субстантивно-адъективной выраженностью субстантивной и адъективной семантики и субстантивных с элементами адъективной семантики отражается и на их синтаксических особенностях: **во-первых**, сужается круг синтаксических функций, обусловленных семантикой грамматически ключевого слова; **во-вторых**, фраземы приобретают способность к выполнению функций, обусловленных общекатегориальной семой.

Так, для фразем рассматриваемых типов, как правило, характерно то, что они вообще не могут выполнять функцию подлежащего, или выступают в качестве подлежащего только при наличии местоимений «этот, эти, тот, такой» [95, с.244]:

*Что делать, Вася! Сын **отрезанный ломоть**. Он что сокол: захотел-прилетел, захотел – улетел. (149, с.2)*

Чй баяд кард Вася! Фарзанди аз оилаи надару модар чудошуда мисли шоҳин аст: хоҳад мепарад, хоҳад менишинад. (перевод наш)

What should we do, Vasya! A son is cut off from the parents stem, strayed from the family. He is a falcon: if he wants he will fly back, if he wants he will fly away. (перевод информанта)

*Ну, хорошо! Давайте забудем этот **больной вопрос**. Пусть всё будет, как раньше! (146, с.32).*

Канй, хеле хуб! Биёед ин масъалаи дандонишканро фаромӯш мекунем. Бигзор чй тавре ки қаблан буд, ҳамон тавр боқй монад! (перевод наш)

Well! Let's leave this sore subject. Let it will be as it was early! (перевод наш)

С другой стороны, фраземы, подобные приведённым, часто выполняют функцию именной части сказуемого или определения;

*Всем давно хорошо известно, что наш заведующий **шишка на ровном месте** (150, с.8).*

Ба ҳама кайҳо боз маълум аст, ки роҳбари шўъбаи мо он қадар шахси доно нест. (перевод наш)

It is known to everybody that our head of department is not a very big bug. (перевод наш)

*Я не думаю, что стоит остерегаться его, **шишку на ровном месте** .*

Ман фикр намекунам, ки аз ӯ бояд эҳтиёт шуд, зеро ӯ он қадар шахси доно нест.

I don't think to be careful of him, because he is not so clever. (перевод информанта)

Но среди оборотов анализируемого типа выделяются и такие, которые могут употребляться в роли подлежащего: *соати фароғат - rest-hour - мёртвый час* (время послеобеденного отдыха в больницах, санаториях); *медовый месяц* (начальная, наиболее счастливая пора супружеской жизни); *гусиные лапки* (веерообразно расположенные морщинки около наружного угла глаз) и др.

Например:

*Послеобеденный **мёртвый час** в больнице подходит к концу. Медсёстры разносят лекарства (Огонёк 7, 1999).*

Вақти истироҳати пасазнисфирӯзӣ дар беморхона ба охир мерасад. Ҳамишираҳои тиббӣ барои беморон дору меоранд.

*After-dinner **quiet time** in hospital comes to an end. Nurses carry medicines. (перевод наш)*

*Как только закончился **медовый месяц**, который молодожёны провели в Крыму, свёкор устроил Анфису в поликлинику .*

Ҳамин ки моҳи асал, ки онро навхонадорон дар Қрим гузарониданд, ба охир расид, хусур Анфисаро дар муолиҷахона (поликлиника) ба кор монд.

*As soon as **the honeymoon** which new-married couple has spent in Crimea ended, the father-in-law has arranged Anfice in a polyclinic. (перевод информанта)*

Андрей обратил внимание на то, что, Светлана сильно постарела: около глаз появились **гусиные лапки**, весь лоб и шея были в мелких морщинах (Имидж 5, 2000).

Андрей ба он таваччӯҳ намуд, ки Светлана бисёр тир шудааст: дар кунҷи чашимон ожанг пайдо шудааст, тамоми пешонӣ ва гардан пурчин гардидаанд.

*Andrey has paid attention that Svetlana has strongly grown old: in the corner of her eyes there were **the goose pads**, all forehead and a neck were in small wrinkles. (перевод наш)*

От чего же зависит возможность выполнения синтаксических функций подлежащего оборотами анализируемого типа? Для ответа на этот вопрос сравним рассматриваемые единицы с фразеологизмами, которые не могут выполнять функцию подлежащего, по таким признакам, как состав сем коннотативного макрокомпонента, функция и место языковой картины мира.

Анализ места в языковой картине мира показал, что приведённые обороты выполняют одну и ту же функцию: называют признаки (*гусиные лапки, подводные камни и др.*) или период времени (*медовый месяц, мёртвый час и др.*).

Для сравнения конотативных сем рассмотрим фразему *масъалаи дандоншикан* - *sore subject; burning question (issue)* (*больной вопрос*) (назревшая, но трудная для разрешения проблема); *хатарӣ нӯшида* - *hidden rocks (reef); snag* (*монсаи ноаён - подводные камни*) (скрытые опасности, затруднения). В семантике оборота *масъалаи дандоншикан* - *больной вопрос* представлены такие семы, как «деятельность человека», «интенсивность» и семы коннотативного макрокомпонента «образность», ассоциативные семы,

вызывающие представления о чём-то сложном, требующем беспокойства, хлопот. Во фраземе *подводные камни* налицо отсутствие эмотивной семы и семы интенсивности. В коннотативном макрокомпоненте приведённого оборота основными являются семы образности и ассоциативные семы «препятствия», «затруднения».

Состав конотативных сем обуславливает большую или меньшую возможность выполнения фразеологическими оборотами функции подлежащего.

Фразема *монгаи ноаён, хатару нўшида* - *hidden rocks (reef); snag* - *подводные камни* может выполнять функцию подлежащего в тех случаях, когда иллокутивная цель говорящего связана с образным представлением явления или ситуации. Фразема *больной вопрос* может употребляться в функции подлежащего в условиях особой иллокутивной цели: говорящий в таких случаях желает не просто образно представить ситуацию, а показать её важность, актуальность, повышенное внимание к ней участников речевого общения. Например:

*Бороться из-за идеи он любил до самозабвения. Тут всякие препятствия, совершенно неожиданные **подводные камни** на пути только разжигали в нём жажду борьбы, усиливали его энергию* (В. Быков. Силуэты далёкого прошлого.)

Ў барои гоя мубориза бурданро то ба дараҷаи беҳудӣ дӯст медошт. Дар ин ҷо ҳамаи мавонӯ, домӯҳои ногаҳонӣ дар роҳ шавқу завқи ўро барои мубориза зиёд намуда, ғайраташро тақвият медоданд.

*He loved to struggle for idea up to self-oblivion Here any obstacles, absolutely unexpected **reefs** in a way only kindled in him thirst of struggle, strengthened energy.*

*Наконец-то **больной вопрос** был решён, и все смогли вздохнуть свободно*(Огонек 2, 2001).

Ниҳоят, масъалаи дандонишкан ҳал шуд ва ҳама тавонистанд нафаси озод бикашанд.

*At last **the sore point** had been solved, and all could breathe freely.*

Среди выражений исследуемой группы выделяется ряд фразем, которых по грамматически ключевому слову можно рассматривать как именные, а по семантике - как слова категории состояния. Например, *камень на душе* (кто-либо испытывает тяжёлое, гнетущее чувство), *ад кромешный на душе* (что-либо мучительно тяжело). Адъективная семантика приведённых единиц утрачивается из-за появления в их значении более яркой денотативной семы «состояния». Назовём приведённые фраземы **структурно именными оборотами, соотносящимися по семантике с категорией состояния.**

Фраземы *дар дами ҳалокат - on the brink of ruin - на краю гибели* (в непосредственной близости от смертельной опасности), *хотироти тоза - do smth. with a clear (fresh) mind; do smth. with a clear head (while smth. is fresh in one's memory)* - *на свежую память* (пока всё хорошо помнится), *под весёлую руку* (в состоянии радостного возбуждения, подъёма) и др. По синтаксически ключевому слову они (формально) являются субстантивными. Но сема «признак» в их значении актуализируется как адвербиальная – «очень близко», «очень хорошо» и т.д. Назовём фраземы указанного типа **структурно именными с адвербиальной семантикой.**

Изменение части речи у фразем указанных типов отражается на их синтаксической функции. Как правило, структурно именные обороты, соотносящиеся по семантике с категорией состояния, употребляются в функции сказуемого односоставного предложения, а структурно именные фраземы с адвербиальной семантикой - в функции именной части сказуемого или обстоятельства. Например:

*После катастрофы многие ещё долго не могли прийти в себя. У людей был **ад кромешный на душе** (146, с.28).*

Пас аз садама бисёриҳо ҳанӯз ҳам натавонистанд ба худ биоянд. Рӯҳу қалби одамон бисёр азият мекашид. (перевод наш)

After the accident many people could not come to the senses for a long time. They were terribly sick at heart. (перевод информанта)

Он несколько раз находился **на краю гибели** и несколько раз спасался неожиданным образом (149, с.76).

Ў чанд маротиба дар остонаи марг қарор дошт ва чанд маротиба ба таври гайричамдошт наҷот ёфт. (перевод наш)

В состав фразем, которые не имеют соответствий в системе слов, входят обороты, сопоставимые по семантике с предложением. Например, *зуба не дура* (кто-либо умеет самое лучшее), *глаза на мокром месте* (кто-либо часто плачет), *дело табак* (кому-либо или чему-либо приходится плохо, скверно) и др.

Обратим внимание на тот факт, что если рассматривать дефиницию приведённых фразем, то она может формулироваться только как предложение, в котором подлежащее полностью зависит от ситуации, а сказуемое представляет семантику оборота.

По структуре анализируемая группа фразем соотносится с предложениями, у которых подлежащее выражено именем, а сказуемое является составным именным. Поскольку обороты характеризуемого типа не могут принадлежать ни к какой части речи, так как по семантике соотносятся с предложением, назовём их фраземами с **нулевой категорально-грамматической отнесённостью**.

В предложении фраземы указанного типа выполняют обычно функцию составного именного сказуемого:

В первый день, как поженились, она плакала и потом все двадцать лет плакала – глаза на мокром месте (150, с.56).

Дар рӯзи аввал, ҳамин ки ошадор шуданд, ӯ гиря кард ва сипас тамоми бист сол ашк рехт – гирёнчак. (перевод наш)

Генерал кивнул: - Понятно! Дело с отпуском – табак (146, с.65)

Генерал сар ҷунбонд:- Фаҳмо! Дамгирӣ акнун нест, кор хӯрчин. (перевод наш)

Обратим внимание на то, что в первом примере фразема *глаза на мокром месте* актуализирует специфический смысл: кто-либо не только «часто плачет», сколько «сильно переживает, испытывает душевные мучения».

Подчеркнём, что приведённый оборот чаще употребляется в речи с целью создания комического эффекта или с иллокутивной целью осуждения того, кто плачет без серьёзного повода из-за пустяков. В рассматриваемом предложении ни комического эффекта, ни осуждения нет. Очевидно, актуальное варьирование смысла семантики оборота отражается на особенностях выполнения синтаксической функции.

Во втором примере можно наблюдать актуальное варьирование синтаксической функции. Автор трансформирует фразеологизм с помощью приёма вклинивания. В результате оказывается, что компоненты фраземы выполняют синтаксическую функцию расчленённо, что не характерно для фразем. В составе фразем *аҳвол чатоқ, кор хўрчин (дело табак)* лексическая единица *дело* выполняет функцию подлежащего, а ЛЕ *табак* реализует семантику всего оборота и выполняет функцию сказуемого.

На материале фразеологии анализу подвергались различные группы фразем, но фраземы, не имеющие соответствий в системе слов, ещё не были объектом лингвистического исследования. Единицы указанной группы, с одной стороны, соотносятся со словами по статусу в языковой картине мира, занимая равноценное с ними положение, а с другой – характеризуются всеми признаками, свойственными другим фраземам.

Описание значения фразем исследуемой группы напоминает перечисление признаков реалий в словарной дефиниции, но, в отличие от лексических способов номинации, фразеологические обороты, не имеющие соответствий в системе слов, являются сложными наименованиями и демонстрируют другой путь обозначения реалий, чем слова: *муҳаббати сегўша - the eternal triangle - любовный треугольник* – «трое людей, связанных любовными отношениями», *шайтон - spawn of hell; fiend; son of devil; devil incarnate* - *исчадие ада* – «о том, кто является воплощением самых отрицательных качеств и свойств», *писари зинокор - the prodigal son - блудный сын* – «о человеке, покинувшем какое-либо содружество, коллектив,

привычные занятия и т.д. в поисках новой среды, иных занятий и т.п., а впоследствии вернувшись к прежнему».

В результате использования приёмов компонентного анализа, классификационного и сопоставительного методов было установлено, что фраземы, не имеющие соответствий в системе слов, занимают значительное место в языковой картине мира.

Они сближаются со словами по функциям и особенностям номинации и отличаются от них по этим же и другим признакам. Фраземы эффективнее выполняют функцию выражения чувств, эмоций и оценок, и это объясняется тем, что словосочетание позволяет актуализировать разные фрагменты языковой картины мира, а именно - связывать разные категории познания и сферы бытия, представлять дополнительную информацию, детализирующую объект (ср. фразему *боми настак, одами ношуди норӯид - nullity, no-account; a nothing, nixie; jack straw; man of straw; no great shakes - отставной козы барабаничик – в тадж: ЛЕ одами одӣ - mediocrity - посредственность*). Использование классификационного метода позволило выделить в языковой картине мира ячейки, заполненные не только словами, но и фразеологическими оборотами исследуемой группы.

Так как в системе языка у фразеологизма отсутствует слово-идентификатор, это заставляет обратить внимание на совершенно другую, свойственную только фразеологическим единицам природу, которая выражается, прежде всего, в их семантике. Семантический аспект исследования свидетельствует о наличии переходных явлений среди фразем, не имеющих соответствий в системе слов. Эти обороты уже генетически являются переходными: с одной стороны, отсутствие соответствий в лексической системе сближает анализируемые единицы со словами, а с другой стороны - с фраземами. Проанализировав мы пришли к выводу, что в отличие от свободных словосочетаний, фраземы, не имеющие соответствий в системе слов, обозначают гораздо большее число сходных или смежных признаков: *из молодых да ранний* и *опытный человек, старая дева* и *незамужняя женщина*.

Пользуясь подстановочным, компонентными и компаративными методами мы выделили среди анализируемых фразеологизмов и лексических единиц пары, характеризующиеся разной степенью семантического сходства: ложные эквиваленты с совпадающей оценкой (*мастер - на все руки мастер*), ложные эквиваленты иногда совпадающей, иногда несовпадающей оценкой (*белая ворона - ворона*), частичные эквиваленты с разным образным потенциалом (*рыцарь без страха и упрёка - рыцарь*), семантические эквиваленты с разным образным потенциалом (*рай земной - рай*).

Анализ отличительных признаков образности лексической и фразеологической по сравнению с лексическим образом указывает на большую выразительность и развёрнутость фразеологического образа. Используя метод компонентного анализа и синтеза, мы сделали вывод, что образность фразем, не имеющих соответствий в системе слов, обусловлена: детализацией образа первичного денотата; гиперболизацией образа первичного денотата; алогизмом компонентов фразем; необычностью сопоставления первичного и вторичного денотатов; объединением противоположных признаков в пределах сочетания; символом, находящимся в основе одного из компонентов первичного денотата фраземы; метонимическим переносом; экстралингвистическими пресуппозициями; столкновением двух значений фразем; конкретизацией первичного денотата и гиперболизацией вторичного; сочетанием нескольких из перечисленных факторов.

В результате исследования выявлена реальная и потенциальная образность. Фраземы, в составе которых компоненты не могут служить сигналом для понимания значения оборотов, обладают потенциальной образностью. Истинная образность основана на символах или ассоциациях, которые связаны со значениями компонентов фразем. Образность фразеологизмов библейского и мифологического происхождения основывается на отражении ситуаций или эпизодов нежели отдельных признаков и предметов, что обеспечивает комплексность образных картин.

Образность является не чем-то имманентно свойственным семантике фраземы, а появляется при восприятии.

При анализе деривационных особенностей мы обратили внимание на тот факт, что формирование значений фразем и слов отличается способностью фразем исследуемой группы отражать информацию гармонирующего и дисгармонирующего плана.

Информация гармонирующего плана представлена словосочетаниями, которые отражают отношения, существующие в реальном мире и не противоречащие логике их восприятия. Информация дисгармонирующего плана представлена словосочетаниями, которые отражают связи и отношения, не существующие в реальном мире.

Для выявления прагматического потенциала фразем и представления способов их реализации в конкретных дискурсах важную роль играет прагматический анализ.

Подстановочным анализом можно сделать вывод, что замена фразем исследуемой группы лексическими единицами невозможна.

При замены фразем словосочетаниями происходит утрата эмоциональной напряжённости, уменьшение силы восприятия образности или её потеря, изменение семантики, а именно: потеря конкретного представления о денотате, «растворение» денотата, конкретизация денотата, что ведёт к изменению оценки, конкретизация референции, ослабление характеристики из-за «смягчения» референции, качественное изменение денотата; несоответствие условиям дискурса: утрата говорящими достаточного количества знаний друг о друге, о предмете, объекте разговора или, наоборот, излишняя детализация ситуации, явления и т.д. От этих наблюдений вытекает, что фраземы, не имеющие соответствий в системе слов, создают совершенно новые возможности для осуществления в разных типах дискурса.

Для изучения роли антропологического фактора и форм его проявления в семантике фразем, не имеющих соответствий в системе слов, мы воспользовались культурологическим анализом. В результате выявлено, что

степень идиоматичности исследуемых фразем снижается за счёт лингвистических и экстралингвистических факторов.

Лингвистические факторы это семантические факторы, к которым относятся: ассоциативное поле слова, переносное значение слова, ядерная сема одного из слов фраземы, взаимодействие компонентов фразем, возможность сопоставления первичного и вторичного денотата фразем, совокупность приведённых семантических факторов.

Экстралингвистические факторы - это культурные факторы включающие в себя экстралингвистические пресуппозиции, символичность значения одного из компонентов фразем, гендерные стереотипы, исторические факторы.

С помощью метода компонентного анализа и синтеза выявлено, что диапазон варьирования денотативных и прагматических сем в значении фразем гораздо больше, чем в значении лексических единиц. Компонентный состав фразем позволяет в пределах одного оборота перекрещиваться денотативным и прагматическим семам.

Основываясь на вышесказанное, мы сделали вывод, что образность и идиоматичность фразем, не имеющих соответствий в системе слов, зависят от субкультурных факторов. Определённые гендерные стереотипы, существующие в языке влияют на закрепление в нём того или иного образа, созданного фразеологическим оборотом.

В словаре значения фразем, не имеющих соответствий в системе слов, должны описываться путем представления лингвистических и экстралингвистических особенностей единиц. При лексикографическом описании фразем необходимо представить нюансы коммуникативной нагрузки фраземы, её прагматический потенциал (варьирующую эмоциональную оценку, пометы, отражающие дополнительные коннотации фразем), а также культурологическую информацию (пометы, отражающие гендерные особенности, менталитет народа и т.д.).

По представленным наблюдениям мы сделали вывод, что фразеологические обороты, не имеющие соответствий в системе слов, являются более удачными для номинации по сравнению со словами. Исследуя языковую картину мира выявлено, что, фраземы выполняя наравне с лексическими единицами номинативную функцию, демонстрируют другой путь обозначения реалий, чем слова.

Касаясь практически все сферы жизни, фраземы исследуемой группы позволяют достаточно полно охарактеризовать языковую картину мира. Установление взаимосвязи между лингвистическим и экстралингвистическим факторами, в частности, исследование проявления человеческого фактора в семантике рассматриваемых языковых единиц и его отражения в конкретных речевых ситуациях, воздействия культурно-национальных факторов (гендерных особенностей, этнических стереотипов, символов и др.) на формирование и функционирование фразеологизмов и, как следствие, приобретение ими функции эталонов и стереотипов национальной культуры является весьма интересным и нужным для науки. При исследовании специфики значения анализируемых оборотов, вопрос о переходных явлениях представляется важным.

Исследование указанных проблем является нужным для разработки вопроса о номинативном аспекте семантики фразеологизмов и о связи фразем с культурой этноса вообще и «человеческим фактором», в частности, дополняет наши представления о специфике фразеологического значения и взаимодействий лексической и фразеологической систем.

2.2 Структурные особенности фразем в исследуемых языках

2.2.1 Субстантивные фраземы в сопоставляемых языках

Фраземы сопоставительных языков представляют собой существенную часть фразеологического фонда рассматриваемых языков. Характерной особенностью данных фразеологических единиц, которые мы называем фраземами, является единичная сочетаемость компонента с переосмысленным

значением с компонентом, имеющим буквальное значение [7, с.58]. Фраземы могут иметь различные структурно-семантические особенности.

Константная зависимость компонентов является наиболее распространённым типом зависимости среди субстантивных фразем. Рассмотрим ведущий член в субстантивных фраземах типа *beef tea* [букв. говяжий чай] в знач. «мясной отвар» - **обчўши гуштї** (в переменных сочетаниях *tea* «чай»); *far cry* [букв. далёкий крик] в знач. «далёкое расстояние» (*cry* "крик"), **first night шаби нахустин** [букв. первая ночь] в знач. «премьера, первое представление» (*night* «вечер, ночь»), *social ladder* [букв. общественная лестница] в знач. «общественная иерархия» (*ladder* «лестница»), *the letter of the law* - **аз рўи конун** [букв. письмо закона] в знач. «точное указание закона» (*letter* «буква, письмо»), *old salt* [букв.старая соль] (*бахранаварди пир*) в знач. «старый моряк» (*salt* «соль») и т.п.:

It needed the excitement of getting a part or a first night, the gaiety of a party, where he had drunk several glasses of champagne, to turn his practical mind to thoughts of love (157, с.59).

Фақат хушҳолї, вақте ки ў ягон нақиро мегурифт, харачу марачи намоишнома ва ё ҳиссиёти баъди шабнишинї, ки ў чанд бокали шампанро нўшида буд, фикри Майклро ба муҳаббат водор мекард.

Лишь радость, когда он получал хорошую роль, лихорадка во время премьеры или возбуждение после вечеринки, на которой он выпил несколько бокалов шампанского, были способны обратить практический ум Майкла к любви.

В случаях, когда семантически реализуемое слово является зависимым членом словосочетания, оно, естественно, не определяет грамматические свойства фраземы.

Это объясняется, по-видимому, тем, что в большинстве таких случаев переосмысление охватывает всё словосочетание в целом; и это последнее переходит в иной тип постоянного контекста, а именно в идиому.

Нередко одно и то же слово в сочетании с различными указательными минимумами имеет различные значения. Если каждый из этих указательных минимумов является постоянным и единственно возможным для реализации данного значения семантически реализуемого слова, это значение является фразеологически связанным, и, следовательно, каждое сочетание данного семантически реализуемого слова с данным указательным словом представляет собой отдельную фразу. Так, например, *small beer* – пивои камтаъсир [букв.маленькое пиво] означает «слабое пиво», *small hours* – соати хурд [букв.маленькие часы] в знач.«ранние (предутренние) часы (суток)», *small talk* – сўхбати кўтох [букв.маленький разговор] в знач.«светская (неделовая) беседа» (в переменных контекстах *small* означает «малый», «мелкий», «маломощный экономически», «незначительный» и т.п.). Следовательно, перед нами – три самостоятельные фраземы:

Miss Thompson, loud-voiced and garrulous, was evidently quite willing to gossip, but Mrs. Macphail had a poorstock of small talk and presently she said - Well, I think we must go upstairs (158, c.47).

Хонум Томпсон, ки овози баланд дошт, мехост зайбатгўй кунад, аммо хонум Макфайл майли сўхбат надошт ва гуфт. -Вақти ба боло баромадан ҳам шуд. (перевод наш)

Мисс Томпсон, у которой был высокий голос, явно хотела поболтать, но миссис Макфайл не желала вести светские беседы, сказав, — Ну, я думаю, нам пора подняться наверх.

Можно выделить группы субстантивных фразем, обозначающих самые разнообразные понятия.

1. Еда, питье: *Adam's ale* [букв. пиво Адама] шутл. «вино Адама», «вода»; *the baron of beef* – гушти лаҳм [букв. барон говядины] в знач.«филе»; *bloody Mary* - Мэрии хунин [букв. кровавая Мэри] в знач.«кровавая Мэри» (виски с томатным соусом); *a hotdog* – порчаи нон бо ҳасиби гарм [букв.горячая собака] в знач.амер. «бутерброд с горячей сосиской»; *husband's tea* – чойи камранг [букв. чай мужа] в знач.

«жидкий чай»; the parson's nose – думғозаи парранда [букв. нос священника] в знач. «гузка (жареной) птицы»; the pope's eye – қисми рағанноки почакҳои мурғи бирён [букв. глаз попа] в знач. «жирная часть бараньей ноги»; spotted dog - - фиринии дар обпукташуда бо кишмиши сиёх [букв. пятнистая собака], разг. «вареный пудинг с коринкой»; water of life – машруботи спирти [букв. вода жизни] в знач. «алкогольные напитки» (перевод с лат. Aqua vitae; фр. Eau de vie; ирл. или шотл. Uisqua beatha «вода жизни»; отсюда whisky).

2. Деньги: the Mammon of unrighteousness – пул, маблағ [букв. богатство несправедливости] в знач. «деньги»; the sinews of war – васоити пулӣ [букв. физическая сила войны] в знач. «денежные средства».

3. Погода: Indian summer – тирамоҳи тиллоӣ [букв. индейское лето] в знач. «золотая осень», «теплые, сухие дни ранней осени», «бабье лето»; King's (или Queen's) weather – ҳавои хуб [букв. погода короля (королевы)] в знач. «хорошая погода» (в торжественных случаях).

4. Явление природы: the merry dancers – фаҳри қутбӣ [букв. весёлые танцоры] в знач. «северное сияние»; skipper's daughters – мавҷҳои баланд бо қуллаҳои сафед [букв. дочери шкипера] - «высокие волны с белыми гребнями»; white caps – қуллаҳои сафеди мавҷнок (или horses) [букв. белые кепки (лошадки)] в знач. «барашки» (белые гребни бурунов).

5. Животные, птицы, рыбы: denizens of the deep – пуроб, чуқур [букв. животные глубины] - «глубоководные» (о рыбах, реках и т.п.); the king of beasts [букв. царь зверей] - «царь зверей» (лев); the king of birds – шоҳи паррандагон [букв. царь птиц] «царь птиц» (орел); the king of the sea – шоҳи баҳр [букв. морской царь], шутл. «морской царь» (селёдка); the ship of the desert – киштии биёбон [букв. корабль пустыни] - «корабль пустыни» (верблюды); a stormy petrel – мурғи туфон [букв. яростный буревестник] - «буревестник».

6. Другими семантическими группами являются, например, наименования периодов времени: a dog's age – вақти тўлонӣ [букв. возраст собаки], амер. a coon's age [букв. возраст енота] в знач. «долгое время», «целая

вечность», donkey's years –муддати дуру дароз [букв. года осла], шутл.разг. «долгое время», «целая вечность» (years – искаженное ears); a month of Sundays – мухлати дароз [букв. месяц воскресений], шутл. разг. «долгий срок», «большой промежуток времени».

Большинство субстантивных фразем современного английского языка имеют характер выражать понятия, которые не могут быть выражены отдельными словами, т.е. у данных фразем нет лексического синонима. К таким фраземам относятся: apple-pie order – тартиботи олі [букв. приказ яблочного пирога] в знач.«идеальный порядок», Dutch courage [букв. голландская храбрость] в знач.«храбрость во хмелю», а fish out of water – одами дар рохи худ [букв.рыба из воды] в знач.«человек в своей стихии», Hobson's choice [букв.выбор Гобсона] в знач. «вынужденный выбор», а rough diamond – одами дағал [букв.грубый алмаз] в знач. «грубоватый, но хороший человек», а white elephant – моли ташвишоваар [букв.белый слон] «обременительное имущество» и многие другие :

If you'd seen the amount of whisky he took! Dutch courage to propose to me (159, с.173).

Агар шумо медидед ё чӣ қадар виски нӯшид. Ана ё махмуру шердил шуда, ба ман чунин пешниҳод намуд.

Если бы вы видели сколько виски он выпил! Вот и сделал мне предложение - ведь ему, когда он пьян, море по колено.

Но в случаях, когда субстантивная фразема имеет лексический синоним, это слово обычно нейтрального стиля, а фразема эмоционально окрашена. Приводимые ниже примеры иллюстрируют это положение: the ship of the desert – киштии биёбон [букв.корабль пустыни] в знач. «верблюды»; a knight of the road – оворагард [букв. рыцарь дороги] в знач. «бродяга»; the green-eyed monster – рашкин [букв.зеленоглазый монстр] в знач. «ревнивый»; the sinews of war – маблағ [букв. физическая сила войны] в знач. «деньги»; a handle to one's name - унвон [букв.рукоять к имени] в знач. «звание»; a cup that cheers but

not inebriates - чой [букв.чашка, которая бодрит, а не пьянит] в знач. «чай»;
Adam's ale – об (или wine) [букв.пиво Адама] в знач. «вода» и др.

Субстантивные фраземы подразделяются на два разряда: фраземы, со структурой словосочетаний и номинативно – частично предикативные фраземы.

Фраземы первого разряда в свою очередь выделяются в две группы: фраземы со структурой подчинительного словосочетания и фраземы со структурой сочинительного словосочетания.

1. Наиболее характерным структурным типом субстантивных фразем являются предложно-именные образования, т.е. сочетание имени существительного с именем существительным с препозитивными определениями (или без них) посредством предложной подчинительной связи [20,110].

Для этого используются следующие предлоги: about, among, at, before, behind, between, for, from, in, of, on, out of, to, with, within и without.

about: a men about town – олуфтасатанг [букв.человек города] в знач. «дэнди», «прожигатель жизни», «жуир»;

among: Saul among the prophets – Саул дар байни паёмбарон [букв.Саул среди пророков] библ. «Саул во пророках», «человек, отстаивающий что-либо, на что перед этим энергично нападал»; a sheep among wolves – одами зудбовар [букв. овца среди волков] в знач. «овечка среди волков» (о доверчивом человеке, оказавшемся среди опасных людей).

at: the man at the wheel – дохй, пешво [букв. человек на колесах] в знач. «кормчий», «руководитель».

before: mist before the eyes – тумани зич [букв. туман перед глазами] в знач. «сплошной туман»; a sailor before the mast – маллоҳи қаторӣ ё баҳрнавард [букв. матрос перед мачтой] в знач. «рядовой матрос или моряк».

behind: power behind the throne – ҳукумати махфӣ [букв. власть за тронном] в знач. «тайная власть».

between: a rose between two thorns – зани зебо дар байни ду мард [букв. роза между двумя колючками], шутл. «роза между двух шипов», «(красивая) женщина между двумя мужчинами».

for: milk for babies – китоби сода [букв.молоко для младенцев] в знач.«что-то лёгкое для понимания»; «простая, несложная книга» и т.п

from: crumbs from the rich man's table – нонрезаҳои дастурхони сарватманд (тж. crumb's from the table) [букв. крошки со стола богача] в знач. «крохи с барского стола».

in: the man in the street – одами қатории одӣ [букв. человек на улице] в знач. «заурядный, рядовой человек»; all the difference in the world – фарқи асосӣ [букв. вся разница в мире] в знач. «существенная разница»; a niche in the temple of fame – ҷовидӣ [букв. ниша в пантеоне славы] в знач. «бессмертие», «место на Олимпе». При помощи предлога in соединяются лексемы, лексема и сочетание лексем или сочетание лексем и лексема [7, с.111].

В сложных подчинительных фраземах типа a big fish in a little pond – бузурге дар байни пигмейҳо [букв. большая рыба в маленьком пруду] в знач. «великий среди пигмеев»; an iron hand in a velvet glove – матонат [букв.железный кулак в бархатной перчатке] в знач. «непреклонность»; new wine in old bottles – мундирачаи нав дар шакли кӯҳна [букв. молодое вино в старых бутылках] в знач. «новое содержание в старой форме»; old moon in new moon's arms – моҳи кӯҳна дар зери шалолаи нав [букв. старая луна в руках новой] в знач. «новый месяц на фоне слабо выделяющегося диска луны», два сочетания лексем с подчинительной структурой связаны способом подчинения при помощи предлога in.

of: a man of straw – одами беэтимод [букв. человек-солома] в знач. «ненадёжный человек»; the villain of the piece – гунаҳкори асосӣ [букв. главный злодей] в знач. «главный виновник»; the long arm of coincidence – мутобиқати тасодуфӣ [букв. длинная рука совпадения] в знач. «случайное совпадение», «чистая случайность»; Jack (или a jack) of all trades – устои ҳама кор [букв. Джек-мастер на все руки] в знач. «на все руки мастер» (сокращение пословицы

Jack (или a jack) of all trades is a master of none - «за всё братья, ничего не сделать»); a dose of one's own medicine – чоҳкан зери чоҳ [букв. доза лекарства] в знач. «попался, который кусался», «не рой другому яму, сам в неё попадешь».

Таким образом, при помощи предлога of соединяются лексемы, лексема и сочетание лексем или сочетание лексем и лексема. В сложных подчинительных фраземах типа the old lady of Threadneedle street [букв. старая леди с Треднидл-стрит] в знач. «английский банк» ; the three tailors of Tooley Street [букв. трое портных с улицы Тули] в знач. «небольшая группа людей, провозглашающих себя представителями всего народа» два подчинительных сочетания лексем соединены способом подчинения при помощи предлога of.

On: a blot on the land scape – чизе ки ба зебогии табиат монча мешавад [букв. клякса на ландшафте] в знач. «что-либо, мешающее восприятию красот природы»; a rap on the knuckles – огоҳӣ [букв. стук в суставах] в знач. «выговор, нахлобучка».

Out of: a fish out of water – одами кайфпарида [букв. рыба, вынутая из воды] в знач. «человек не в своей тарелке»; a word out of season – сухани ноҷо [букв. слово не по времени года] в знач. «слова, сказанные не вовремя».

To: caviar to the general – кори ноомад [букв. икра к основному] в знач. «слишком тонкое блюдо для грубого вкуса»; слово general в данном обороте означает «широкая публика»; a prisoner to one's chair – маъюб [букв. Заключенный, прикованный к стулу] в знач. «инвалид, прикованный к креслу».

With: the cow with the iron tail – таҷҳизот барои қалобии шир [букв. корова с железным хвостом] в знач. «аппарат для фальсификации молока»; an ass with two paniers – марди занбоз [букв. осёл с двумя корзинами], шутл. «мужчина, идущий под руку с двумя женщинами» (искажённое фр. panier a deux anses); a hen with one chicken – одами сертаррадуд [букв. курица с цыплёнком] «хлопотунья».

Within : a rift within the lute – оғози пароканиш [букв. трещина в люте] в знач. «начало распада»; wheels within wheels - бозии шавк [букв. колёса среди колес] в знач. «игра интересов, переплетение интриг».

Without: the hook without the bait – дил аз даст додан [букв. крючок без наживки] в знач. «потерявшие силу чары»; leaves without figs – ваъдаҳои холӣ [букв. листья без ягод] в знач. «пустые обещания»; sheep without a shepherd – подаи бе чўпон (издиҳои ноором) [букв. как овцы без пастуха] в знач. «беспомощная, беспорядочная толпа».

В некоторых субстантивных фраземах наблюдается вариантность предлогов. Приводимые примеры подтверждают это: a drug in(или on) the market – моли касод [букв. лекарство на рынке] в знач. «залежалый товар», «трудное дело», «тяжёлая задача; grist for (или to) somebody's mill – фоида, даромад [букв. зерно на чью-либо мельницу] в знач. «прибыль», «выгода», «корысть»; time out of (или without) number [букв. время без числа] чандин маротиба в знач. «бесчисленное количество раз», «несчётное количество раз».

Наиболее распространёнными предлогами субстантивных фразем являются предлоги of и in.

2. Во многих субстантивных фраземах, являющихся в большинстве своём двучленными образованиями, первый компонент - существительное в форме родительного падежа. Раздельнооформленность этих оборотов не всегда можно установить, и некоторые из них являются устойчивыми образованиями нефразеологического характера, а некоторые - сложными словами [7, с.112].

Приведем примеры субстантивных фразем данного структурного типа, для которых характерны структурно-семантическая немоделированность, равномерное ударение и раздельное написание: a busman's holiday – рўзи бардавом [букв. праздник водителя автобуса] в знач. «проведение праздничного дня за своим обычным занятием» (выражение связано с тем, что водителям в праздничные дни приходилось обучать новичков); the lion's provider – лагандбардор [букв. поставщик льва] в знач. «прозвище шакала»,

«подхалим», «лизоблюд»; a printer's devil – ваколатдор [букв. типограф дьявола] в знач. «рассыльный или ученик в типографии»; husband's ship [букв. корабль мужа] в знач. «уполномоченный, распоряжающийся судном по доверенности владельца»; the tailor's dummy – олуфта [букв. манекен портного] в знач. «вылощенный молодой человек», «франт», «пижон».

Реже встречаются трёх - и более компонентные фраземы с существительным в родительном падеже, например: All Fools' day – рўзи ханда [букв. день всех дураков] в знач. «первое апреля»; Mother Carey's chicken – мурғи тўфон [букв. цыплёнок мамы Кэри] в знач. «буревестник»; one of Nature's noblemen – одами бемаданият [букв. один из дворян природы], ирон. «некультурный, плохо воспитанный человек»; Prince of Wales feather – ороиши аз пари товус сохташуда [букв. принц Уэльского пера] в знач. «плюмаж из трёх страусовых перьев»; Tom Tiddler' s ground – чои сердаромад [букв. земля Тома Тиддлера] в знач. «место лёгкой наживы» и некоторые другие.

3. Большое число субстантивных фразем относится к структурному типу прилагательное (причастие I или причастие II) + существительное. Среди этих образований встречаются устойчивые сочетания нефразеологического характера и сложные слова [4, с.123].

К фраземам относятся:

1. Немоделированные обороты с равномерным ударением и отдельным написанием: the cold shoulder – мисоли ноcho [букв. холодное плечо] в знач. «холодный пример, подчеркнуто неприветливое обращение»; a groaning board – мизи дандоншикан [букв. стонущий стол] в знач. «стол, ломящийся под тяжестью яств»; hot coppers – хумори ҳалқ [букв. горячие медные монеты] в знач. «пересохшее горло» (с похмелья); a preliminary canter – сарахбор [букв. поездка лошади перед скачками] в знач. «предварительный набросок»; «прелюдия», «вступление к чему-либо» и многие другие. Для аналогичных сложных слов типа blackboard характерно объединяющее ударение и слитное написание.

Примером идиомы, ставшей сложным словом с объединяющим ударением, может служить слово *slowcoach* или *slow-coach* - «тиходум». Раздельное написание этого слова встречается значительно реже.

К этой же группе фразем относятся редкие случаи использования прилагательных после существительного, т.е. в постпозиции, например *a penny dreadful* [букв. ужасный пенни], «дешёвый бульварный роман» (с описанием всяческих ужасов).

1. Немоделированные обороты с объединяющим ударением и раздельным написанием, имеющие лексические варианты или структурные синонимы: *a fresh (или green) hand* – шахси бетачриба [букв. свежая (зелёная) рука] в знач. «неопытный человек», «новичок»; *fresh (или new) blood* – одами нав [букв. свежая кровь] в знач. «новый человек, новое пополнение» (семьи, общества и т.п.); *the gilding (или shining) light (in of)* – шамъи равшан [букв. сияющий свет] в знач. «светило», «знаменитость»; *a large (или tall) order* – вазифаи мушкил [букв. большой (высокий) приказ] в знач. «трудная задача» и др.

2. Раздельнооформленные образования, в которых прилагательное изменяется по степеням сравнения: *a dark horse* – шахси ноаён [букв. тёмная лошадка] в знач. «малоизвестная личность» (особенно о претенденте, кандидатуре, о шансах которой мало известно; первоначально о неизвестной лошади на скачках); *glad rags* – перохани тўёна [букв. радостное тряпье] в знач. «лучшие праздничные платья»; ирон. «(живописные) лохмотья»; *an old hand (at something)* – тачрибадор [букв. старая рука] в знач. «опытный» (в чем-либо), «знаток» (чего-либо), бывалый человек»; «стреляный воробей», «тёртый калач».

Возможны субстантивные обороты, в которых сочетаются вариантность прилагательного и изменение его по степеням сравнения, например: *a hard (или tough) nut to crack* [букв. твёрдый орешек не по зубам] в знач. «трудная задача» [31, с.114].

3. Образования, первый элемент которых является сложным словом: *a sory book maxim* – хақиқати маълум [букв. тетрадный принцип] в знач. «прописная

истина»; a death – bed repentance – пушаймони бемавқеъ [букв. смертельное раскаяние] в знач. «запоздалое раскаяние»; a fair-weather friend – рафики нобовар [букв. друг по хорошей погоде] в знач. «ненадежный друг», «друг до первой беды»; grape-vine telegraph – телеграф «тюремный [букв. винный телеграф] телеграф» (способ общения между заключенными разных камер); a half-way house – якдигарфаҳми куллі [букв. дом на полпути] «возможный компромисс»; a heart-to-heart talk – сўхбати чўшон [букв. разговор по сердцу] «разговор по душам»; kid-glover policy – сиёсати мақсаднок [букв. деликатная политика] - «умеренная, осторожная политика»; a left handed compliment – пешниҳоди ноҷо [букв. левый комплимент] в знач. «неловкий, сомнительный комплимент»; a wild-geese chase – кирдори беақлона [букв. погоня за диким гусём] в знач. «погоня за химерами», «сумасбродная затея», «бесмысленное предприятие» и др. В подобных образованиях второй компонент обычно употребляется в своём буквальном значении, но возможно переосмысление и второго компонента (chase, telegraph).

Подобная структура несвойственна сложным словам в современном английском языке и при наличии полностью или частично переосмысленного значения устойчивого словосочетания может служить показателем его фразеологичности.

4. Это же справедливо в отношении подчинительных словосочетаний других структур, не столь многочисленных в современном английском языке: имя прилагательное + глагол в инфинитиве (a bitter pill to swallow [букв. горькая пилюля, которую нужно проглотить] в знач. «тяжелая необходимость», a hard (или tough) nut to crack, имя существительное + глагол в инфинитиве (the deuce, the devil или hell to pay [букв. ад, за который платишь] в знач. «неприятность»; «трудная задача»; «сам черт ногу сломит»); существительное + глагол в инфинитиве + существительное (a pill to cure an earthquake [букв. пилюля для землетрясения] в знач. «жалкая полумера»; существительное + глагол в инфинитиве + существительное + предлог (a pig

to hand a thing on [букв.свинья, которой нужно передать вещь] в знач.«предлог», зацепка», повод» (для оправдания и т.п.); «тема» (для разговоров)).

Имеется также небольшое число субстантивных фразем с подчинительной структурой, употребляющихся только в отрицательной форме, например: not (quite) the clean potato – шахси шубхаовар [букв.не вполне чистый картофель] в знач.«подозрительная личность», «темная личность», «непорядочный человек»; not the only pebble on the beach - дар рўяш нур нест [букв.не только галька на пляже] в знач. «на нем (на ней и т.д.) свет клином не сошёлся, не единственный свет в окошке».

Многим компонентам субстантивных фразем данного структурного типа свойственно нормативное образование единственного и множественного числа существительных в зависимости от единичности или множественности обозначаемых предметов, явлений и т.д.: an Aunt Sally (Aunt Sallys) – айбчўй – [букв.тётка Салли] в знач. «предмет нападков или оскорблений»; a devil's advocate (devil's advocates) - мунаккиди ноинсоф [букв.адвокат дьявола] в знач. «злостный критик»; a white elephant (white elephants)[букв. белый слон] в знач. «обременительное имущество».

Как правило, флексией множественного числа оформлено одно существительное даже при наличии двух существительных во фраземах: *We found ourselves regular knights of the road, before we knew where we were almost* (158, с.176).

Мо ба баҳодурони роҳ мубаддал шудем, гарчанде ки зуд дарк накардем.
(перевод наш)

Мы превратились в заправских рыцарей большой дороги, хотя не сразу осознали это.

Но иногда можно увидеть как два существительных находятся во множественном числе.

В составе субстантивных фразем с подчинительной структурой имеются существительные, которые употребляются только во множественном числе, в

то время как эти же существительные могут употребляться и в единственном, и во множественном числе в качестве отдельных лексем [35, с.116].

Фраземы с существительными во множественном числе можно разделить на следующие группы:

1. Фраземы, которые отражают объективно существующую множественность и не допускают единичности: *birds of a feather* – одамони як тарх [букв.птица пера] в знач.«люди одного склада»; *creature comforts* – неъматҳои рӯи замин [букв.создание удобств] в знач.«земные блага»; *leaves without figs* – ваъдаҳои хушку холи [букв.листья без ягод] в знач.«пустые обещания»; *white caps (или horses)*[букв. белые кепки] в знач.«белые гребни бурунов».

2. Фраземы, которые обозначают только множественность, в то время когда объективно существует и единичность: *dead marines* [букв.мёртвые матросы] в знач.«пустые винные бутылки»; *sheep without shepherd* -подаи бе чӯпон [букв.овца без пастуха] в знач.«беспомощная толпа».

3. Фраземы, которые являются объединением отдельных единиц, обозначающие единичность: *a month of Sundays* [букв.месяц воскресений] знач. «долгий срок»; *the nest of singing birds* - лонаи булбулон [букв.гнездо певчих птиц] в знач. «прозвище лирических поэтов эпохи Елизаветы I».

Существительные *month* и *nest*, стоящие в единственном числе, являются ограниченно собирательными (ср.*crew, company, board, team* и др.), поэтому слова *birds* и *Sundays* стоят во множественном числе. Употребление слов *month* и *nest* в данной фраземе во множественном числе невозможно.

4. Фраземы, обозначающие единичность, но выраженную существительным во множественном числе: *donkey's years* [букв.года осла] в знач.долгий срок; *palmy days* [букв.счастливые дни] в знач. «пора расцвета, процветания».

5. Фраземы, обозначающие единичность, тесно связанную с множественностью: *the law of the Medes and Persians* библ. [букв.закон мидей

и персов] в знач. «непреложный закон»; new wine in old bottle [букв.молодое вино в старых бутылках] в знач. «новое содержание в старой форме».

б. Фраземы, обозначающие многочисленное понятие, тесно связанное с множественностью - milk for babies [букв.молоко для младенцев] в знач. «что-то лёгкое для понимания».

Важным составным элементом буквального значения компонентов является множественное значение существительного, на основании которого появилось фразеологическое значение оборота (the flesh-pots of Egypt [букв.плоть Египта] библ. книж. «материальное благополучие», «довольство, богатая жизнь» (рассматриваемые кем-либо с сожалением или завистью); the merry dancers [букв.весёлые танцоры] в знач. «северное сияние» и др.) [35, с.116].

Множественное значение существительного также важно для тех фразем, которые появились, минуя период переменного словосочетания (angels или devils on horse back [букв.ангелы (или дьяволы) верхом] в знач. «устрицы, завёрнутые в ломтики ветчины (закуска)»; the sinews of war [букв.физическая сила войны] в знач. «деньги» и др.).

Изменение прилагательного в субстантивных фраземах с подчинительной структурой встречается сравнительно редко.

Подобное изменение является невозможным во многих атрибутивно-именных сочетаниях, например в оборотах best man – шоҳид [букв. лучший человек] в знач. «шафер», «свидетель»; current coin [букв. ходячая монета]; в знач. «распространённое мнение»; the last straw – қатраи охири [букв.последняя соломинка] в знач. «последняя капля, переполнившая чашу терпения, переломившая горб верблюда» и др.

Однако в некоторых субстантивных оборотах типа adj+noun прилагательные могут употребляться в сравнительной и превосходной степенях:

You are an older hand at this, than I thought you (157, с.64).

Вы действительно знаток своего дела, как я посмотрю.

This barber was one of Phillip's saddest dogs often remaining out of doors at eleven post meridiem [160, с.176].

Этот парикмахер был одним из повес Филлипа, который часто оставался на улице в 11 часу.

Среди фразем с сочинительной структурой наиболее многочисленными являются субстантивные обороты. Подавляющее большинство их содержит союз *and*. В структурной связи они разделяются на две группы:

1. Двучисленные субстантивные фраземы: *the life of soul* – илхомбахш (*of something*) [букв.жизнь и душа] в знач.«вдохновитель», «главный организатор», «душа» (общества, предприятия и т.д.); *oil and vinegar* –равған ва сирко [букв.масло и уксус] в знач. «как масло и уксус» (о непримиримых противоположностях); *wear and tear* – хастагй [букв. носить и рвать] в знач. «утомление, жизнь на износ»; *the wear and tear of life* – ташвиши рўзгор [букв. носить и рвать жизнь] в знач. «жизненные передраги»; *the wear and tear of time* [букв.носить и рвать время] в знач. «разрушительная сила времени») и др.

Знаменательные компоненты, как правило, принадлежат к одной части речи, за исключением оборота *enough and to spare* - «более чем достаточно», «больше чем нужно», «за глаза довольно» [35, с.118].

С точки зрения числа, в котором употребляются компоненты, они разделяются на следующие группы:

1. Оба компонента в единственном числе. Помимо приведённых выше, к этой группе относятся: *give and take* – гузашти тарафайн [букв.дай и возьми] в знач.«взаимные уступки»; *Jack and Gill* – чавон ва духтар [букв.Джек и Джилл] в знач. «парень и девушка» и др.
2. Оба компонента во множественном числе: *ins and outs* – сиру асрор [букв.все входы и выходы] в знач. «подноготная»; *pins and needles* – дасту по хўрда [букв. булавки и иголки] в знач.«колотьё в конечностях» (после онемения); *stocks and stones* – бут, санам [букв. стволы и камни] в знач. «бесчувственные люди», «истуканы», презрит. «идолы».

3. Первый компонент в единственном числе, а второй во множественном: dust and ashes – турбат, хок [букв.пыль и пепел] в знач.«прах и тлен»; fox and geese – дамкабозй [букв.лиса и гуси] в знач. «игра в шашки»; fox and hounds – бозии бачагон [букв.лиса и собаки] в знач. «детская игра, в которой один убегает, а остальные его ловят».

4. Первый компонент во множественном числе, а второй в единственном: cakes and ale – шодмонй [букв.пироги и пиво] в знач. «веселье».

Число, в котором стоят компоненты этих фразеологизмов, является фиксированным. Единственный оборот, допускающий как единственное, так и множественное число, - это lord and master – хўчаину шавхар [букв. хозяин и господин] в знач. 1) «супруг и повелитель»; 2) «хозяин», «царь и бог». Возможно также употребление этого оборота в родительном падеже с прибавлением флексии -s к последнему компоненту:

She turned brightly to Albert, - What does my lord and master say about it? What is your opinion, Albert? (162, с.97)

Хонум Алберт Форрестерн ба шавҳараиш бо табассум нигариста гуфт: - Ба инаш хўчаини ман чӣ мегӯяд? Ту чӣ хел фикр мекуни Алберт? (перевод наш)

Миссис Альберт Форрестерн с улыбкой повернулась к мужу — Что скажет по этому поводу мой супруг и повелитель? Как ты думаешь, Альберт?

You think because we've been lenient out of consideration for your parents, you think you 're lord and master around here. Well, you 're not (158, с.79).

Мо бо ту аз рӯи ҳурмат ба падару модарат нармдилона муомила кардем. Агар ту фикр кунӣ, ки аз ҳамин сабаб дар ин ҷо хўчаинӣ менамоӣ, ту саҳв мекуни. (перевод информанта)

Мы были снисходительны к тебе из уважения к твоим родителям. Если ты думаешь, что можешь по этой причине хозяйничать здесь, то ты ошибаешься.

Количество трёхкомпонентных и многокомпонентных субстантивных фразем с сочинительной структурой невелико: the long and the short of it (the short and the long of it) - алкисса, хулоса [букв. долгое и короткое чего-либо] в знач. «короче говоря»; the Red, White and Blue – байроки давлатии Англия [букв. красное, белое и синее] в знач. «английский государственный флаг» и некоторые другие.

В некоторых сочетаниях этих оборотов имеется подчинительная связь (the long of it, ... the short of it, ... yellow leaf), но так как вся фразема оформлена как сочинительное образование, то она не переходит в подчинительную фразему [35, с.117].

Эти фраземы следует отграничивать от оборотов типа all legs and wings [букв.все ноги и крылья] в знач. шутл. «неловкий высокий подросток, не знающий куда девать руки и ноги»; the straight and narrow path [букв. широкая и узкая тропа] в знач. книжн. «стезя добродетели», оформленных как подчинительные фраземы, несмотря на наличие союза.

Число многокомпонентных фразем с сочинительной структурой превышает число трёхкомпонентных фразем с такой же структурой. Среди многокомпонентных фразем преобладают четырёхкомпонентные обороты: all the world and his wife – чамъияти дунявӣ [букв.весь мир и его жена] в знач. «всё светское общество»; cross questions and crooked answers [букв. пересекать вопросы и кривые ответы] в знач. «игра в вопросы и ответы» (в которой на каждый вопрос даётся ответ, предназначенный для другого вопроса); перен. «вопросы и ответы, не имеющие ничего общего друг с другом», «попытка уклониться от ответа на поставленные вопросы; Dr. Jekyll and Mr. Hyde [букв.доктор Джекилл и мистер Хайд] в знач. «человек, в котором одерживает верх то доброе начало, то злое»; hatches, catches, matches and dispatches «газетный столбец с объявлениями о рождении, помолвках, свадьбах и смертях».

В сложных фраземах типа bone of the bone and flesh of the flesh [букв. кость кости и плоть плоти] в знач. «кость от кости и плоть от плоти» и the feast

of reason and flow of soul [букв.пир причины и поток души] в знач. «умная, интеллектуальная беседа» две фраземы с подчинительной структурой связаны способом сочинения при помощи союза and.

Можно выделить следующие виды сочинительной связи компонентов фразем, в рамках которых мы отметим и семантические особенности разбираемых оборотов [22, с.119].

Соединительно-сочинительная связь наблюдается в субстантивных фраземах следующих типов:

1. В парносинонимичных оборотах типа gall and wormwood – хец манфур [букв. ссадина и полынь] в знач. «нечто ненавистное, постылое» и некоторых других. Различия между синонимами полностью исчезают, когда они входят в состав парносинонимичных оборотов. Это является одним из показателей ослабления их лексического значения.

2. Во фраземах, компоненты которых принадлежат к одной семантической сфере, но не являются синонимами, например: dust and ashes – турбат ва хок [букв.пыль и пепел] в знач. «прах и тлен; тлен и суета»; flesh and blood – гўшту нохун [букв.плоть и кровь] в знач. «человеческая природа; облеченный в плоть и кровь»

3. Во фраземах, компоненты которых не связаны по значению вне данного оборота: all the world and his wife – хама бе истисно [букв.весь мир и его жена] в знач. «все без исключения»; a lick and a promise – кори саросема ичрошуда [букв. лизание и обещание] в знач. «работа, сделанная кое-как, наспех».

4. Во фраземах, в состав которых входят два или более имени собственных: Jack and Gill – чавон ва духтар [букв. Джек и Джилл] в знач. «парень и девушка»; John Doe and Richard Roe – даъвогари хаёлї ва чавобгар дар раванди судї [букв. Джон До и Ричард Ро] книж. «воображаемый истец и ответчик в судебном процессе» (имена фиктивных юридических лиц, фигурировавших в исках об изъятии собственности в английском

судопроизводстве первой половины XIX в.); Tom and Jerry – пунши пуркувват [букв. Том и Джерри] в знач. амер. «крепкий пунш».

К этой группе относится идиома odds and ends – боқимонда майда-чуда [букв. неравенство и концы], «остатки, безделушки»

Соединительно-противительная связь наблюдается в парно-антонимичных фраземах или во фраземах с компонентами, противопоставленными друг другу: ebb and flow – гардиши фалак [букв. морской отлив и прилив] в знач. «превратности судьбы»; «изменчивость настроения»; give and take – гузашти мутақобил [букв. дать и взять] в знач. «взаимные уступки»; high and low – гардиши фалак [букв. высоко и низко] в знач. «превратности судьбы»; ups and downs – пастиву баландихо [букв. вверх и вниз] в знач. «взлёты и падения» [35, с.120].

Компоненты субстантивной фраземы могут быть причинно-следственными, где первый компонент указывает на причину, а второй – на следствие. Это можно наблюдать во фраземе touch and go. В основу значения этого оборота легли причинно-следственные отношения, которые обозначают «критическое опасное положение, когда пустяк может оказаться решающим».

Первое значение этой фраземы является «быстрое прикосновение к предмету и мгновенное удаление от него», второе значение – «что-либо сделанное наспех». Причинно-следственные связи выступают особенно ясно в первом значении, переосмыслением которого является второе значение [20, с.120].

Обороты neither fish, nor flesh, nor good red herring – на дузди бозор, на шайхи мазор [букв. ни рыба, ни мясо, ни хорошая красная сельдь] в знач. «ни рыба, ни мясо» могут служить примером субстантивной фраземы с соединительно-отрицательной связью.

Обороты оформлены союзами neither ... nor.

Отношения перечисления встречаются редко, но отдельные случаи всё же имеются: Tom, Dick and Harry – ҳама, касе [букв. Том, Дик и Гэри] в знач. «всякий, каждый».

Этим исчерпываются виды сочинительной связи компонентов субстантивных фразем.

Субстантивные фраземы с сочинительной структурой выполняют в предложении функции подлежащего, предикативного члена, дополнения и могут входить в предложно-именную группу, выполняющую функцию постпозитивного определения или обстоятельства. Таким образом, синтаксические функции этих оборотов совпадают с синтаксическими функциями существительных. Синтаксические функции некоторых из этих оборотов ограничены; так, например, идиома *part and parcel* – амонат (*parcel* в современном английском языке обозначает «свёрток», «посылка», сохраняет своё утраченное значение «часть») – «составная часть» – употребляется преимущественно в функции предикативного члена. Такое употребление не является характерным для других аналогичных оборотов [20, с.120].

Проиллюстрируем следующими примерами синтаксические функции субстантивных оборотов с сочинительной структурой:

It's more than flesh and blood can stand, Frank, - moaned Beatrice (158, с.75).

Ин аз қувваи инсон ҳам боло аст, Фрэнк, - нолиш кард Беатрис. (перевод информанта)

Это выше человеческих сил, Фрэнк, - простонала Беатрис.

It was a flesh and blood performance (160, с.203).

Он намоиши пурҷӯшу хурӯш буд (перевод наш).

Это был полнокровный спектакль.

I infused into the narrative far less of gall and wormwood than ordinary (161, с.79).

Ин дафъа дар ҳикояи ман ниҳоят кам гам ва хашишгинӣ дида мешуд. (перевод наш)

На этот раз в моём рассказе было гораздо меньше горечи и раздражения.

а) послеглагольное (контактное):

She... knew the ups and downs of this world (158,76).

Ў тамоми гардиши фалаки ин дунёро медонист. (перевод информанта)

Она ...знала все превратности судьбы этого мира.

Б) послеглагольное (дистантное):

...her black skirt – well perhaps wear and tear of it wouldn 't show if she kept behind the counter...(160, с.101). –...юбкаи сиёҳи ў..., шояд касе пай набарад, ки юбкаааш фарсуда шудааст, агар аз паси пешидӯкон набарояд... - ...её черная юбка ... ну да, может быть, никто и не заметит, что юбка потерта, если не выходить из-за прилавка.

в) к прилагательному, существительному или его эквиваленту (приименное дополнение):

Marguerite herself was experienced in the ups and downs of life... (164, с.69).

Худи Маргарит дар ҳаёт настиву баландиҳоро чашидааст(перевод наш).

Сама Маргарит испытала в жизни взлеты и падения.

...My life is one long convulsive sequence of ups and downs (159, с.244).

Ҳаёти ман аз настиву баландиҳои пайдарҳами гайриихтиёрӣ иборат аст. (перевод информанта)

Моя жизнь – это длинная судорожная последовательность взлётов и падений.

В морфологическом отношении рассматриваемые обороты (за исключением *lord and master*) отличаются нулевой парадигмой. Порядок лексем этих оборотов также строго фиксирован и не допускает изменений.

Для оборотов этого структурного типа не характерна вариантность. Число вариантных оборотов с сочинительной структурой крайне незначительно.

Доказательством того, что данные обороты воспринимаются как семантическое единство, является не только наличие полного или частичного переосмысления, их употребление в качестве члена предложения, но и их способность иметь определение, общее для всех компонентов при невозможности определений к отдельным компонентам. Так, оборот *Tom, Dick and Harry* часто употребляется с определением *every*:

But don't think ... that I am a genial ass that can be worked by every Tom, Dick and Harry (160, c.69).

Фикр накунед, ки ман хари калварамам, ки ҳар касе хоҳад гирди нохунаш мегардонад. (перевод наш)

Не воображайте, что я лопухий осёл, которого может обвести вокруг пальца каждый кому не лень.

Но как обстоит дело с третьим признаком, а именно с раздельнооформленностью? Этот признак выражен слабо. Обороты этого типа, как правило, не подвергаются деформации. В деформированном виде мы встретили лишь обороты give and take [букв.дать и взять] в знач. «взаимные уступки» и Tom, Dick and Harry [букв. Том, Дик и Гэрри] в знач. «всякий, каждый». Структура рассматриваемых оборотов отличает их от сложных слов.

У некоторых разбираемых фразеологизмов имеются варианты, но их количество незначительно. Приходится также учитывать наличие внутреннего союза and и в редко встречающихся оборотах типа all the world and his wife [букв. весь мир и его жена] в знач. «все без исключения» также наличие внутреннего артикля.

Орфография не может считаться надёжным показателем фразеологичности, так как встречается и дефисное написание некоторых из разобранных фразеологизмов, хотя раздельное написание является преобладающим и должно приниматься во внимание.

Производные от фразем данного структурного типа, например, John Bullish – лақаби истехзокорони англис [букв. Джон Буль] в знач. «насмешливое прозвище англичан», встречаются редко.

Среди эвфонических средств, способствующих семантической спайке компонентов субстантивных фразем с сочинительной структурой, следует отметить аллитерацию и рифму.

Повторение одного звука - наиболее типичный вид аллитерации (fair field and no favour [букв.равное поле и без одолжения] в знач.«равные шансы для всех»;

fur and feather [букв. мех и перо] в знач. «пушной зверь и дичь»; Jack and Gill [букв. Джек и Джилл] в знач. «парень и девушка»). Повторение двух и более звуков встречается реже (dribs and drabs «слишком мало»; «кот заплакал»; prunes and prisms; stocks and stones).

Рифмование созвучия этого структурного типа также встречается редко. (John Doe and Richard Roe [букв. Джон До и Ричард Ро] в знач. «воображаемый истец и ответчик в судебном процессе»; wear and tear [букв. носить и рвать] в знач. «изнашивание»).

Иногда рифма сочетается с аллитерацией (the butcher, the bake, the candle-stick-maker).

Встречаются также аллитерированные парные синонимы (fire and fury [букв. пламя и ярость] в знач. «пламенная, неистовая страсть»; game and glee – хурсандии том [букв. игра и веселье] в знач. «веселье», «сплошное удовольствие») и парные антонимы (ebb and flow – маду чазр [букв. морской отлив и прилив] в знач. «превратности судьбы»; high and low [букв. высоко и низко] в знач. «люди всякого звания»; the rough and the smooth [букв. грубость и спокойствие] в знач. «превратности судьбы»; ups and downs [букв. вверх и вниз] в знач. «взлеты и падения»).

Как показал анализ, для всех оборотов этого структурного типа характерны устойчивость и переосмысление компонентов [20, с.124].

2. 2.2 Адвербиальные фраземы

Для адвербиальных фразем характерна полная неизменяемость. Варианты у этих фразеологизмов встречаются редко [20, с.142].

Адвербиальных фразем сопоставляемых языков значительно больше, чем адъективных, и они представлены разнообразными структурными типами с целостным или разделительно-целостным значением.

Адвербиальные сравнения выполняют в предложении одну функцию наречия - выступают в функции обстоятельства образа действия, не отделяемого запятыми.

В постпозиции к глаголу может находиться компаративная фраза в сравнительной степени, являющаяся в данном случае окказиональной:

Pretty soon Bob took his stand, and quick as a flash threw up his arm and fired (158, с.73).

Боб ба зудй чойи худро гирифт ва дар як мижа задан отаи афрӯхт. (перевод наш)

Вскоре Боб занял своё место и в мгновении ока развёл костер.

Когда сравнение употребляется в качестве обособленного определения, то оно отделяется запятыми или, если оно стоит в начале предложения, после него ставится запятая. Отсутствие или наличие запятых или запятой существенно в тех случаях, когда возникает неясность - относится ли сравнение к глаголу или к существительному [20, с.142].

Пунктуация помогает определить, имеем ли мы дело с адъективным или адвербиальным сравнением. Это видно из следующих примеров:

Old John stood, still as death, his eyes fixed on the body (162, с.237).

Чони куҳансол ҳамчун мурда хомӯш истод ва ба майит бо диққат чаши дӯхт. (перевод наш)

Старый Джон стоял безмолвный как смерть и пристально смотрел на труп.

В этом примере оборот still as death является обособленным определением, относящимся к Old John, а не адвербиальным сравнением к глаголу stood. Встречается обособленное определение и в позиции к определяемому слову:

Then in the total silence, stiff as a ramrod, the old colonel stared proudly over the assembly (162, с.221).

Сипас, дар хомӯшии том, полковники куҳансол бо такаллуф назароташиро ба ҳозирин баён намуд. (перевод наш)

Затем, в полной тишине, старый полковник, держась очень чопорно, взирал гордо на собравшихся людей.

Stiff as a ramrod относится к the old colonel, а не к глаголу stared.

Адвербиальные сравнения в контактном положении, как мы видели, не отделяются от глагола запятыми.

Само собой разумеется, что пунктуация помогает лишь в спорных случаях, а обычный адвербиальный характер сравнения ясен из той функции, которую оно выполняет в предложении, а именно функцию обстоятельства образа действия.

Адвербиальные компаративные единицы могут выступать в качестве обособленного обстоятельства. Причиной такого обособления может быть как ослабление связи между сказуемым и обстоятельством, так и стремление к эмфазе:

He's a wonderful revolver shot! I saw him knock a hole right through the aces of the four suits of cards in four consecutive shots, as clean as a whistle (163, c.108).

Ў аз таппонча бисёр хуб мепарронад! Ман дидам, ки вай чӣ гуна чор қартаи ба ҳаво партофташударо бо чор тирандозӣ зад. Кори бузург! (перевод наш)

Из револьвера он стреляет великолепно! Я видел, как он попал в подброшенные в воздух тузы четырёх мастей с четырёх выстрелов. Чистая работа!

В данном случае обособление обстоятельства *хеле чаққон - as clean as a whistle* [букв.чист как свист] в знач. «прямо», «начисто», «очень ловко» - вызывается наличием развёрнутого однотипного обстоятельства *right through the aces of the four suits of cards in four consecutive shots*.

Приведём ещё один пример использования компаративной ФЕ в качестве обособленного обстоятельства:

Quick as a flash and displaying both courage and initiative, one of the army lasses approached with a collection plate (160, c.19).

Зуд ҳасорат ва ташаббус нишон дода, яке аз духтарон бо табақча дар даст барои ҷамъоварӣ омад. (перевод наш)

Быстро, проявляя и мужество и инициативу, одна из девушек подошла с тарелкой для сборов.

В пьесах наречие часто стоит в скобках, характеризуя ту или иную манеру высказывания:

Constance (as cool as cucumber), I've always thought that ordinary ... persons had more sense than the clever ones are ready to credit them with (158, c.82).

Констансия (хеле оромона), ман ҳамеша фикр мекардам, ки ...одамони маъмулӣ назар ба боақлон бештар дорои ақли солим мебошанд (перевод наш).

Констанция (совершенно невозмутимо), которая, как я обладала куда большим здравым смыслом, характерным для обычных людей, нежели об этом думают иные умники.

Все компаративные фраземы о которых мы упомянули выше, наиболее часто используются как адъективные обороты и только по конверсии употребляются как адвербиальные. Но существуют и такие компаративные фраземы, которые являются только адвербиальными оборотами, например: *as fast as one's legs can (could или would) carry one* [букв.быстро, как могут нести ноги] в знач. «со всех ног», «сломя голову»:

Run round as fast as your legs can carry you, and tell Georgie to come here at once (158, c.71).

Тез бидав ва ба Чорч бигў, ки зуд инчо биёяд.(перевод наш)

Беги со всех ног к Джорджи и скажи, что я велю ему сейчас же прийти сюда. (перевод наш)

Нами рассмотрены компаративные фраземы, начинающиеся с союза like или as if. Некоторые компаративные словосочетания, начинающиеся с союза like (типа like a bat out of hell [букв.как летучая мышь из ада] в знач. «как будто за ним черти гонятся»), являются интенсификаторами. Но многие из компаративных фразеологизмов данного структурного типа не являются интенсификаторами, так как, обладают другой семантикой, например: like a bolt from the blue [букв.как болт с неба] в знач. «как гром с ясного неба»; like a cat on hot bricks [букв.как кошка на горячих кирпичках] в знач.«не по себе»; «не в своей тарелке», «как на углях», «как на иголках»; like a drowned rat [букв.как крыса, которая утонула] в знач. «промокший до костей, до последней

нитки»; like a dying duck in a thunderstorm [букв.как умирающий утёнок в грозу] в знач. «человек не в своей тарелке»; like a needle in a bundle (или bottle) of hay [букв.как иголка в стоге сена] в знач. «как иголка в стоге сена»: like a Trojan [букв.как Трой] в знач. «мужественно», «доблестно»; like one riveted (или rooted) to the spot [букв.словно прикованный к месту] в знач. «как вкопанный»; like water off a duck's back [букв.как с гуся вода] в знач. «как с гуся вода» и др [20, с.144].

Все эти фраземы являются целиком образными адвербиальными оборотами, образующими второй элемент сравнения. Полное сравнение возникает лишь в речи.

You 're as wet as a drowned rat, sit down and dry yourself, and speak straight forward (163, с.267).

Шумо то ба устухонатон тар шудед, бишинед, худатонро хушккунед ва дар мавриди ҳама чиз бигӯед. (перевод наш)

Вы промокли до костей, садитесь, обсушитесь и расскажите всё. (перевод наш)

Flattery fell off him like water from a duck's back (158, с.82).

Хушомад ба Нейла ҳеч таассуроте нагузоит. (перевод наш)

Лесть не производила на Нейла ни малейшего впечатления (перевод наш).

Компаративные обороты данного структурного типа в других контекстах могут употребляться обособленно в качестве эллиптического предложения, но опущенными являются переменные компоненты, поэтому природа фразем не меняется, усиливается лишь их зависимость от контекста.

I have worked like a Trojan al l day ... (158, с.27).

Тамоми рӯз ман дев барин кор кардам. (перевод наш)

Весь день я работал как каторжный. (перевод наш)

Большинство перечисленных оборотов употребляется редко. Те из них, которые не имеют вариантов, относятся к классу идиом. Фраземы же данного структурного типа, имеющие варианты, например like a needle in a bundle of

hay, относятся к фраземам с константно-вариантной зависимостью компонентов.

Несколько компаративных словосочетаний начинаются с союза as if, например: as if by magic [букв.как по волшебству] в знач. «словно по волшебству»; as if touched with a wand [букв. как будто прикоснулись палочкой] в знач. «как по мановению волшебной палочки».

Обороты этого структурно-семантического типа, так же как компаративные фраземы, начинающиеся с союза like являются частично компаративными фраземами:

There was dinner prepared, and there were bedrooms ready, and everything was arranged as if by magic (162, с.64).

Онҳоро хӯроки нисфирӯзӣ мунтазир буд, ҷойи хоб ва тамоми чиз ба таври ҳайратангез омода шуда буданд. (перевод наш)

Их ждал обед, спальни были приготовлены, и все устроено как по волшебству. (перевод наш)

2.2.3 Глагольные фраземы в аспекте номинации

Исследование проблемы номинации традиционно связывалось со словами предметно-ориентированной семантики. Между тем, номинативный аспект глагольных лексем до сих пор остается недостаточно изученным, хотя не вызывает сомнений тот факт, что единицы языка, обозначающие несубстанциальную деятельность должны быть также рассмотрены в аспекте их номинативной ценности.

В работах Н. М. Мининой, А.А.Уфимцевой , Е. С. Кубряковой предпринимается успешная попытка восполнить этот пробел [81,96, 69]. Сходство общей парадигматической категориальной характеристики глаголов и глагольных фразеологизмов позволяет утверждать, что для глагольных фразеологизмов в равной степени характерны такие общие грамматические категории, как процессуальное состояние, бытие, деятельность, движение и в основе их денотативной отнесённости также лежит активный признак, соотнесенный со временем .

Фразеологизмы в большей степени, чем глагольные лексемы, обнаруживают способность передачи сложной дополнительной информации, включают в себе экспрессивную, эмоционально-оценочную характеристику явлений действительности, отношение к ним, что обуславливает их способность заполнять лакуны в системе языковой номинации. Это положение находит своё наиболее полное подтверждение в семантической группировке фразеологизмов исследуемого типа.

Каждая из глагольных фразеологических единиц, объединённых в фразеосемантические группы, неповторима в плане своей номинативной ценности и содержит не только большой объём дополнительной информации о характере поступков, поведения человека, но также и особую характерологическую эмоциональную оценку обозначаемого действия по сравнению с теми инвариантными смыслами, по которым они соотносятся в подгруппах и микрогруппах. Ни одна из глагольных фразеологических единиц не дублирует слово или другую фразеологическую единицу, ни одна не является лишней в языке, каждая из них занимает своё законное место в системе номинативных средств.

О дублировании, хотя весьма относительном, можно говорить только в тех случаях, когда фразема идентифицируется нейтральным эквивалентом, синонимичным словом. Эта группа немногочисленна и включает в себя такие фраземы, как например, *kick the bucket* [букв.ударить ногой ящик] в знач. «сыграть в ящик», *join the majority* [букв.присоединиться к большинству] в знач. «отправится к праотцам»; *cut the rug* [букв.отрезать ковёр] в знач. «танцевать»; *hang a leg* [букв.повесить ноги] в знач. «решаться»:

He did not talk to them; they had already been told exactly what each of them was to do , and who was to do what in case the first-choice man kicked the bucket or was otherwise out (158, c.32).

Он не разговаривал с ними; им уже было сказано, кому что делать и кого заменять, если соседа ухлопают или ранят.

How about cutting the rug a little, Miss Thompson ? Or is your programme filled up? Let me have a look at it (162, c.67).

Не станцевать ли нам, мисс Томпсон? Или ваша программа вся заполнена? Позвольте взглянуть.

Анализ лингвистической литературы по вопросам вторичной номинации позволяет утверждать, что поскольку семантический результат номинации во фраземе иной, чем в слове, во фразеологии «срабатывают» иные механизмы номинации, а поэтому критерии и характеристики лексической вторичной номинации могут быть применены к фразеологической номинации весьма относительно [11, с.6].

Для целей данного исследования плодотворным представляется подход, который предложила В.Н.Телия, позволяющий учитывать при характеристике процесса вторичной номинации взаимодействие основных четырёх компонентов - таких как:

- 1) действительность;
- 2) понятийно-языковая форма ее отражения;
- 3) переосмысливаемое значение языковой формы, опосредующее отнесенность нового смысла к действительности;
- 4) языковая форма в её вторичной функции наречия [106, с.159].

Во фраземах как единицах фразеологической косвенной номинации каждый из указанных четырёх компонентов имеет своё специфическое проявление. Как и во всех единицах вторичной номинации, в качестве имени здесь выступает расчленённая «готовая» форма, которая вторично используется на основе её косвенного опосредованного соотношения с действительностью.

Плодотворным представляется подход к проблеме номинации фразем, при котором под переосмыслением понимается переход смысловых функций от денотата языковой единицы к другому денотату, представляющему абстракцию от первого.

Специфика фразеологической номинации проявляется не только в возрастании роли внутренней формы во фраземе, но и в гетерогенном характере их номинативной структуры, что во многом определяется неодинаковой ролью во фраземе внутренней формы. Исследование внутренней формы фразеологизмов с позиции теории номинации определяет наш подход к рассмотрению проблемы.

Анализ фразем с точки зрения степени проявления в них внутренней формы позволяет разграничить два вида фразеологической косвенной номинации:

1) I-й вид фразеологической номинации объединяет в себе двуплановые фразеологические единицы с живой внутренней формой. Такие фраземы мотивированы и сохраняют связь со своим прототипом. В основе их номинации лежит образное представление о каком-либо явлении или факте действительности, поэтому их внутренняя форма легко осознаётся носителями языка. Образность, составляющая основной номинативный признак таких фразем, создаётся на основе дву- планового характера их номинации. Например, wear a mask-ниқоб пўшидан [букв.носить маску] в знач. «притворяться, скрывать свои истинные намерения», win (gain) laurels-шўхратманд шудан [букв.получать лавры] в знач. «стяжатьлавры, достичьславы»:

*Don't come near me. Don't touch me. I feel as if you had soiled me for ever. Oh!
What a mask you have been wearing all these years! (162, с.85).*

Назди ман набиё. Ба ман даст нарасон. Ту маро шарманда кардӣ. Ту тамоми ин солҳо дар рўй ниқоб пўшида будӣ! (перевод наш)

Не подходи ко мне. Не трогай меня. Ты вымарал меня в грязи. Все эти годы ты носил маску (перевод наш).

*But a young man had to work very hard to gain his laurels (158, с.12).
Барои шўхрат пайдо кардан, ҷавонмард бояд сахт кўшиши намояд.
(перевод наш)*

Чтобы пожинать лавры, молодой человек должен усердно работать (перевод наш).

2) II-й вид фразеологической номинации объединяет в себе фразеологические единицы, которые характеризуются одноплановостью [11,9]. Внутренняя форма таких фразеологизмов, как правило, не осознаётся говорящими: для оживления признаков, мотивирующих номинацию таких фразем, требуется развёрнутое этимологическое исследование. Внутренняя форма одноплановых фразем восстанавливается в отдельных элементах толкования - авторских комментариях и пояснениях, но практически не восстанавливается в речи за исключением редких случаев окказионального употребления.

Например: *bell the cat* – чурьят (часорат) кардан [букв. звонить кошкой] в знач. «отважиться, взять на себя риск, инициативу в опасном деле»; *bury the hatchet* – сулх бастан, оштй кардан [букв. зарыть топорик] в знач. «заклечь мир, помириться, прекратить вражду».

Shall we bury the hatchet and make it a loving-cup? (151, с.27).

Хўш, душманиро наси сар менамоему, дўстиро боз аз нав дар сари як пиёла чой барқарор мекунем? (перевод наш)

Ну, зароем топор войны, разошьем чашу дружбы и возлюбим друг друга (перевод наш).

Анализ словарных дефиниций показывает, что сложное понятийное содержание фразеологизма, как правило, передается с помощью сложных по своему построению словарных определений - развернутых словосочетаний или даже предложений, а также комбинированным способом - с помощью описательного оборота и слова или описательного оборота и фразеологической единицы и, как было отмечено выше, лишь некоторые фраземы идентифицируются словом-синонимом. Этот факт свидетельствует о сложном способе номинации глагольных фразем исследуемой структуры [9, с.10].

Данные, полученные при анализе словарных дефиниций, позволяют нам судить о типах номинации, т.е. о способе отражения явлений действительности в семантической структуре фразеологизмов. Как известно, Н. Д. Арутюнова одна из первых предприняла попытку разграничить слова по характеру закреплённых в них признаков предметов и явлений [18, с.35]. Дальнейшее развитие этой трактовки привело к выработке критерия типа номинации.

В настоящем исследовании мы применяем указанный критерий к характеристике фразеологического материала, что даёт возможность разграничить два класса фразем - **фраземы синтетической и аналитической номинации**. Признаком, положенным в основу разграничения фразем по типу номинации, служит способ отражения в их семантической структуре фактов и явлений действительности. Такой ракурс рассмотрения позволяет нам вскрыть специфику и закономерности, присущие номинации глагольных фразеологических единиц по сравнению с глаголами. Во фраземах синтетической номинации отражен комплекс признаков, свойственных глагольному денотату.

Наибольшей степенью синтетичности обладают такие фраземы, в которых глагольное действие, выраженное в их словарных дефинициях, усложняется оценочной, качественной характеристикой, т.е. указанием на то, «как», «почему», «с какой целью» и т.д. происходит то или иное действие, какие участники ситуации вовлечены в него, например, *pass the buck* - масъулиятро ба дўши дигар кас гузоштан [букв. проезжать на олене] в знач. «сваливать ответственность на другого», *start a hare* - масъалаи нав гузоштан, суханро ба дигар чо бурдан [букв. начать с зайца] в знач. «поднять, выдвинуть новый вопрос», «переменить тему разговора», «отвлечь внимание говорящего от темы разговора»; *bed the question* - бар фоидаи худ масъалагузорӣ кардан [букв. сажать вопрос] в знач. «начинать с желательного для себя вывода, а не с доказательства»; *spoil the Egyptians* - аз ҳисоби касе бурд кардан [букв. портить египтян] в знач. «пожиться за счёт врага»:

You 're a good fellow, McCall, but the very devil to converse with. You start a hare with every sentence, and don't hunt down one of them (162, с.10). Шумо як чавони хуб ҳастед, Маккол, аммо сўҳбат кардан бо шумо бисёр душвор аст. Дар ҳар як ҷумла шумо фикри наве доред, вале ягонтои онро ба охир намерасонед. (перевод наш)

Вы славный малый, Маккол, но беседовать с вами дьявольски трудно. У вас в каждой фразе новая мысль, и вы ни одну из них не доводите до конца.

Buzz 'I'll be able to pass the buck for not creating any real relief for poverty. (157, с.16).

Баз кӯшиш мекунад ҳар гуна масъулиятро аз сари худ соқит бикунанд, барои он ки ба камбизоатон кӯмак расонида шуда набуд (перевод наш). Баз постарается сложить с себя всякую ответственность за то, что не была оказана помощь беднякам. (перевод информанта)

How does a man of your strict principles reconcile yourself to cheat to revenue? It's mere spoiling the Egyptians. – replied Andrew (160, с.45).

Чӣ гуна шумо инсонии дорои қоидаҳои қатъӣ ба худ раво мекунед, ки хазиначаро бидуздед? Ин танҳо маънии зораткардани душманонро дорад – ҷавоб дод Эндрю. (перевод наш)

Как же это вы, человек строгих правил, позволяете себе обкрадывать казну? Это значит только ограбить нечестивцев. - ответил Эндрю.

Во фраземах аналитической номинации глагольный денотат характеризуется лишь по какому-либо одному признаку, например, kick the bucket – мурдан [букв. ударить ногой ящик] в знач. «сыграть в ящик»; follow the plough- заминдор будан [букв.следовать за плугом] в знач. «быть земледельцем»; blaze the path(trail, way) - роҳкушой намудан [букв. прокладывать тропу] в знач. «прокладывать путь в лесу, делая зарубки на деревьях»; tread the stage (boards) – актёр будан, дар сахна баромад намудан [букв.ступать на сцену] в знач. «выступать на сцене, играть в театре, быть актёром»; tread (walk) on air-аз хурсандӣ бол баровардан[букв. ходить по воздуху] в знач. «радоваться, ног под собой не чувствовать».

Besides on Monday he would begin his farming. And she smiled. Was it Burns who followed the plough? (158, c.15).

Ғайр аз ин, ӯ рӯзи душанбе дар ферма корро шурӯъ мекунад. Вай табассум кард. Наход ин Берни заминдор бошад? (перевод информанта)

Впрочем, с понедельника он приступит к работе на ферме. Она улыбнулась. Неужели Берн земледелец?

Поскольку различие между синтетической и аналитической номинацией находит отражение, прежде всего, в словарных определениях, мы и берём их за основу при выявлении принадлежности фразеологизмов к тому или иному типу номинации.

При исследовании фразеологизмов типа «глагол + существительное» обращает на себя внимание значительный перевес фразем синтетического типа номинации над фраземами аналитического типа. Анализ фразем с точки зрения способа отражения действительности позволил сопоставить результаты проведённого исследования с данными, полученными при анализе глаголов: в глагольных фразеологических единицах, в отличие от глаголов, наблюдается качественно обратное соотношение типов номинации. Многочисленность и неоднородность фразем синтетической номинации позволяет также разграничить фраземы по степени синтетичности, выделив градацию синтетичности [9, с.12].

Определение природы коннотации фразем в аспекте номинации относится к числу наиболее важных вопросов фразеологии. Коннотативный аспект значения играет ведущую роль в семантической структуре фразеологизмов: усложнённость семантики фразем происходит, главным образом, благодаря преобладающей роли коннотативного аспекта значения. Всё это определяет необходимость его учета при анализе особенностей фразеологической номинации.

Коннотация рассматривается нами как дополнительная информация, которая наслаивается на основное предметно-логическое значение

фразеологизма, представляет собой важный компонент содержательной структуры фразем и во многом определяет его информативную ценность.

При рассмотрении коннотации в интересующем нас аспекте мы исходим из известного положения о том, что между интеллектуальным и эмоциональным планами языка существует тесное взаимодействие и взаимовлияние. Действительно, объективная реальность раскрывается во взаимосвязи чувственного и рационального, т.е. во взаимосвязи логических форм мышления и эмоционального восприятия действительности, которые нередко находят воплощение в различного рода оценочных квалификациях [9, с.13].

В свете изложенного правомерным представляется разграничение коннотативной и интеллектуальной оценки. На необходимость разграничения оценочного как элемента коннотации и элемента денотации указывает и И.А. Стернин [102, с.103], основываясь на анализе структурных компонентов лексического значения.

Оценка, зафиксированная в словарной дефиниции, рассматривается как оценка интеллектуальная. Такая оценка является частью предметно-логического значения.

Например, *beat the drum* – *нагора навохтан* [букв.бить барабан] в знач. «трубить, шумно раздувать»; *paint the lily* – *ба кори беҳуда машгул шудан* [букв. красить лилию] в знач. «заниматься бесплодным делом»:

Don't you know that you have a reputation for putting on airs a little for painting the lily a bit? (158, с.219)

Магар намедонед, ки шумо ҳамчун духтари ҳавобаланд ва ба корҳои беҳуда машгул, машхур шудаед. (перевод наш)

Разве вы не знаете, что прослыли девушкой, склонной немного задирать нос и несколько приукрашивать свои бесспорные достоинства?

Эмоциональная коннотативная оценка имеет имплицитное выражение, наслаиваясь на основное предметно-логическое значение фразеологизма; словарные дефиниции таких фразем нейтральны в плане выражения оценки.

Имплицитный характер оценочной коннотации проявляется в том, что указание на неё содержится в пометах, авторских комментариях и пояснениях и других элементах толкования. Оценочность в таких фраземах находится в прямой связи и зависимости [9, с.14].

Нейтральной в плане выражения интеллектуальной оценки является фразема *move hell*, имеющая дефиницию *make every effort*.

Однако коннотативная отрицательная оценка, наслаиваясь на основное предметно-логическое значение, выраженное в словарной дефиниции, придаёт данной фраземе отрицательный смысл, на что указывается в авторском комментарии: *generally used only when the effort is to accomplish smth. bad or unkind* (в основном используется только в том случае, когда старания или усиления достигают по средствам чего-то плохого или недоброго).

К данной группе можно также отнести следующие синонимичные фраземы: *ба он дунё рехлат кардан - join the majority* [букв.присоединиться к большинству] в знач. «отправиться к праотцам»; *фаъолияти худро қатъ намудан - quit the scene (stage)* [букв.покинуть сцену] в знач. «сойти со сцены»; *ба олами фано рафтан - take the ferry* [букв. переправиться на пароме] в знач. «отправиться к праотцам, умереть».

Необходимость выделения 3-ей группы фразем обусловлена тем, что в таких фраземах оценочность является элементом коннотации, так и денотации, о чём свидетельствует двоякая фразеологическая трактовка оценки: в одном фразеологическом источнике - как интеллектуальная оценка, зафиксированная в словарной дефиниции, например, *хўчаинӣ кардан - rule the roots* [букв.править корнями] в знач. «задавать тон, хозяйничать, распорядиться (заправлять) делами»; *роҳбарӣ кардан – toboss (run) the show* [букв. править показом] в знач. «контролировать, руководить» и в другом - как эмоциональная коннотативная оценка.

Словарная дефиниция в таком случае нейтральна в плане выражения оценочности. Указание на неё содержится в авторских комментариях, пояснениях и других элементах толкования [9, с.15].

Например, фармондиҳї кардан - rule the roots [букв.править корнями] – «верховодить, командовать, повелевать»; роҳбарї кардан- boss (run) the show [букв. править показом] «руководить, контролировать»:

–I don't mind having a try – only, who's going to boss the show? (158,165)

Ман омода ҳастам, ки кӯшиш намоям, вале кӣ роҳбар мешавад?
(перевод наш)

Я готов попробовать, но кто у нас будет главным?

And he added suddenly: I'm not easy. If I'd realized how that chap Elderson ruled the roots. I doubt if I should have come on that Board (154, с.201).

Ман комилан ором нестам. Агар ман аз аввал медонистам, ки ин Элдerson корҳоро чӣ гуна пеш мебарад, - ба гумон аст, ки ман воридаи Шӯро мешудам. (перевод наш)

Я не вполне спокоен. Если бы я знал раньше, как этот Элдerson ведёт дела - вряд ли я вошёл бы в правление.

Номинативный статус фразеологизмов как единиц вторичной косвенной номинации предполагает также исследование их компонентного состава, являющего собой основную базу для номинации, природную материю фразем. Всё это обуславливает необходимость детального рассмотрения вопроса о компонентном составе фразеологизмов в аспекте их номинативной функции.

Анализ различных взглядов на природу компонентов подтверждает неправомерность подхода к компонентам фразем как к внесловным образованиям, при котором исключается уже сама возможность исследования семантики компонентного состава фразем в номинативном аспекте.

Признание словарной природы компонентов фразем определяет необходимость учёта разной степени словности компонентов, в частности того, что в разных типах фразем компонент лишён однородных свойств и по разному участвует в номинации.

Мы поставили перед собой задачу охарактеризовать каждый из компонентов с помощью ряда оппозиционных признаков и на основе этого выявить основные типы фразообразовательных структур ФЕ типа «глагол + существительное». Используя имеющийся опыт выделения фразообразовательных структур, предложенный Ю.А. Гвоздарёвым на материале русской фразеологии [43, с.156], мы в то же время обнаруживаем, что разработанные им критерии не могут быть применены к исследуемому материалу, что определяется спецификой английского фразообразования в целом и исследуемого структурного типа фразем в частности.

Так, при характеристике компонентного состава фразем возникла необходимость в увеличении набора оппозиционных признаков, по которым компоненты получают свою качественную семантическую характеристику.

Компоненты фразем обнаруживают различие, прежде всего, по типу номинации, т.е. по характеру соотнесённости с элементами внеязыковой действительности: непосредственному – прямая номинация и опосредованному – косвенная номинация.

Различие между компонентами проводится также по признаку наличия или же отсутствия в них образности.

Сопоставление компонентов по характеру соотнесённости и несоотнесённости с лексическими единицами языка позволяет разграничить их по форме: компоненты с реликтовой формой и компоненты с нереликтовой формой.

Четвёртая пара оппозиционных признаков противопоставляет компоненты фразем по их способности и неспособности к свободному употреблению в указанном значении.

Приведённый набор четырёх оппозиционных признаков позволяет нам разграничить пять групп компонентов и далее, на основе указанных групп определить фразообразовательные структуры, присущие исследуемым фраземам. Охарактеризуем каждую из пяти выделенных фразообразовательных структур:

1. Фразеобразовательная структура включает в себя фраземы типа acknowledge (admit, confess) the corn - икрори хакиқат [букв. принимать зерно] в знач. «признать правильность чьего - либо утверждения, признать свою вину»; miss the bus - имконият аз даст додан [букв. пропустить автобус] в знач. «упустить возможность, проворонить что либо»; tell tales - бофтаи хаёлот [букв. рассказывать истории] в знач. «рассказывать неправдоподобные истории» и объединяет в себе компоненты I и В группы.

2. Различие между компонентами этой фразеобразовательной структуры происходит по типу номинации и по характеру реализации значения компонента: в свободном употреблении или только в составе фразем:

The temptation to "tell the tale " to the new comer was too strong (162, с.245).

Васвасаи ба навомада ягон ҳикояи аҷибу ғарибро нақл кардан хеле бузург буд. (перевод наш)

Искушение рассказать новичку какую-нибудь диковинную историю было слишком велико. (перевод наш)

I was frightened the first night I slept there. I own it, yes, sir, I acknowledge the corn (161, с.123).

Бояд иқрор шавам ҷаноб, ки ман шаби аввал аз дар он ҷо хобидан тарсидам. (перевод наш)

Должен признаться, сэр, да, должен чистосердечно признаться, что я боялся спать там первую ночь. (перевод информанта)

Фразеобразовательная структура проявляется, главным образом, в сфере фразеоматики. Специфика этой фразеобразовательной структуры состоит в том, что в её состав входят компоненты четвертой группы, которые способны употребляться в языке в том же образном значении, что и в составе фразеоматического оборота. Так, компонент hit фразеоматического сочетания make a hit в своём образном переносном значении существенно отличается, скажем, от компонента типа plunge во фраземе take the plunge [букв. брать погружение] в знач. «решиться, сделать решительный шаг, принять серьёзное решение». Поэтому неправомерной представляется такая фразеологическая

трактовка, когда слову (компоненту ФЕ) навязывается значение, которое оно во фраземе не имеет, как например, *plunge (fig) decisive step* (решительный шаг) в *the Concise Oxford Dictionary*.

Выверка значений слова *plunge* по различным словарям показала, что такого переносного значения это слово не имеет. В целом фразема означает: *take a decisive step*, т.е. сделать решительный шаг.

Фразеоматические обороты, относящиеся к этой фразеобразовательной структуре, различаются характером проявления в них образности, что позволяет разграничить следующие 5 типов этой фразеобразовательной структуры:

1. Глагольный компонент употребляется в буквальном значении, а именной компонент может быть образным в свободном употреблении, например: идора кардан - *take (hold) the reins* [букв. брать поводья] в знач. «управлять, иметь решающий голос»; шўхрат ба даст овардан - *win (gain) laurels* [букв. достичь лавров] в знач. «достичь славы»

2. Глагольный компонент является образным в свободном употреблении, а именно, компонент оборота употребляется в буквальном значении, как, например, в *play possum* - мурда ё хоб вонамуд кардан [букв. играть опоссума] в знач. «притвориться больным, спящим или мертвым» [11, с.19]:

Doctor's go to fool with that thief in' little nigger. Probably playing possum (162, с.345).

Духтур вақт надорад, ки аз паси ин духтараки дузди сиёхпўст саргардон шавад. Эҳтимол ки ў вонамуд мекунад (перевод наш).

У доктора нет времени возиться с этой маленькой черной воровкой. Вероятнее всего, она притворяется.

3. Глагольный компонент является образным только в составе оборота, а именной компонент имеет образное свободное употребление в языке, например *skim the cream* - қаймоқ гирифтан [букв. снимать сливки] в знач. «брать себе лучшую часть чего-либо»; *wear a mask* - ниқоб пўшидан

[букв.носить маску] в знач. «притворяться, скрывать свои истинные намерения».

4. Оба компонента фразеоматического оборота - глагольный и именной - могут быть образными в свободном употреблении и вместе они образуют устойчивое бинарное сочетание серийного порядка, как, скажем play the bear [букв.играть медведя] в знач. «разрушить, погубить»; play the hog [букв.играть свинью] в знач. «быть эгоистом». Сюда же относятся и обороты типа pluck a pigeon [букв.обирать голубя] в знач. «думать только о себе».

5. Глагольный компонент является образным в свободном употреблении, а именной компонент может быть образным лишь в составе оборота, например: play gooseberry [букв.играть крыжовник] в знач. «внести разлад»:

I'll play old gooseberry with the office, and make you glad to buy me out a good high figure (158, с.89).

Шумо холо бо собуни ман чомашуй накардаед, барои фидияи хуб дода аз ман халос шудан, хурсанд хоҳед шуд. (перевод наш)

Я вам покажу, где раки зимуют, будете рады откупиться от меня за хорошие деньги.(перевод информанта)

III. Фразеобразовательная структура объединяет в себя образные фразеологизмы с живой внутренней формой, т.е. оба компонента образны лишь в составе фразем.

Компоненты этой фразеобразовательной структуры относятся к III группе компонентов и характеризуются одинаковым набором признаков. Представляется важным разграничить два типа этой фразеобразовательной структуры:

а) фраземы, компоненты которых опосредованно называют явления действительности на основе ассоциации по смежности, как, например, swallow the bait [букв. проглотить приманку] в знач. «поддаться искушению», «попасться на удочку»; gather roses [букв. собирать розы] в знач. «срывать цветы удовольствия»:

But it may be that I am under estimating the alacrity of human folly in rising to the bait (158, c.239).

Аммо шояд ман қобилияти аблаҳҳоро барои ба дом афтодан дуруст ба эътибор намегирам. (перевод наш)

Но, возможно, я недооцениваю способность глупцов попадаться на удочку.

We had four days in which to make merry and gather the roses, after that, who knows? (158, c.76)

Мо дар ихтиёр чаҳор рӯз доштед. Мо тавонистем хурсандӣ кунем ва гулҳои лаззатро бичинем. Зеро кӣ медонад, ки чӣ мешавад. (перевод наш)

В нашем распоряжении было четыре дня. Мы могли веселиться и срывать цветы удовольствия. Ведь кто знает, потом что будет? (перевод наш)

б) фраземы, компоненты которых опосредованно называют явления действительности на основе ассоциации по смежности, например, *cheat the gallows* [букв.обманывать виселицу] в знач. «умереть своей смертью»; *smell powder* [букв.нюхать порох] в знач. «боевой опыт»:

They don't want inexperienced young things for the job. They want people who have had a smell of powder (160, c.56).

Барои ин кор ба онҳо ҷавонони бетачриба лозим нестанд. Ба онҳо гургони борондида лозим ҳастанд. (перевод информанта)

Для этой работы им не годятся зеленые юнцы. Нужны люди, понюхавшие пороху. (перевод информанта)

IV. Фразообразовательная структура фразем характерна, главным образом, для идиом – фразем с мертвой внутренней формой. Например, *walk the plank* - [букв.ходить по доске] в знач. «быть уволенным, вылететь с работы»; *drop the pilot* [букв.бросать лётчика] в знач. «отвергнуть верного советчика».

V. Фразообразовательная структура фразем содержит в своём составе один компонент с реликтовой формой, т.е. лексический или семантический

архаизм, например, *try conclusions (with)* - қувваозмой кардан [букв. пытаться с заключением] в знач. «помериться силами»:

Already, at mere sight of them, I was anxious to try conclusions with them on some important mission to see which of us was the better man (158, с.98).

Бо як назар ба онҳо ман хостам бо онҳо дар мавриди ягон кори муҳим қувваозмой намоям, ки кадоме аз мо беҳтар аст. (перевод наш)

При одном взгляде на них мне захотелось помериться с ними силами в каком-нибудь важном деле и посмотреть, кто из нас окажется лучше.

Итак, мы пришли к выводу что, фраземы составляют второй продуктивный двухвершинный тип фразеологических единиц. Имеющиеся в их составе грамматические средства былых синтаксических связей, как и знаменательные компоненты, выступают в функции материальных элементов знака. Тем не менее, все структурно-семантические разновидности фразем, показывая особое своеобразие лексико-структурного состава и богатую семантическую палитру, отличаются от других структурно-семантических типов. Тем самым все разновидности фразем образуют отдельную фразеологическую подсистему общей фразеологической системы таджикского, английского и русского языков.

Лексико-структурные и семантические особенности фразем – абсолютная непроницаемость их лексического состава, устойчивость структуры и большой диапазон выражаемых ими грамматических значений, приближает их к словам, хотя по основным особенностям – дифференциальным признакам и категориальным свойствам, они остаются быть фраземами и находятся в системе языковых единиц в одном ряду с фразеологическими единицами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное состояние изучения и анализа таджикской, английской и русской фразеологии свидетельствует о больших достижениях в этой области, а именно:

1. По многим аспектам исследования фразем, таким, как их синхронное и диахронное состояние; семантические, структурные и стилистические особенности; лексико-фразеологические и грамматико-фразеологические разыскания и т.п. накоплен достаточный опыт, установлены определённые закономерности бытия и функционирования фразем.

2. Собранный фактический материал, накопленный многолетний опыт, установление определённых закономерностей по таджикской, английской и русской фразеологии на современном этапе её изучения, всё настоятельнее требуют создания обобщающих и систематизирующих работ. Осуществление таких исследований, в свою очередь, направляет на поиски новейших методов и приёмов, которые позволили бы с наибольшей достоверностью систематизировать реальный фразеологический пласт в современной таджикской, английской и русской языковой системе.

3. Обоснованный и применённый в данной работе метод системного исследования фразем современного таджикского, английского и русского языков раскрывает в этом направлении необъятные перспективы. При таком исследовании исключается субъективный подход, требуется точная подача языкового материала и его объективная интерпретация. Суть данного метода в исследовании фразем сопоставляемых языков заключается в системном рассмотрении любого их объекта. С этих позиций каждая отдельно взятая фразема таджикского, английского и русского языков нами рассмотрена как упорядоченный целостный объект, который отличается от всех других языковых явлений некоторыми признаками, занимает в ряду с ними определённый статус, обладает категориальными особенностями, которые проявляются в его парадигматических и синтагматических особенностях.

4. Фразема, являющаяся одной из семантических разновидностей фразеологической единицы, заполняет лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить наименование познанных человеком новых сторон действительности и во многих случаях является единственным обозначением предметов, свойств, процессов, состояний, ситуаций и т.д. Образование фразем ослабляет противоречие между потребностями мышления и ограниченными лексическими ресурсами языка. Фразеологический пласт – это сокровищница языка. В семантических типах ФЕ, таких как идиомы и фраземы, находит отражение история народа, своеобразие его культуры и быта. В особенности фраземы часто носят ярко национальный характер. Наряду с чисто национальными фраземами в английской фразеологии имеется много интернациональных фразем. Английский фразеологический фонд очень богат фраземами, наряду с исконными фраземами в нём в большом количестве имеется немало заимствованных фразем.

5. Единицы переменного, устойчивого и узואльно ограниченного контекста могут составлять объект синтаксического, контекстологического, стилистического анализа. Единицы постоянного контекста представляют собой объект фразеологии. Именно она и составляет в своей совокупности фразеологический фонд языка.

6. Опорными фундаментальными понятиями теории фразеологии являются понятия постоянного контекста, его разновидностей и форм его вариаций. Как нам представляется, именно понятие постоянного контекста может служить надёжным, твёрдым, т.е. всегда равным самому себе и имеющим определённые конкретные признаки критерием для дифференциации фразеологических единиц не только от переменных сочетаний, но и от образований, построенных по стилистико-грамматической модели, от традиционных описательных словосочетаний с фиксированной номинацией.

7. Системно рассмотрены фраземы наряду с другими языковыми единицами, выявлено, что они имеют много общего с остальными единицами общеязыковой системы, с такими как фонема, морфема, лексема. Как и всякие другие языковые единицы, фраземы обладают относительной автономностью, воспроизводимостью и дискретностью. Фраземная система, состоящая из совокупностей слов, их вариантов, а также других модификаций, взятых в их структурных связях, и правил комбинирования, занимает особое положение в ряду с другими уровнями общеязыковой системы.

8. Проведённое исследование показывает, что фразему следует рассматривать как стабильно наполненную структурную схему двумя или более генетически знаменательными словами – компонентами, имеющими устойчивую знаковую форму, цельнозначную и традиционно функционирующую в языке. Основные дифференциальные признаки языковых единиц в сфере фраземы проявляются с некоторыми особенными дополнительными свойствами:

- материальность во фраземах подкрепляется компонентным составом, где отдельные компоненты выделяются не только фонетической, но и просодической самостоятельностью;

- по семантике все фраземы целостны, что легко определяется при их идентификации с синонимичными с ними средствами языка;

- воспроизводимость во фраземах закреплена нерасчленимостью их лексико-структурного состава. Это подтверждается отсутствием (или же) расслаблением) в них синтаксического и логического членения, а также устойчивостью их лексико-структурного состава.

9. Уточняются и идиоматичные признаки фраземы: особенности внутренней формы, различные лексико-грамматические аномалии, материальные выражения экспрессивности во фраземах выделяются как особые идиоматичные признаки. Идиоматичные признаки как особые дифференциальные признаки фраземы отличаются от явлений

идиоматичности, выступающей как категориальное свойство фразеологической семантики.

10. На основании специфических категориальных особенностей фраземы, в частности, особенностей лексико-структурного состава фразеологического знака, собственно фразеологического значения, обобщенных фразео-грамматических форм, а также их общей семантики, рассматриваемых как фразео-грамматические значения, выделяются структурно-семантические типы фразем современного таджикского, английского и русского языков.

11. В сложных по структуре фраземах также чётко выражены лексико-структурные показатели их знаковости и семантики, хотя приходится учесть, что они не так свободно могут члениться на замкнутые и незамкнутые. Представлены они в основном в их многочисленных подтипах. По фразеологическим значениям они могут быть концептуальными, концептуально-образными и образно-обобщёнными, а по фразео-грамматическому значению преимущественно - предикативно-глагольными и междометными.

12. Фраземы составляют второй продуктивный двухвершинный тип фразеологических единиц. Они также генетически образовались по имеющимся в языковой системе моделям словосочетаний. Как и в случае фразеологических единиц, в них живые синтаксические отношения потеряли свою актуальность. Имеющиеся в их составе грамматические средства былых синтаксических связей, как и знаменательные компоненты, выступают в функции материальных элементов знака. Тем не менее, все структурно-семантические разновидности фразем, показывая особое своеобразие лексико-структурного состава и богатую семантическую палитру, отличаются от других структурно-семантических типов. Тем самым все разновидности фразем образуют отдельную фразеологическую подсистему общей фразеологической системы таджикского, английского и русского языков.

13. Лексико-структурные и семантические особенности фразем – абсолютная непроницаемость их лексического состава, устойчивость структуры и большой диапазон выражаемых ими грамматических значений, приближают их к словам, хотя по основным особенностям – дифференциальным признакам и категориальным свойствам, они остаются быть фраземами и находятся в системе языковых единиц в одном ряду с фразеологическими единицами.

Таким образом, фраземная система современного таджикского, английского и русского языков отражает определённые стороны его общей системы, а её структурно-семантические типы представляют различные структурные схемы, бытующие ныне или же когда-либо существовавшие в языке. Структурно-семантический тип фраземы – это наиболее абстрагированное от былых структурных, грамматических и лексических особенностей устойчивое аналитичное явление языка, указывающее на особое значение – а именно - фразеологическое значение.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Абреимова, Г. Н. Трансформированные фразеологизмы в произведениях И. А. Бунина // Русский язык в школе/ Г.Н. Абреимова. – 2004, № 2. – С. 73 - 75.
2. Азарх, Н.А. Фразеологические единицы в современном английском языке/ Н.А. Азарх. - М.,1956.-117с.
3. Азимова, М.Н. Сопоставительно-типологическое исследование фразеологической системы таджикского и английского языков/М.Н.Азимова.- Душанбе, 2006. - 242с.
4. Азимова, М.Н. Воҳидҳои фразеологӣи забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ дар шарҳи муқоисавӣ-типологӣ/М.Н. Азимова.- Хучанд: Меъроҷ, 2014. - 180с.
5. Алефиренко, Н. Ф. Теория языка. Вводный курс//Учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов/Н.Ф. Алефиренко. – М., 2004. – 368 с.
6. Алефиренко, Н. Ф., Семенов, Н.Н. Фразеология и паремология// Учебное пособие/ Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. –М.: Флинта, Наука, 2009. - 344с.
7. Амосова, Н.Н. О целостном значении идиомы//Исследование по английской филологии №2/ Н.Н. Амосова.-Л.: Изд-воЛГУ,1961.
8. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии/ Н.Н.Амосова. – Л.,1963. - 207с.
9. Амосова, Н.Н. Фраземы как разновидность фразеологических единиц английского языка// Проблемы фразеологии: Исследования и материалы/Н.Н. Амосова. -М., 1964, стр. 131-140
10. Амосова, Н.Н. Современное состояние и перспективы фразеологии//ВЯ/ Н.Н. Амосова. -М.,1966, №3. стр. 21-27

11. Андрейчук, Н.И. Соотношение семантики фразеологических единиц и свободных словосочетаний: автореф. дис...канд.филол.наук: 10.02.04/ Н.И.Андрейчук. -Одесса,1987.-14с.
12. Анисимова, З.И. Лексико-фразеологические варианты прилагательных во фразеологических единицах (на материале англ. языка). //Уч. зап.1 МГПИИЯ. - Т.5/ З.И. Анисимова. -М.,1956
13. Апресян, Ю.Д. К вопросу о значении фразеологических единиц // Иностраный язык в школе/ Ю.Д. Апресян. -1957. №6. стр.13-17
14. Арнольд, И.В. Лексикология современного английского языка/И.В. Арнольд. -М.:Изд. лит.на иностр.яз.,1959. - 301с
15. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка/И.В. Арнольд. -Л.:Просвещение, 1981.- 295с.
16. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (на материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека, в английском и русском языках)/ Е.Ф. Арсентьева. - Казань : Изд-во Казанского университета, 1989. - 126с.
17. Артёмова, А.Ф. Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал: автореф. дис...канд.филол.наук: 10.02.04/А.Ф.Артёмова. -С-Петербург, 1992. -18с.
18. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл // Логико-семантические проблемы /Н.Д.Арутюнова.-М.:Наука,1976. - 289с.
19. Архангельский, В.Л. Некоторые вопросы русской фразеологии в связи с историей её изучения// Учён.записки/ В.Л. Архангельский.-Ростов н/Д, 1955.-100-127с.
20. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии/ В.Л.Архангельский.- Ростов р/Д, 1964. - 315с.
21. Ахманова, О. С. Очерки по общей и русской лексикологии/ О.С.Ахманова.- М.:Уч-педгиз, 1957. - 295с.

22. Ахманова, О.С. О стилистической дифференциации слов//Сборник статей по языкознанию/О.С.Ахманова.- М.:Издатель Московский университет, 1958. - 372с.
23. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов.-М.: Сов. Энциклопедия, 1966. - 607с.
24. Ашукин, Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова/Н.С. Акушин, М.Г.Акушина.- М.,Гослитализдт., 1960. -243с.
25. Бабкин, А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники/А.М.Бабкин. - Л.:Наука, -1970. -263с.
26. Бабкин, А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и в словаре// Современная русская лексикография/А.М.Бабкин. -Л., 1977. стр.4-17
27. Бережная, Е. П. Фразеологизмы у Чехова // Русский язык в школе/Е.П.Бережная. – 2004, №6 - С. 56 - 63.
28. Буркина, С. Г. Фразеология загребского молодёжного жаргона // Проблемы фразеологической и лексической семантики. Материалы Международной научной конференции/С.Г.Буркина. Кострома,18-20 марта 2004 г. – Москва, 2004. – стр. 171 - 176.
- 29.Быков, Д. В. Фразеорефлексы французского языка // Язык и действительность. Сборник научных трудов памяти В. Г. Гака / Отв. ред. В. Д. Мазо, М., 2007. – стр. 416 - 424.
- 30.Булаховский, Л.А. Введение в языкознание/ Л.А.Булаховский. -М.: Учпедгиз.-1958.-257с.
- 31.Виноградов, В.В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины.//Избранные труды/В.В. Виноградов. - М.: Наука, 1977.- стр.118 - 139
- 32.Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды/В.В.Виноградов.-М.: Наука,1977. - 364с.
- 33.Винокур, Г.О. Закономерности стилистического использования языковых единиц/Г.О.Винокур. -М.: Наука,1980.-237с.

34. Власенков А. И. Русский язык: Грамматика. Текст. Стили речи // Учебник для 10-11 класса общеобразовательных учреждений / А. И. Власенков, Л. М. Рыбченкова. – М.: Просвещение, 2004. – 350 с.
35. Вендина, Т. И. Введение в языкознание // Учебное пособие для педагогических вузов / Т.И.Вендина. – М.: «Высшая школа», 2001. – 288 с.
36. Ветров. П. П. Проблемы внутреннего синтаксиса фразеологических единиц китайского языка // Вопросы языкознания / П.П.Ветров. – 2006, № 6. – стр. 62 - 75.
37. Волкова, Н. А. Жаргонная фразеология и фраземные лексические дериваты в языке и речи // Проблемы фразеологической и лексической семантики. Материалы Международной научной конференции, Кострома, 18-20 марта 2004 г. / Н.А.Волкова. – Москва, 2004. – С. 176 - 183.
38. Воронина, А.З. Глагольные фраземы в аспекте номинации.: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.З. Воронина. - М., 1979. - 24 с.
39. Гаврин, С.Г. Фразеология современного русского фразообразования / С.Г. Гаврин. - Пермь: Изд.- 1974. - 307 с.
40. Гак, В.Г. Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // ВЯ / В.Г. Гак. - 1977. - № 5. - 55 с.
41. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. - М.: Наука, 1981. - 139 с.
42. Гаффоров, Р. Ибораҳои фразеологӣ дар забони тоҷикӣ // Маориф ва маданият / Р. Гаффоров. - 1963
43. Гвоздарёв, Ю.А. Основы русского фразообразования / Ю.А. Гвоздарёв. - Ростов н/Д: Изд.-во Ростовского университета. - 1977. - 277 с.
44. Гринь, Г.С. Глагольные фразеологизмы в американском варианте английского языка / Г.С. Гринь. - М., 1980. - 255 с.

45. Гируцкий, А. А. Введение в языкознание//Учебное пособие/ А.А.Гируцкий. - М., 2003. – 288 с.
46. Гоголицына, Н.П. Фразеологические единицы со значением качественной характеристики лиц в русском языке в сопоставлении с английским языком: автореф.дис...канд.филол.наук: 10.02.04/Н.П.Гоголицына. -Л.,1979.-18с.
47. Головин, Б. Н. Введение в языкознание//Учебное пособие для филологических специальностей университетов и педагогических институтов/Б.Н.Головин. – М.: «Высшая школа», 1977. – 311 с.
48. Григорьев, А. В. К вопросу об источниках библейских фразеологизмов // Филологические науки/А.В.Григорьев. -2007, № 1. – стр. 50-59.
49. Гвоздарев, Ю.А. Фразеологические сочетания современного русского языка/Ю.А.Гвоздарев.-Ростов на Дону: Изд.-во Ростовского университета. -1973. -104с.
50. Дашевская, В.Л. Фразеологические комплексы и проблема сочетаемости // Сборник науч. трудов МГПИИЯ им.М.Тореза/В.Л.Дашевская. -вып.145.-1979
51. Диброва, Касаткин, Николина, Щеболева. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц//Учебник для вузов/ Диброва, Касаткин, Николина, Щеболева. -2001: В 2 ч.
52. Джалилов, Х. Структурно-семантические особенности и синтаксические функции фразеологических единиц в современном таджикском литературном языке. автореф.дис...канд.филол.наук: 10.01.02/ Х.Джалилов. - Душанбе, 1976.
53. Джамshedов, П.Д. Семантика вида глагола в русском, таджикском и английском языках/П.Д.Джамshedов. –Душанбе, 1989. Стр.110-122.
54. Дубровина, К. Н. Национально-специфические особенности русской библейской фразеологии // Проблемы фразеологической и лексической семантики. Материалы Международной научной конференции.

- Кострома, 18 - 20 марта 2004 г/К.Н.Дубровина. – Москва, 2004. –стр. 62-65.
55. Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование/ Сост.: Диброва Е. И., Касаткин Л. Л., Николина Н. А., Щеболева И. И. – М., 2001. – 544 с.
56. Жигadlo, В.Н. Иванова И.П., Иофик Л.И. Современный английский язык/ В.Н. Жигadlo, И.П. Иванова Иофик Л.И. -М.,-1956. -350с.
57. Жуков, В.П. Русская фразеология/В.П.Жуков. – М.:Высш.школа, 1986. -310с.
58. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов/В.П. Жуков. Москва, «Просвещение», 1978. - 158с.
59. Зиньков, А.Д. Сравнительное исследование адвербиальных ФЕ в современных западно-германских языках: автореф. дис...канд.филол.наук:10.02.04/А.Д.Зиньков. -М.,1976. -16с.
60. Караулов, Ю.Н. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия. Дрофа, 1997. – 703 с.
61. Квеселевич, Д.И. Основные проблемы лексикографической разработки фразеологии в русско-английском фразеологическом словаре. автореф. дис...канд.филол.наук:10.02.04/Д.И.Квеселевич.- Житомир, 1973. - 25с.
62. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика/Г.В.Колшанский. - М. Наука, 1980. - 148с.
63. Колшанский, Г.В. О формализации контекста// Машинный перевод и прикладная лингвистика-Вып.5/Г.В.Колшанский. -М.,1961. - 160с.
64. Комарова, Е. В. Фразеологизмы, выражающие различные формы отношений к людям, в русском, болгарском и польском языках // Филологические науки/Е.В.Комарова. – 1994, № 4. – стр. 70 -75.
65. Копыленко, М.М., Попова, З.Д. Очерки по общей фразеологии: (фразеосочетание в системе языка) М.М.Кпыленко, З.Д.Попова. - Воронеж: Изд.Ворон.ун-та,1981.

66. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. /Отв.ред.Б.А. Серебренников, АН СССР, Ин-т языкознания.-М.: Наука, 1986. - 156с.
67. Кузнецова, Э. В. Лексикология русского языка//Учебное пособие для филологических факультетов университетов/Э.В.Кузнецова. – М.: Высшая школа, 1989. – 216 с.
68. Кунин, А.В. Двойная актуализация как понятие фразеологической семантики// ИЯШ/А.В.Кунин. -1974. - №6
69. Кунин, А.В. Английская фразеология. Теоретический курс/А.В.Кунин. - М.:Высш.шк.,1970. - 344с.
70. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка/А.В.Кунин.-М.:Высш.шк.,1986. -396с.
71. Кунин, А.В. Фразеология современного английского языка/А.В.Кунин. -М.:Изд. – во «Международные отношения»,1972. - 288с.
72. Лазарева, Б.Т. Фразеологические сращения в современном английском языке. автореф. дис...канд.филол.наук:10.02.04/ Б.Т.Лазарева. -М., 1955.-16 с.
73. Ларин, Б.А. О методах изучения фразеологических сочетаний// Тез.докл.на секции филол.наук. М., 1958(59)/Б.А.Ларин. -Л., 1959.- стр.210-213.
74. Ларин, Б.А. Очерки по фразеологии(о систематизации и методах исследования фразеологических материалов)//История русского языка и общее языкознание/Б.А.Ларин.- М., 1977.- стр.125-129
75. Ларин, Б.А. История русского языка и общее языкознание. (избранные работы.)//Учебное пособие для студентов пед.ин.-тов. Составил проф. Б.Л.Богородский, проф.Н.А.Мишерский.-М., «Просвещение», 1977. - 224с.
76. Леонтович, О.А. Проблема внутренней формы фразеологической единицы: автореф.дис...канд.филол.наук:10.02.04/О.А.Леонтевич. - М.,1987. -23с.

- 77.Лекант П.А., Диброва Е.И., Касаткин Л.Л. и др. 2002 - Современный русский язык. Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Филология» / Сост.: Лекант П. А., Диброва Е. И., Касаткин Л. Л. и др. – М.: Дрофа, 2002. - 560 с.
- 78.Литвинов, П.П.Фразеология/П.П.Литвинов.- М., 2001.-183с.
- 79.Маджидов, Х.М. К вопросу о классификации фразеологических единиц современного таджикского языка // IV Всесоюз. науч.конф.по иранской филологии: (тез.докл.)/Х.М.Маджидов. – Ташкент: Изд.Ташкентского гос.ун-та, 1964. - стр.19 – 20
- 80.Мачидов, Ҳ. Баъзе роҳҳои ташаккули воҳидҳои фразеологӣ дар забони ҳозират тоҷикӣ//Межвузов.науч.конф.по иранской филологии (тезисы докладов)/Ҳ.Мачидов. - Душанбе, 1966.
81. Мачидов, Ҳ. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик/Ҳ.Мачидов. -Душанбе ,1982.
- 82.Маджидов, Х.М. К определению фразеологического знака // Русский язык-язык дружбы и братства: (тез.докл.)/ Х.М.Маджидов.-Душанбе, 1985.-С.144-145.
- 83.Маджидов, Х.М. Фразеологическая система современного таджикского языка:автореф. дис....док-ра филол.наук:10.02.08/ Х.М. Маджидов. - Душанбе. 1995. - 48с.
84. Максудов, Т., Зикриёев Ф. К., Чалилов Ҳ. Оид ба воҳидҳои фразеологӣ ва вазифаҳои синтаксисии онҳо/Т.Максудов, Ф.К.Зикриёев , Ҳ. Чалилов.- Душанбе, 1986. – 84 с.
- 85.Маргулис, В.Д. Семантическая структура фразеологической единицы и её функционирование в тексте в современном английском языке: автореф.дис... канд.филол.наук:10.02.04/В.Д.Маргулис. -Л.1983. - 20с.
86. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание//Учебник для филологических специальностей вузов/Ю.С.Маслов. – М.: Высшая школа, 1998. – 272 с.

- 87.Минина, Н.М., Гандельман В.А. Лексический минимум по немецкому языку. Для ин-тов и фак.иностр.яз.- Вып.1/Н.М.Минина, В.А.Гадельман. - М.: Высш.шк..1965. - 103с.
- 88.Минина, Н.М. Пособие по лексике немецкого языка. (для ст.курсов ин-тов и фак.иностр.яз.)/Н.М.Минина.- М.,Высш.шк..1973. -142с.
89. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология/В.М.Мокиенко. -М.: Высш.Шк.,1989. -287с.
90. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология//Учебное пособие для студентов/В.М.Мокиенко. – М., 1989 - 207 с.
91. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка/А.И.Молотков. - Л: Наука, 1978. - 183 с.
- 92.Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка/А.Г.Назарян.- М: Высш. Шк, 1987. - 288с
- 93.Наумова, И. О. О некоторых лексических и фразеологических фразеологизмах английского происхождения в русском языке// Русский язык в школе/И.О.Наумова. – 2004, № 1. – С. 89 - 91.
94. Павленко, Т.Л. Семантические соотношения компонентов фразеологической единицы со словами// Межвузов.сб.науч.трудов: Фразеологическая номинация. Особенности семантики фразеологизмов/Т.Л.Павленко.- Ростов на Дону, 1989.- С.37- 46.
- 95.Пастушенко, Л.П. Английские фразеологические единицы в составе фразеологической единицы в составе фразеологического поля/Л.П.Пастушенко.- Киев, 1982 – 191с.
96. Реформатский, А. А. Введение в языкознание//Учебник для вузов / Под ред. В. А. Виноградова/А.А.Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 536 с.
- 97.Рубинчик, Ю.А. Основы фразеологии персидского языка/Ю.А.Рубинчик. -М.: Наука, 1981. – 275 с.
- 98.Саидов Р. Фразеология таджикской народной поэзии. – автореф. дис...док-ра филол.наук:10.02.08/Р.Саидов. –Душанбе, 1995 -35с.

99. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка/А.И.Смирницкий. - М.: Изд.иност.лит..1956. - 260с.
100. Смитт, Л.П. Фразеология английского языка/Л.П.Саидов. - М., Учпедгиз.1959.
101. Солодуб, Ю.П. К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках// ВЯ/Ю.П.Солодуб. - 1982.-№2
102. Степанова, М.Д. Чернышёва И.И. Лексикология современного немецкого языка/М.Д.Степанова, И.И.Чернышёва. - М.: Высш.шк.. 1962. - 285с.
103. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова/И.А.Стернин.- Воронеж: Изд.-во Воронежского ун-та, 1979. -184с.
104. Тахохов, Б.А. Одновершинные фразеологизмы русского и таджикского языков//Вопросы методики и психологии обучения русскому языку в таджикской высшей и средней школе/Б.А.Тахохов.- Душанбе, 1973.- вып.1.
105. Телия, В.Н. Что такое фразеология?/В.Н.Телия.- М.: Наука ,1966. - 86с.
106. Телия, В.Н. Вторичная номинация и её виды.-В кн: Языковая номинация/виды наименований/В.Н.Телия. -М.,1977. - 316с.
107. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспект/В.Н. Телия.-М.: Школа “Языки русской культуры” , 1996. - 285с.
108. Ульман, С. Семантические универсалии/С.Ульман.- М: 1970. - 265с.
109. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы (на материале англ.яз.)/Уфимцева.- Изд-во Акад.наук СССР, 1962. -287с.
110. Федуленкова, Т.Н. Английская фразеология: Курс лекций/Т.Н.Федуленко. - Архангельск, 2000.- 122с.
111. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик/М.Фозилов. – Душанбе: Нашр.дав.тоҷик, 1963-1964. – Ҷилди 1. – 952 с.. –Ҷилди 2. 840 с.

112. Фомина, М. И. Современный русский язык. Лексикология//Учебник/М.И.Фомина. – М.: Высшая школа, 2001. – 415 с.
113. Халилов, А.Х. Ибораҳои изофӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик/А.Х.Халилов. -Душанбе, 1964 – 33с.
114. Холов П. Ибораҳои фразеологии изофӣ// Вопр.востоковедения. Труды СамГУ/П.Холов.- Самарканд, 1976. С.157-168.
115. Хушенова, С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка/С.В.Хушенова. – Душанбе: Дониш, 1971. – 190 с.
116. Хушенова, С.В. Современное состояние и задачи изучения таджикской фразеологии//Вопросы языкознания/С.В.Хушенова. - 1980.№2, стр.125-134
117. Цэрэндорж, Ц. Заметки о фразеологическом составе текстов А. С. Пушкина // Проблемы фразеологической и лексической семантики. Материалы Международной научной конференции, Кострома, 18-20 марта 2004 г/Ц.Церендрож. – Москва, 2004.
118. Чернышёва, И.И.Фразеология современного немецкого языка/И.И.Чернышёва. -М.,1970. - 200с.
119. Чернышёва, И.И. Актуальные проблемы фразеологии// ВЯ/И.И.Чернышёва. -1977. №5
120. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка/Н.М.Шанский. -М., 1963.- 232с.
121. Шмелёв, Д.Н.Современный язык. Лексика/Д.Н.Шмелёв. -М.: Наука,1977.
122. Щерба, Л.В. Термин и его функции/Л.В.Щерба.- М:1987,с. 66.- 69
123. Юлдашев Б. Функционально-стилистические особенности фразеологических единиц в современном узбекском языке. автореф.дис... док-ра филол.наук:10.02.02/Б.Юлдашев. - Ташкент, 1993. -23с.

124. Epperson, L.L. English proverbs and proverbial phrases/ L.L. Epperson.- London-New York. Toronto, 1929
125. Healy, A. English Idioms // Kivung. Vol.1,#2/A. Healy. -1968.pp.71-108
126. Gardiner, A.H. The theory of proper names/ A.H. Gardiner.- Oxford - 1954.- 187p.
127. Koonin, A. English Idioms/ A. Koonin.- Moscow: State Textbook Publishing House, 1937.-184p.
128. Schmidt, W. Lexikalische und aktuelle Bedeutung. Ein Beitrag zur Theorie der Wortbedeutung, Akademie/ W. Schmidt. -Verlag, Berlin, 1967.
129. Gardiner, A.H. The theory of proper names/ A.H. Gardiner.- Oxford - 1954.- 187p.
130. Ullman, S. Precis de semantique francaise/ S. Ullman.- Berner, A.Franke, 1952.
131. Weinreich, U. Problems in the Analysis of Idioms: Substance and Structure of language/ U.Weinreich.– University of California Press, Berkley and Los Angeles, 1984. p.11

II. СЛОВАРИ И ИСТОЧНИКИ

132. Акуленко, В.В. Англо-русский и русско-английский словарь/ В.В. Акуленко. –М., 1969
133. Гуревич, В.В. Дозорец Ж.А. Краткий русско-английский фразеологический словарь/ В.В. Гуревич, Ж.А. Дозорец. - М.,1988
134. Каменецкайте., Н.Л. Синонимы в английской фразеологии/ Н.Л. Каменецкайте. -М.: Изд-во «Международные отношения», 1971.- 368с.
135. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь/ лит.ред. М. Д.Литвинова.-4-е изд., перераб.и доп/ А.В. Кунин. - М. :Русс.яз.,1984. - 944с.
136. Кунин, А.В. Некоторые вопросы английской фразеологии. Англо-русский фразеологический словарь/ А.В. Кунин.- М.,1955. - 453с.

137. Лингвистический Энциклопедический словарь // Лингвистический Энциклопедический словарь / Главный редактор В. Н. Ярцева. – М.: «Советская Энциклопедия», 1990. – стр.559-560.
138. Мюллер В.К. Англо-русский и русско-английский словарь/ В.К.Мюллер. М.:Эксмо, 2009.- 1200 с.
139. Чамшедов П., Толибӣ Р. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ/ П. Чамшедов, Р.Толибӣ.- Душанбе: Пайванд, 2005.- 1201с.
140. Розмари К. Словарь глагольных идиом/ К. Розмари. - М.:Рус.яз.,1986.- 734с.
141. Brewer’s Dictionary of phrase and fable, Ldn.,1965.
142. Freeman W.A. Concise Dictionary of English Idioms/ W.A. Freeman.- 1951
143. Longman Dictionary of English Idioms. -Bath:Pitman Press,1980 - 390pp.
144. The Oxford Russian Dictionary. Revised edition. Oxford New York, Oxford university press.,1997- 1340pp.

III. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

145. Айнӣ С. “Ятим”/С.Айнӣ. -Д.:Маориф ,1984, 256с.
146. Икромӣ Қ. Асарҳои мунтахаб, ҷ.4. / Қ.Икромӣ.- Душанб: Адиб 1973.- 450с.
147. Твардовский А. Т. Собрание сочинений/А.Т.Твардовский.- Изд-во “Художественная литература”. М: 1966
148. Толстой Л. “Война и мир” /Л.Толстой.- М.:Лексика, 1996. -1274с.
149. Турсунзода М. Силсилаи шеърҳо ва дostonҳо/М.Турсунзода.- Душанбе: Ирфон, 1981. - 355с.
150. Тургенев И.С. “Отцы и дети”/ И.С.Тургенев.- М.:Художественная литература. Москва, 1979. - 204с.

151. Чехов А. “Леший”. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах/А.Чехов. - М.: [Наука](#), 1978. - Т. 12. Пьесы. 1889-1891. стр.125 - 201
152. Classic English Short Stories. Selected and Introduced by Derek Hudson. Oxford University Press. N.Y.-1991.-362pp.
153. Dickens Ch. “The Old Curiosity Shop”/ Ch. Dickens.- Moscow Progress publishers, 1978. - 480p.
154. Galsworthy J. “Over the River”/ J. Galsworthy.- [Headline Review](#), 2007.-320p.
155. Scott W. “Tales of my Landlord”/ W. Scott.- Edinburg, 1891
156. Maugham W.S. Cakes and Ale or the Skeleton in the Cupboard. Moscow: Progress publishers, 1980.-237pp.
157. Maugham W.S. Complete Short Stories. Moscow Progress publishers, 1979. -328p.
158. Maugham W.S. The Moon and Sixpence. Progress Publishers. Moscow. - 240pp.
159. Maugham W.S. Of Human Bondage. М.: Изд-во «Менеджер», 1999.- 312pp.
160. Maugham W.S. The Painted Veil.-М.: 1981.-246pp.
161. Maugham W.S. Rain and other short stories. Progress Publishers. Moscow. 1977.- 408pp.
162. Maugham W.S. Razor’s Edge. Изд-во «Менеджер», Можайск. 1998.-299с.
163. Maugham W.S. Selected short stories. Сборник, 3-е изд. Составитель Н. Самуэльян. Изд-во «Менеджер», Можайск. 1998.-318с.
164. Maugham W.S. The Summing Up. Progress publishers, Moscow, 1976/- 371pp.
165. Maugham W.S. Theatre M .: Изд-во «Менеджер», 2001.- 304с.